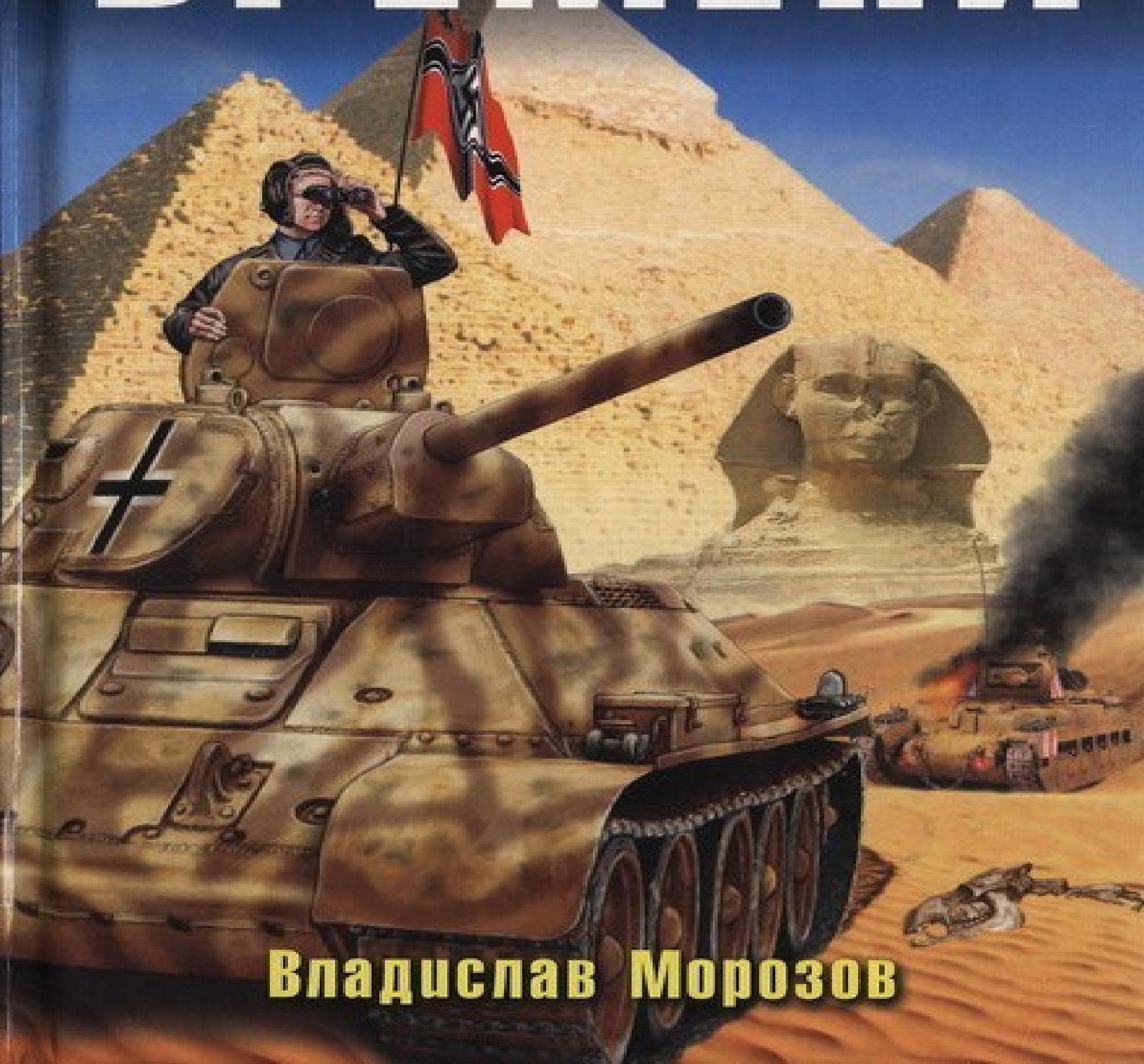

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Бронемашина ВРЕМЕНИ

Владислав Морозов

Этот мир пережил обмен ядерными ударами. Здесь продолжает существовать СССР. Здесь ветераны бесконечных войн уже не помнят, когда и по чьей вине они начались...

Но даже вырвавшись из этой беспощадной реальности, даже сбежав в иной, параллельный мир, тебе не обрести мира — ты просто попадешь на другую войну, еще более жестокую. И будь уверен: твой боевой опыт и твои навыки танкиста пригодятся тебе повсюду, в любом из альтернативных миров. А еще запомни: лучший способ изменить прошлое — шарахнуть в него из башенного орудия!

Владислав Морозов

БРОНЕ МАШИНА ВРЕМЕНИ

Посвящается моим друзьям детства — Алексею, Коле, Вовану и одной нашей дворовой игре, без которой эта книга вряд ли была бы когда-либо написана.

Практически все люди и события, описанные в книге, вымышлены и не имеют ничего общего с реальностью, а трактовка автором некоторых реальных исторических событий необязательно совпадает с общепринятой.

Когда меня в очередной, третий, раз вытаскивали из горящего танка, я начал понимать, что с военной карьерой у меня, похоже, не заладилось.

Любиша Калесич, герой всех проигранных сербами последних Балканских войн. В 1991-м — майор ЮНА, в 1996-м — полковник армии боснийских сербов, в 2001-м — арестант международной тюрьмы в Гааге

Танкист из Мертвого Города — среди обломков декораций. Начало XXI века. 23 февраля. Юго-восточная граница СССР. Зброшенный рабочий поселок в бывшей промзоне... «Демилитаризованная зона». 17 км от географического центра Краснобельска (ныне Мертвый Город).

Те, кто начинал эту войну, давно умерли не своей смертью. При этом, наверное, только они помнили, как здесь все выглядело до первых боев. А значит, только те, кто отсутствовал среди живых, могли бы ответить на вопрос, почему это облезлое, некогда выкрашенное в пошловато-розовенький цвет, двухэтажное здание, когда-то называвшееся детским садом, уцелело после всех тошнотно-рвотных конвульсий последних нескольких лет? Еще более удивительным был факт, что грязно-розовая двухэтажка все еще оставалась пригодной для какого ни есть ночлега. Хотя большинство окон было выбито и заделано кусками фанеры и кровельного железа, а кровля зияла дырами, на бывшей детсадовской кухне, в первом этаже здания, еще в самую первую, не столь ужасную, как все последующие, военную зиму, некие, ушедшие в небытие, умельцы успели сложить вполне приличную печь. А значит, в нескольких прилегающих к кухне комнатах можно было ночевать с относительным комфортом, даже в лютую стужу. Правда, при непременном условии, что печь будет топиться всю ночь, и не раздеваясь... Немногие, еще живые, ветераны этой никчемной, непонятной и бессмысленно-жестокой войны, наверное, могли бы вспомнить, что здание уцелело еще и потому, что во время неточных, но массивированных бомбежек и ракетных обстрелов последних трех лет, превративших этот, тогда еще частично жилой, поселок в скопище строительного мусора, здесь помещался временный центр медицинской и радиологической помощи ООН. Тогда ООН еще проявляла в этих местах мягкотелый либерально-гуманистический альтруизм. Соответственно, и объекты ООН воюющие стороны в те времена еще старались не трогать по причине остаточного гуманизма. Но это было еще до Лондонских соглашений о разводе войск, выводе из «Демилитаризованной зоны» частей Советской Армии, химических ударов и эпидемий.

Сейчас бывший детский сад одиноко стоял посреди покореженного авиабомбами и гусеницами тяжелой техники скверика, от которого давно остались одни пеньки. На много кварталов вокруг были только грязные сугробы и обгоревшие скелеты домов, двух- и пятиэтажных кирпичных, постройки середины прошлого века — за пустыми оконными проемами торчали смятые в гармошку балки перекрытий и лестничные клетки. Высотные

блочные дома более свежей постройки по большей части просто сложились внутрь, словно костяшки домино, и их остатки теперь походили на творения сбрендившего скульптора-абстракциониста. С низкого серого неба на все это беспросветно-унылое живописное безобразие сыпалось острое ледяное крошево, отдаленно напоминающее снег. Где-то, кажется, совсем близко, изредка бухали непонятно чьи пушки. Все было как всегда. В данное время в бывшем детском саду вновь размещалось нечто, слегка похожее на плохой медпункт. При этом над входом не болталось никаких памятных по прежним временам приметных белых тряпок с красным крестом и прочей подобной сентиментальной дребеденью. Воюющие стороны постепенно исчерпали последние крохи гуманизма и с некоторых пор начисто игнорировали какие-либо элементы «нейтральности», применительно ко всем без исключений. Даже если это были какие-нибудь «Врачи без границ» или явно сумасшедшие европейские журналисты, непонятно зачем свалившиеся в «Демилитаризованную зону». Собственно, на этой то затухавшей, то вновь вспыхивавшей войне (которая согласно последним документам ООН давно закончилась) даже брать пленных считалось признаком дурного тона. Исключением были лишь очень редкие случаи, когда пленного можно было обменять на что-то нужное и материальное. Любая валюта в «Демилитаризованной зоне» считалась просто резаной бумагой. Но «свободно конвертируемые персоны» ныне в эти края почти не забредали...

На потрескавшееся бетонное крыльцо промерзшего детсада выбрался помятый, не выспавшийся молодой мужик, выглядевший одновременно запущенно-голодным и страшно недовольным. Глядя на подернутые желтовато-мутным льдом ступени, мужик сосредоточенно поскреб заскорузлой пятерней небритую не менее недели, измазанную засохшей чужой кровью щеку и вытащил из кармана дырявого армейского бушлата помятую до состояния гофра сигаретную пачку. Прикурив дрянную китайскую сигаретку, мужичок мрачно уставился в мутное небо. И, хотя болтавшийся в кармане счетчик Гейгера пока не проявлял никаких признаков повышенного фона, жить ему хотелось не очень. При этом помирать он тоже пока не собирался. Все звали этого «мужичка с ноготок» (росту в нем действительно было метр шестьдесят пять с кепкой) подчеркнуто-уважительно «Алексеич», опуская фамилию и имя. А еще его так же почтительно именовали «Доктор», хотя по своей квалификации он не тянул и на военфельдшера. В спокойные, ранешние времена, еще до начала этой кровавой заварушки, Алексеич был всего-навсего очень средним зубным техником в поликлинике моторного завода. Однако, учитывая, сколько разного умного народа, без скидок на профессию, пол и возраст, уже сожрали войны и болезни, даже столь дерьмовый «медицинский кадр» был для самозванной «Армии Краевой Самообороны» (сокращенно «АКС») кем-то вроде былинного академика Бурденко. Приличной медицины в «Демилитаризованной зоне» не было давно. Прошлым летом, когда в эти края доползла-таки то ли из Африки, то ли с ближневосточных атомных помоек неизвестная доселе науке смертельная кишечная инфекция, ооновские врачи испугались до крайней степени и осенью окончательно свернули свое присутствие в этой географической точке. С тех пор любой, кто умел хотя бы делать уколы, здесь считался за «врача с дипломом» и становился желанным трофеем для любой из воюющих сторон. Учитывая, что инфекция эта еще продолжала «прореживать» и без того немногочисленное местное население, а радикальных средств борьбы с ней не было. Работать же медикам было практически невозможно — буквально все необходимое, даже для первой помощи, или приобреталось на «натуральном Черном рынке», или добывалось в бою. Но трофейных медикаментов всегда не хватало, а то, что

некогда именовалось «гуманитарной помощью», перестало поступать вовсе. Размышляя о «прелестях» нынешней невеселой жизни, Алексеич курил и прислушивался к простуженному, дрянненькому радиоприемнику, гундевшему в кабине стоящего справа от крыльца, простреленного в нескольких местах обшарпанного зеленого ГАЗ-66 с КУНГом вместо бортового кузова. Шофер — заторможенный паренек по имени Дима — как обычно, лежал под машиной, на подстеленном прямо на снег засаленном караульном тулупе и в который уже раз гремел железками, периодически прерывая работу для отогрева дыханием замерзших пальцев. Радио вываливало на бедные головы слушателей очередную порцию последних русскоязычных мировых новостей. В последнее время любые московские новости больше всего напоминали сводки с поля боя, и от их прослушивания более всего хотелось лечь и помереть, не отходя от радио, от полной безнадёги происходящего. Казалось, что на земном шарике все давно и окончательно сошли с ума.

Вот и сейчас невероятно бодрый голос дикторши вещал о неотложных мерах по борьбе с новым, катастрофическим затоплением обширных территорий Западной Европы из-за скоростного таяния полярных шапок, спровоцированного «ограниченными ядерными ударами» в недавних войнах на Ближнем Востоке и в Корее; о все более катастрофических последствиях последней (теперь уже точно — последней!) индо-пакистанской войны; об очередных многочисленных жертвах «болезни Хашио» (той самой смертельной кишечной инфекции, названной так в честь выделившего этот вирус, ныне уже покойного, японского профессора — злые языки шутили, что вирус назван не в честь открывателя, а в честь создателя, тоже японца, полковника императорской армии из знаменитого «отряда 731») в Африке и Европе; о боях на советско-галицийской границе; нападениях боевиков из «Освободительной армии Квебека» на гарнизоны и транспортные колонны «Североамериканских сил по поддержанию мира»; о масштабном геноциде коренного монгольского, казахского и киргизского населения на территориях, «временно оккупированных Народно-Освободительной армией КНР», и многих других, столь же «радостных» вещах. И только про узкую полосу бывшей советской территории, тянущуюся от Уральска почти до Омска, именуемую «Демилитаризованная зона», в новостях не сообщали ничего. Этого «буфера», отделяющего изрядно сузившуюся территорию СССР от отравленного остаточной радиацией «дикого поля» Средней и Центральной Азии, где тем не менее хозяйничали «миротворческие силы ООН» и китайские «народоосвободители», словно и не существовало на карте этого мира. Впрочем, для мировых телерадиоагентств существовало много других живописных мест, где люди ели друг друга... Алексеич продолжал курить и прислушивался к недалекой канонаде. По всему выходило, что «миротворцы» из ООН вновь взялись за «умиротворение» кого-то из местных «авторитетов», либо опять всплыла из небытия радиоактивных полупустынь бывшего Казахстана какая-нибудь очередная, как обычно самозваная и начисто незаконная, вооруженная сила. И эта сила, похоже, в который уже раз накатывалась на Мертвый Город. В этой связи обширный жизненный и военный опыт подсказывал Алексеичу, что «пора рвать когти», пока еще есть бензин и грузовик на ходу. Набить в машину все, что можно увезти, и быстро уезжать, пока обстановка не изменилась к худшему кардинально, а этот недоумок-водила не удрал самостоятельно, пальнув непосредственному начальству в спину. А с другой стороны, в мозгу у Алексеича свербила подленькая мысль — а куда бежать-то? И зачем? В Мертвом Городе и так наверняка не протолкнуться от беженцев и удирающего «самооборонного» воинства. И если последние, чисто умозрительные, очаги сопротивления уже подавлены или

будут вот-вот уничтожены, то неизвестные пока супостаты будут в гости, самое позднее, завтра. И какая при таком раскладе разница, где подыхать? Хотя почему, собственно, подыхать? Подыхать Алексеичу не очень-то хотелось. Во всяком случае, не здесь и не сейчас... «А народишко-то драпает», — подумал Алексеич, сплевывая на крыльцо тягучую, горьковатую слюну и отбрасывая окурок в сугроб. По дороге, в направлении центра Мертвого Города, оступаясь в глубоких, проложенных танками колеях, тянулись редкие людишки, тащившие на себе узлы, мешки, рюкзаки, чемоданы, коробки и еще бог знает что. В обычное время встретить гражданских вне границ Мертвого Города считалось маловероятным. Окрестности сильно обезлюдели после шестилетней давности бомбежек и, особенно, после химических атак последних трех лет — в загаженной ипритом и зоманом местности живется не очень-то комфортно... Правда, нельзя было назвать этих «бегунцов» штатскими в полном смысле этого слова — большинство так или иначе были вооружены. Похоже, только полные идиоты из ООН могли обозвать «Демилитаризованной зоной» место, где даже дети таскали за собой «калаши» или гранатометы. Хотя ООН, давно бывшая на полном содержании у все расширяющегося НАТО, считалась некой сектой виртуальных лунатиков, напрочь утративших чувство меры и реальности. Судя по документам, публикуемым ООН в последние несколько лет, руководители сей почтенной организации плохо представляли даже, на какой именно планете они находятся. Совсем редко, распугивая пеших ходоков, по дороге проезжали старые грузовики и легковушки, обвешанные «личным имуществом граждан», на глаза Алексеичу попался даже трактор «Беларусь» с прицепом. «Сходить за стволом, что ли? — подумал Алексеич лениво. — А то кому-нибудь из „пешедралов“ может взбрести в голову мысль об обретении колес, и не каких-нибудь, а наших...». В остальном же Алексеич не понимал главного — кто уже третью неделю воюет с АКС? Конечно, здесь в порядке вещей было, чтобы с Ближнего Востока, где Хайфу, Иерусалим и Тель-Авив разменяли в ядерных шахматах на Багдад, Дамаск, Тегеран и Мекку, являлся какой-нибудь до сих пор не исдохший от проникающей радиации «посланник пророка Мухаммеда», с очередным оригинальным толкованием Корана, ооновской «гуманитарной помощью» и американской зеленой валютой в карманах. Именно последние два обстоятельства обычно привлекали под знамена нового «аятоллы» (обычно это была зеленая тряпка, украшенная сурами из Корана, львами, волками и скорпионами) многочисленных неофитов. Неофиты эти сразу же забывали русский язык, переставали брить бороды и начинали вместо «Здравствуйте» говорить «Аллах Акбар». Правда, обычно это не мешало им продолжать пить всевозможные спиртосодержащие жидкости, заедая их салом и свиной тушенкой. Кончались эти «походы за веру» всегда одинаково. Даже если этим свежееобразованным «Исламским фронтам» и удавалось взять Мертвый Город, долго они в нем не задерживались. Причина была проста: у «духовного вождя» (а точнее, «вождя „духов“») заканчивалась валюта, полученная по линии ООН жрачка и, что самое главное, солярка. После этого «аятолла» обычно скоростно и трагически погибал за веру от рук собственных последователей (двум или трем наиболее удачливым удалось удрать в Европу или Южную Америку, подальше от местных, отравленных далей). Девяносто девять процентов этих вождей и вождишек бесследно сгнули в «Демилитаризованной зоне», а их «армии» распались методом самороспуска. Рядовые бойцы этих «армий» вдруг вспоминали русский язык, переставали откликаться на «Аллах Акбар», прилюдно заявляя, что никогда не воевали под «Зеленым знаменем пророка». Помогало это обычно мало, поскольку бывших «борцов за веру» (пусть даже и с

гладко выбритыми лицами) потом методично и целенаправленно вылавливали и с большим удовольствием развешивали за гениталии на уцелевших фонарных столбах и деревьях как вояки из АКС, так и всякие, совсем уж «независимые» вооруженные формирования, вроде «Отдельного батальона сатанистов отца Автонома» или «СС-фербанда», самопроизведенного штандартенфюрера Кости Кальтенбруннера, регулярно объявлявшего себя новой инкарнацией святого Адольфа... Понятно, что при таком развитии событий «исламские радикалы» в этих краях почти перевелись. Но если сейчас это были не «войска ООН» и не «зеленые воины очередного пророка», то кто? А вот на сей счет болтали разное. Хуже всего было то, что сейчас с Юго-Востока стали долетать обрывки радиопереговоров на китайском языке, от пока что неизвестных формирований, штурмовавших Мертвый Город, уже обнаруживались не только китайские автоматы Калашникова и противотанковые ракеты (это Алексеич сам уже неоднократно видел), но и танки Т-69, с наспех покрашенными красно-желтыми звездами. Но еще хуже было то, что у убитых вражеских вояк вполне славянской внешности в карманах начали находить книжечки в красных обложках, где на русском языке (хотя и с чудовищными грамматическими ошибками) доходчиво разъяснялась целесообразность построения на территории СССР и прилегающих областей развитого социализма с китайской спецификой и осуждался ревизионизм Кремля, который давно обанкротился экономически, идеологически и морально-политически...

— Чего там нового видно на горизонте? — прервал размышления Алексеича выглянувший из-под ГАЗ-66 шофер Дима. — А то вроде броня идет? — Ему не давал покоя лязг гусениц и рев двигателей, который они с Алексеичем слышали около часа назад. А сейчас шум двигателей начал явно приближаться к ним из-за поворота дороги, скрытого от глаз руинами домов. Вот только характерного лязга и скрежета танковых траков на сей раз слышно не было.

— Гудит, — ответил Алексеич. — Но пока ни хрена не видно, хотя... — В этот момент на дороге среди руин замаячил длинный, граненый бронекорпус на восьми колесах весьма знакомых очертаний. За ним показались вторая и третья аналогичные бронекоробки, в которых Алексеич, теперь уже безошибочно, опознал БТР-80. Вторая машина не имела вращающейся башни с КПВТ, но зато была утыкана дополнительными радиоантеннами. «Что за шишка?» — подумал Алексеич. По опыту он знал, что здесь на КШМ кто попало не ездит. На двух других бронетранспортерах ехали десантом человек двадцать разнообразно обмундированных молодцов с не менее разномастным оружием. На бронемашине Алексеич рассмотрел стилизованные эмблемы «Армии Краевой Самообороны» — красные пятиконечные звезды, в которые были вписаны три белые буквы «АКС» и изображения черных перекрещенных автоматов Калашникова без прикладов.

— Чего замолчал, пан доктор? — крикнул Дима из-под машины. — Кто там едет-то? — По интонации его голоса было понятно, что на него накатывает нервное состояние шухера, и еще минута-другая — и он припустит во все лопатки к ближайшим развалинам, плюнув на все.

— Да свои это, — успокоил его Алексеич снисходительно. — Эмблемы наши, да и не стреляют... Пока... — Последнее обстоятельство не то чтобы сильно обнадеживало и без того единичных беженцев, при приближении броневиков с дороги словно ветром сдуло. Покачиваясь на неровностях разбитой дороги, «восьмидесятки» поравнялись с бывшим детским садом. Две машины остановились, порывивая моторами на холостых оборотах, а командный БТР, натужно взвывая дизелем, свернул с дороги и направился напрямик к

крыльцу, где скучал Алексеич. Прежде чем подъехавший БТР навис над Алексеичем своим заостренным носом, он сумел разглядеть на грязной, заснеженной броне собственное имя машины «Чебурашка» и торчавшую из верхнего люка заменяющей пулеметную башню рубки некую грязноватую личность в ребристом танковом шлеме.

— Ау! Медицина!! — возгласила личность, выбираясь из люка почти целиком.

— В каком смысле «медицина»? — лениво поинтересовался Алексеич.

— Ты — медицина? — задал прямой уточняющий вопрос тип в танкошлеме, с грохотом ссыпаясь с брони на грешную землю. При ближайшем рассмотрении перед Алексеичем обнаружился небритый не менее недели и немывтый недели три высокий мужик, одетый в напыленную поверх черного танкистского комбинезона серую куртку гражданского образца. На вид, из-за щетины и общей загрязненности, этому хмырю можно было дать и девятнадцать лет, и сорок — черт его разберет. Про себя Алексеич отметил, что морда лица у незнакомца вроде бы знакомая. Вот только где и когда виделись, Алексеич не помнил начисто.

— Вроде того, — ответил Алексеич, отмечая новые подробности. Куртку на небритом словно драли коты, вся спина и капюшон, такое впечатление, исполосованы бритвой — серые комки пуха лезут из прорех наружу, а на левом рукаве ткань явно обгорела, аж вспузырилась. На пояском ремне незнакомца Алексеич увидел кобуру со «стечкиным», а на нагрудном кармане комбеза — жутко редкий и дорогой компактный прибор явно трофейного происхождения, совмещающий в себе дозиметр и анализатор воздуха. Такие игрушки Алексеич раньше видел только у ооновцев.

— Что значит «вроде того»?! — не понял небритый. Голос у него был нестарый, но сильно простуженный или сорванный.

— А это значит, — ответил Алексеич, — что перевязать, если надо, смогу. А вот с хирургией и прочей наукой у нас проблемы.

— Какие такие проблемы, эскулап?

— А нет ее у нас тут, хирургии то есть, и все тут. Я, паря, не хирург, а лекарь военного времени.

— Ну, так кто бы сомневался... А на гражданке ты, мобилизованный и призванный, кем был?

— Стоматолог-дантист.

— Зубодер, значит, — усмехнулся небритый. — Великолепная профессия. В нашем бардаке престижнее ее только кондитер-мороженщик или стекольщик... Собственно, хирург нам уже и не нужен. Ты лучше скажи, милый зубодер, какое ни есть обезболивающее у тебя есть?

— Ну-у... вообще-то... А ты кто, собственно, такой?

На этой фразе лязгнула, раскладываясь надвое, боковая дверь БТРа, и на снег выбрался еще один тип. Лет пятидесяти, нечисто выбритый, но при этом лысый, как колесо, в относительно новой форме натовского образца. На весу лысый осторожно держал затянутую самодельной шиной, замотанную бинтом по самое плечо правую руку. Вот его Алексеич узнал сразу. Фамилия лысого была Николин, и был он в АКС последние года полтора начальником штаба. Лет пять-шесть назад, когда еще работало какое-то телевидение, его даже показывали, в мундире, с погонами подполковника. С того времени он мог спокойно выбиться и в генералы.

— Мы, — сказал небритый значительно и кивнул на лысого, — главное командование

АКС в этом секторе ДМЗ, а точнее, то, что от него осталось...

— Что, всего двое?!?

— Трое, — уточнил небритый. — Третий в машине. Для него и прошу. Так есть или нет?

— Скажешь тебе «нет» — вы меня из всех своих наличных стволов попросите, ведь так?

— Это ты верно отметил, зубодер, архиверно...

— Ну так, а хули... Ладно, выдам дозу. Только я сам не знаю, что это за байда. Из ооновской «гуманидранки» трофей — вся маркировка то ли на китайском, то ли на корейском...

— А не отравимся?

— Да я ее раненым колю довольно давно, и вроде помогает. Другого-то все равно ничего нет...

— Оно и видно, кругом ни одного раненого...

— Обижаешь, начальник. Трое легкораненых в доме, у печки ночуют. А тяжелые либо померли, либо дальше поехали. Я же говорил, что не хирург.

— Ладно, тащи свою дурь.

Алексеич скрылся в здании бывшего детсада и через минуту вернулся с пластиковым одноразовым шприц-тюбиком. Лысый, баюкая раненую руку, нервно курил, присев на корточки у второго колеса броневика.

— Давай, — сказал небритый, высовываясь из бортового люка. Отдав тюбик, Алексеич разглядел, что внутри БТРа, на подстеленном брезенте, бушлатах и еще каком-то тряпье, лежит и тихо стонет, похоже не приходя в сознание, женщина лет тридцати пяти — сорока. Серый свитер на ней был грубо отрезан чуть ли не до ворота, а тело, от груди почти до бедер, было туго, но не очень умело обмотано бинтами, на которых проступали сочащиеся красновато-коричневые пятна. Несмотря на полумрак боевого отделения, Алексеич сразу идентифицировал в этой крашеной блондинке с припухшим лицом свое непосредственное начальство.

— Узнал? — спросил небритый. — Можешь честь отдать, это Светлана Дитлова, главный медик АКС в нашем секторе...

Он выбрался из машины и отбросил пустой тюбик в сугроб. Еще один тип в танкошлеме (видимо, водитель броневика) накрыл раненую зеленым шерстяным одеялом, на виду остались торчать только белые, гражданского образца, растоптанные сапоги на «молниях».

— Где это вас так?

— Прошлой ночью, — ответил слабым голосом лысый, все еще сидевший со своей сигареткой у колеса БТРа. Про себя Алексеич отметил, что курит он какой-то приличный американский табак...

— В Колотуевке, — пояснил небритый. — Километрах в тридцати отсюда.

— Ведь помрет же, — кивнул Алексеич на раненую. — Не довезете. Чем это ей так живот порвало?

— Что помрет, сам знаю, — вздохнул небритый. — Ее давеча оперировал и зашивал коновал, вроде тебя. Так он летальный исход, можно сказать, гарантировал... А ранило ее НУРСом, а точнее, его осколками. Хорошие НУРСы, импортные, боевая часть игольчатая — людей в фарш на месте шинкует...

— Откель НУРСы-то?

— С вертолета, ясный перец.

— А вертолеты откель?

— Откуда я знаю? Завелись. Пара «Апачей-Лонгбоу» и несколько «Литтл-Бирдов».

— Кого-кого?

— Ну, «Апачи» ты знать должен, а «Литтл-Бирды», они такие маленькие, черные, с ночными прицелами и прочей пакостью. От «Хьюза» вроде. Их вся эта мразь из «миротворческих сил ООН» для поддержки специальных операций использует...

— Говорил я, что где-то под боком у нас их аэродром подскока, — подал голос лысый. — Хрен они от какого-нибудь Жаркамыса без дозаправки долетели бы...

— Так у нас же вроде как перемирие с этими «миротворцами»? — удивился Алексеич. — Или уже нет?

— А фиг его разберет. На них не написано, кто они и за что воюют. У них и радиопереговоры сплошь кодированные, даже язык понять нельзя. Да и ушли они, суки такие. Теперь и не докажем ничего, — и небритый сплюнул.

— И сколько их было?

— Я лично не меньше шести насчитал...

— Семь, — уточнил лысый.

— Ну, семь. Один вроде дымил, когда уходили. А у нас, прикинь, КШМ, «Зилок» с ракетой, три БТРа и две «бардадымки» — как корова языком слизнула... Тридцать один жмурик, включая почти весь штаб, и двадцать четыре раненых — думаешь, почему у нас обезболивающего нет? И, что самое поганое, весь налет длился меньше десяти минут. Ну, не гадство, скажешь?!

— Что характерно, — добавил лысый, — половина наших штабов до сих пор на связь не выходит... И ведь не похоже, что связь помехами дают... Неужели они ночью по всем так же, а?

Тут до обалдевшего от всего увиденного и услышанного Алексеича долетел писк, похожий на морзятку, а затем весьма знакомые треск и шорох. Он обернулся. Лысый Николин неловко держал левой рукой у уха плоскую прямоугольную коробочку, с кнопками и короткой штыревой антенной. Радиотелефон — большая редкость, даже среди комсостава АКС. Такую аппаратуру Алексеич видел только у офицеров и медиков ООН, а у «самообороны» она встречалась только в виде трофеев.

— Вова Тяпкин на связи, — сказал лысый, обращаясь к небритому. — Герой-разведчик.

— Ну-у?! — удивился небритый. — Хоть этот жив.

— Третий, докладывай, — сказал лысый в радиотелефон.

— Я Третий, — сказала трубка довольно хорошо слышным через шорохи атмосферных помех металлическим голосом. — В пределах видимости наблюдаю не менее трехсот целей. В основном Т-69, гусеничные БТР и БМП китайского производства...

— Идентификация?

— Вся маркировка и номера скрыты под свежим зимним камуфляжем. Переговариваются между собой по-русски...

— Помехи ставят?

— Не похоже.

— Третий, тебя обнаружили?

— Пока нет, Первый.

— Третий, отходи в квадрат 54, себя не обнаруживай. Как понял?

— Понял тебя, Первый, выполняю. Прием.

— Третий, дальше все по плану. Связь через час. Канал прежний. Как понял?

— Понял тебя, Первый, понял. До связи. — И радиотелефон заперхал слабыми помехами.

— И что теперь? — спросил Алексеич у небритого, который, как и он сам, смотрел на лысого и его средство связи с каким-то обреченным видом. — Хоть наступает-то кто, а?

— А дальше, видимо, ничего, — вздохнул тот. — А совет один: собирайте свои манатки и рвите куда-нибудь в центр, поближе к какому-нибудь серьезному госпиталю. Среди людей оно надежнее. А наступают эти фиговы «ленинцы-сталинцы», которых китаезы вооружили, похоже, плюнув окончательно на все Хабаровские протоколы. Как видно, решили-таки кончать-таки с оппортунизмом и ревизионизмом, в нашем лице...

— Выходит, шандец?

— Ну-у... Шандец не шандец... Все-таки случались у нас вещи и похлеще. Мы и крылатые ракеты переживали, и радиоактивный дождичек с разной химией долбаной. Глядишь, переживем и это.

В этот момент со стороны радиотелефона лысого вдруг послышались какие-то принципиально новые звуки. Хорошо поставленный металлический голос повторял при почти полном отсутствии помех:

— Код «Мутная Вода», повторяю, код «Мутная Вода»... 190760041600... 20055180700...

Далее последовала откровенная белиберда в виде многочисленных цифровых комбинаций, перемежаемая сообщениями о таинственной «Мутной Воде».

— Это что за «Мутная Вода», а? — спросил небритый у лысого после почти минутного молчания. — Чья это передача, герр генерал?

— Я перед этим автонастройку включил. Так вот, судя по частоте, это Москва, а точнее, похоже, радиостанция Уральского боевого участка. Друзья-защитнички вещают...

— И что за «Мутная Вода»? Тебя о чем-то таком предупреждали?

— Не знаю, хоть убей...

— Идеи есть?

— Какие, на хрен, идеи?!

— Крайний раз подобную цифровую галиматью передавали знаешь когда?

— Когда?

— Ну ты, блин, совсем без памяти, фельдмаршал... Два года назад, летом...

— Это когда они по нас ипритом с добавками, а Москва по ним, в отместку...

— Вот именно...

— Ебена мать...

— Вы о чем? — встрял в разговор Алексеич, которому от этого диалога все больше становилось не по себе.

— Ты, это, — сказал небритый, — лучше сам в город не езд. Пристройся в хвост к этим БТрам и двигай за ними. А если что, становись где-нибудь в стороне от дороги. И противогазы наготове держите...

— Что, настолько хреново?

— Не то слово, можно сказать, полный звиздец.

— Ну, будь, — и небритый отвернулся от Алексеича.

— Ты что, к своим? — спросил лысый Николин небритого. — Думаешь, они — зимой газок?

— Ни фига я не думаю, — ответил небритый сквозь зубы. — Думать вообще вредно,

полезно соображать. Поэтому я лучше со своими, а ты, раз теперь главнокомандующий, организовывай какую ни есть оборону и Светлану Евгеньевну отвези куда-нибудь в безопасное место, вдруг выживет...

— Ты что, хочешь по плану? Их же там за триста «коробок»! И ты собираешься их десятью машинами?! Тебя же в блин раскатают!!

— Не бздюмо, генераль. Это же тебе не Курская дуга, я их проредить хочу, как обычно, из-за кустов, насколько снарядов и наглости хватит. А потом отходить, пусть даже пехом, — танков новых нам милая Родина даст. Не впервой. Ты что, забыл, как мы с «Абрамсами» воевали? И ведь остановили же...

— То-то нами теперь детей в Америке пугают...

— Сколько тебе повторять — я им тогда бошки не отпиливал, это мотострелки постарались. Они же тогда и этого уroda с камерой и проморгали...

— Смерти хочешь?

— Своей — никогда. Ты же знаешь, я ее чувствую. Жаль только, что за минуты, а не за часы... А то столько хороших людей в живых бы осталось...

— Ну, будь жив, — попрощался лысый как-то скорбно. — Связь на обычной частоте, если что...

— Будет трудно, Ким, пришлешь Говоруна, — махнул рукой небритый.

— Какого Говоруна?!

— Умного и сообразительного, — усмехнулся небритый. — Того же Тяпкина, например...

— Задолбал ты своими шуточками, иди уж... — Небритый кивнул, надвинул танкошлем поглубже и зашагал к дороге, где гудели моторами два БТРа с десантом.

— Если вы с нами, — сказал лысый Николин Алексеичу. — То пять минут вам на сборы, больше ждать не будем, дел еще до бениной мамы...

— Дима!! — заорал Алексеич. — Разводи пары!!

Уже вбегая в дверь бывшего детского сада, Алексеич увидел, как небритый остановился у БТРов, перекинулся парой слов с сидящими на броне автоматчиками и энергично двинулся по обочине дороги в ту сторону, откуда появились БТРы. И Алексеич так и не смог вспомнить, где он этого парня раньше встречал, да и встречал ли? Светлана Дитлова прожила еще сорок шесть часов с минутами, но в сознание так и не пришла. Тот хирург-самоучка не соврал — с такими ранениями не живут. Николин прокомандовал АКС еще полгода и погиб (довольно глупо, кстати, как это бывает порой на любой войне) в конце июля. А Алексеич умер раньше всех, через девять часов и тридцать семь минут. Поехав за очередными ранеными, он поймал лбом шальную пулю — и это ночью-то... А небритого танкиста никто из людей, остановившихся тогда у бывшего детсада, больше никогда не видел, даже мертвым...

Что ж тут делать и куда деваться, если выхода другого нет?

Марек Фредкин. «Баллада о вставной челюсти»

Уход по-русски. Кого выбирает время. Несколько позже. Место то же, с поправкой на 2–3 километра.

На большой войне большое горе обычно соседствует со столь же большим удивлением. А вот большие радости на войне — штука редкостная. Да что там, их, считай, вообще нет. Что же касается удивлений, то после «веселой» ночной атаки вертолетов недавняя галиматья в радиоэфире была уже явным перебором. Действительно, в прошлый раз, когда радио исторгало из себя подобные цифровые комбинации, случилось то, после чего Мертвый город стал окончательно Мертвым, с большой буквы. Я-то это помню хорошо. Может быть, тогда, обкурив нас ипритом со смесью еще какой-то дряни, исламисты и прорвались бы. Но, после того как Москва шуранула по ним в ответ чем-то нервно-паралитическим, вроде зарина, наступать стало уже некому. Нам тогда тоже, конечно, досталось изрядно — лес рубят, щепки летят... Мне-то тогда повезло, я все-таки был в танке, с исправной фильтровентиляционной установкой. А кое-кому посчастливилось меньше, даже несмотря на исправные противогазы и ЗК. Попробуйте трое суток не снимать с себя эту резиновую хрень. В противогазе и через час-то голова начинает болеть нестерпимо, а тут... Короче, рассказывали, что некоторые натурально взбесились. Тогда нас всех спас начавшийся на четвертые сутки ливень со шквальным ветром, смывший всю дрянь. Но зато в речной воде был иприт, в траве — иприт, в любой луже и колдобине — иприт... Сколько народа позже получило химические ожоги — ужас. Но тогда дело было летом, и все было понятно. А вот что за химия зимой? Нас вроде учили, что ни одно нормальное ОВ на морозе свои летучие свойства не сохраняет. Вывод: или придумали-таки что-то особо вредное и стойкое, или... Тактический ядерный удар, что ли? Тогда это вообще звиздец, с международным скандалом в придачу... Дурак этот Лазаревич (сказать кому, что нашего Николина зовут Эдгаром Лазаревичем — засмеют), психолог хренов. Думает, я смерти ищу. Ни фига подобного — танкисты смерти не ищут, они через нее ходят. Как там один персонаж книги дедушки Гайдара выражался? Точно: «Мы бьем через бетон и железо, в самое сердце». Очень, по моему, точно. С одной поправкой — от нас очень часто нечего хоронить. А так — работа как работа. В общем, намечалась очередная игра в прятки со смертью. И я правильно рассудил, что играть в эту игру лучше в составе родного подразделения. Все равно у меня никого ближе по жизни не осталось, с тех пор как родителей похоронили натовские «Томагавки». Я как раз брел мимо места, где все снесло первым ударом, — тогда по площадям выпустили несколько сотен крылатых ракет. Бывал я здесь, в давешние времена. Мы часто через эту окраину в огород ездили, на, как тогда говорили, «шесть соток». Вон, метрах в ста груды бетонно-кирпичных обломков — там и была автобусная остановка... Только под снегом ни фиги не видно. Теперь-то вместо нашего огорода сплошная болотина. После того как разнесли ГЭС, река затопила пойму, к чертовой матери. Одна грязь осталась... На душе было

погано. Даже прошедшей ночью, кувыркаясь в снегу под вертолетами, я чувствовал себя много лучше. Тогда хоть какой-то глубинный смысл был во всем этом. А теперь, чую, мы полюбому пойдем на распыл за компанию с наступающей танковой группировкой противника. В общем, я прошел, наверное, половину расстояния до своих и уже, как мне показалось, слышал выхлопы танковых дизелей. И тут началось непонятное. На дороге, впереди меня, где не наблюдалось ни людей, ни машин, вдруг словно из ничего сгустилось какое-то темное пятно. При этом мне показалось, что морозная мгла вокруг меня стала особенно холодной, а сероватая поземка завоняла озоном. Через пару секунд темное пятно стало обретать некую форму, и мне осталось только присвистнуть. Метрах в сорока передо мной на дороге возник танк Т-34-76. Меня, конечно, трудно удивить, поскольку и «тридцатьчетверки», и самоходки СУ-100 модернизации 1969 года, снятые с длительного хранения и консервации, у нас до сих пор встречались, как, впрочем, и у противника. Но это была явно выскочившая из кадров хроники полузабытой уже Великой Отечественной машина. Причем, судя по двум фарам, зализанным очертаниям лобовой брони, короткой пушке и характерному, полосатому, бело-зеленому камуфляжу, словно имитирующему гусеничные колеи на зимнем поле, этот танк был 1940-го или 1941 года выпуска!! Откуда, из какого пьяного бреда или музея выскочил этот призрак другой исторической эпохи?! Додумать эту мысль до конца я не успел, поскольку увидел, как от нереального танка в мою сторону идет человек. Это был персонаж под стать танку: в древнего покроя грязно-белом полушубке, подпоясанном офицерским ремнем, черном танкошлеме и высоких сапогах. Оружия я при нем не разглядел, тем более что он держал правую руку поднятой вверх. Тем не менее я на всякий случай расстегнул кобуру «стечкина» — мало ли... Во всей этой сцене мне решительно не нравилось полное отсутствие звука. Никакой танк бесшумно не двигается, даже очень тихая «восьмидесятка» выдает себя слабым воем и свистом газовой турбины. А тут Т-34, словно святой дух, материализовался незнамо откуда, без малейшего шума и лязга. Да и тип в полушубке шел ко мне совершенно бесшумно, под его подошвами даже снег не скрипел... Сделав над собой некоторое мысленное усилие, я вдруг осознал, что не видел, как этот «призрак танковых войск» вылезал из люка своего танка! Он словно вышел из «тридцатьчетверки», пройдя прямо сквозь лобовую броню, словно это было не железо, а дым или туман... Но сам танк при всем этом выглядел вполне целым! Глюки? Так я вроде ничего не пил, кроме воды, а ел за последние сутки только сухари да полбанки похожей на глину, очень сомнительного качества тушенки... Консервами и отравился? Чушь, это не так проявляется... Что тогда? Радиационный фон в пределах допустимого. Направленное излучение? Или газок уже пустили? На всякий случай я глянул на «дозиметр/газоуловитель», болтавшийся у меня под курткой на нагрудном кармане комбеза. Увы, не было в воздухе никаких признаков ОВ. В надежде избавиться от миражей я замотал головой, но тип в полушубке от этого не исчез. Наоборот, он подошел ко мне почти вплотную и остановился метрах в трех. Ох и знакомое у него было лицо! Где-то я его определенно встречал, но вот где — не мог вспомнить, хоть режь...

— Слушай меня и не перебивай, — раздалось вдруг у меня в ушах. Я невольно дернулся. Шлемофон у меня на голове был, как и положено, оснащен стандартным ТПУ. И ТПУ понятное дело, было ни к чему не подключено. Раз я вне танка — вводной штекер болтался у меня на поясе. А тут возникло полное впечатление, что слова неизвестного раздаются у меня в шлеме... И еще — говорил этот призрак, не открывая рта!! То есть он просто стоял и смотрел на меня, а человеческая речь словно из ниоткуда возникала прямо в наушниках!

— Слушай меня, — повторил он. — Слушай и запоминай. Очень скоро, буквально через какие-то минуты, с тобой свяжется один старый, но не очень хороший знакомый. Так вот, что бы он тебе ни предложил — соглашайся. На все и сразу.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Затем, что жив останешься, дурик, — ответил голос в шлемофоне. Характерно, что обычного для плохой аппаратуры ТПУ фона и шорохов в наушниках отчего-то не слышалось...

— Ты кто такой? — спросил я. — И кто со мной должен связаться? Откуда ты, мать твою, об этом знаешь?

— После объясню, — сказал голос в наушниках. — В более подходящей обстановке. А пока до встречи, мне время дорого...

— Эй, подожди! — начал было я. И увидел, что ни танка, ни мужика в полушубке на дороге передо мной больше нет. Испарились, будто их не было, так же как и возникли... Чуть какая-то... Бредятина... Чего только не померещится от недосыпа и переутомления... Я сплюнул горькую, досадную слюну и побрел дальше.

Скоро на пригорке замаячила сквозь мглу башня покрашенной белилами «Шилки». После прошедшей ночи ветеран Афгана Валерик Бухарев со своим расчетом исправно нес службу. Это, по-моему, была крайняя в АКС ЗСУ-23-4, да еще и с исправным радаром. Хотя толку от него, в пургу-то... Пониже «Шилки», в выемке, между дорогой и полуразрушенным бетонным забором, за которым чернели страшноватые руины корпусов сгоревшего дотла нефтеперерабатывающего завода, я наконец-таки узрел родную часть в полном составе. Бригада... Кровельщиков... Нет, где-то, наверное, до сих пор есть танковые бригады полного состава, где занимаются строевой подготовкой, красят к революционным праздникам бордюры и бандажи катков в белый цвет и посещают политзанятия. Наверное, есть. Только представить себя в полковничьем мундире перед строем такой «бригады мирного времени» я не в состоянии, как ни напрягай воображение... В нашей бригаде танков сейчас было аж целых восемь штук Т-80Б, два Т-72, два Т-62М и три совсем древних, но вполне исправных Т-55М. Здесь же торчала вся вспомогательная техника бригады — две БМП-1, тягач МТ-ЛБ и три «Урала», сверх всяких норм нагруженные снарядами, запчастями и горючкой... Вот и вся матчасть. И все-таки это была боевая часть, возможно, последняя у «самообороны». Возле техники копошились люди, обмундированные и вооруженные омерзительно-разнообразно. Из всех элементов одежды стандартно выглядели только ребристые танкошлемы...

— Комбриг идет! — заорал, знакомый молодой голос. Это, конечно, глазастый Рустик первым заметил мое появление. Я невольно усмехнулся. Комбриг, блин... Где-то в кармане у меня болтался замызганный военный билет, где мои последние звание и должность в Советской Армии обозначены: «Старший сержант, командир САО 2С9-1 „Свиристелка“ 313-й самоходный артдивизион 102-й гвардейской мотострелковой дивизии, Уральский ВО». Давно нет и того округа, и той дивизии, не говоря уж про остальное. Помнится, до всей этой заварушки военную кафедру мы закончить не успели и по призыву в ряды стали сержантами — или наводчиками, или командирами самоходок, поскольку кафедра наша готовила артиллеристов. Командиром батареи я, по-моему, стал стихийно, когда после первых боев запахло жареным и наш семейный комбат-москвич дал тягу, а взводных у нас тогда не было вовсе — дивизия-то кадрированная была. Видимо, с тех пор у меня нет имени — его заменяют названия должностей, все равно тех, кто меня называл по имени,

уменьшительно-ласково, давно нет на свете. В АКС у комсостава вообще никаких званий нет, только должности, как в РККА, в Гражданскую. А все продвижения по службе — следствие выбытия вышестоящих командиров на тот свет. В танковых войсках АКС я начинал с ротного, потом стал комбатом и вот уже полгода хожу в комбригах, реально командуя неполной ротой разношерстного состава. Если все будет продолжаться в том же духе, через пару дней я вполне могу стать командиром танкового корпуса. В смысле танка, без башни и гусениц, а не одноименной воинской части... Хотя что я... Вон у таких, как Рустик, и вовсе нет ни званий, ни документов. Ему пятнадцати не исполнилось к моменту, когда город смели ракетным ударом. Как он уцелел — до сих пор не пойму. Факт тот, что, когда я через три дня добрался до пепелища, он появился неведомо откуда и вцепился в меня, как клещ. А всего-то — мы с ним в соседних дворах жили да в футбол играли несколько раз. Ну, может, еще на улице встречались, и только. В общем, у него, как и у меня, всех тогда под корень вырубил. С тех пор он при мне и болтался, на правах «сына полка». Те, кто постарше, выучили его водить и чинить все, что ездит, и стрелять из всего, что имеет ствол. Получился солдат, как все. Только из-за ушибленной психики и малолетства — с повышенной тягой к садизму...

— Комбриг! — орал Рустик, подбегая ко мне. — Какие будут приказания? Как там тетя Света?

Светлану Дитлову он отчего-то именовал «тетя», видимо, оттого, что она до всего этого работала в нашей районной поликлинике, а жила где-то на соседней улице. То есть где-то землячка, а это по нынешнему времени почти что родственница. Правда, я раньше Дитлову не знал, как и Рустик. Но у нее тоже погибла вся семья, включая двух маленьких детей.

— Приказаний пока никаких, — сказал я, подходя ближе. — Лучше собери командиров. А с тетей Светой плохо, в сознание так и не приходит. Похоже, прав был тот хирург...

— Шлепнуть надо было этого костоправа! — заявил Рустик авторитетно и, закинув на плечо свою СВД (он любил не просто вклепить кому-то пулю между глаз, а шмальнуть в живот или коленку жертве, некоторое время наблюдая, как она корчится), побежал собирать начальство на «совет в Филях».

— Стой! — тормознул я его. — Ты чужой танк на дороге не видел?

— Когда? — удивился он.

— Ну, прямо перед тем, как ты меня увидел...

— Не-е-а, а какой танк-то?

— Старый Т-34, белилами крашенный.

— Не, точно не было никаких танков, а уж «тридцатьчетверок» — тем более. А откуда он тут мог взяться?

— Мистика, — только и сказал я.

— Чего? — не понял Рустик.

— Да так, ничего. Медленно схожу с ума и мыслю вслух... Точно не было танка?

— Я тебе, командир, уже три раза повторил — не было ничего такого! Тут вообще за час всего пара легковушек проехала да трактор с прицепом.

— Н-да, — вздохнул я. — Могло, конечно, и померещиться. И не такое бывает... Ладно, беги, исполняй...

Я спустился к танкам. Навстречу попался водитель «эмтэлэбэшки» Мисягутов, причисленный к ремроте бывший сельский тракторист с типичным для татарина именем Альфред. От него ощутимо пахло спиртным. Можно было показательно «присечь» его перед

строим, но после прошлой ночки, с ее валяющимися на снегу частями тел, в бригаде ходит поддавши не он один. Вообще мне за войну пришлось принародно убить трех человек, и все исключительно для повышения дисциплины. Двоих я застрелил — у обоих после боя поехала крыша, и не убей я их, они грохнули бы меня. Тогда же я усвоил, что палить из «калаша» кому-то в лицо неэстетично, поскольку обрызгаешься... Второго (а это было уже позже) я чпокнул в лоб из ТТ. Ну, а третьему я проломил голову ломиком из ЗИПа — это был один вредный недоросль, который вместо разведки поперся менять казенные патроны на самогонку. В итоге мы потеряли два экипажа, и кончить его быстро я не мог — меня бы просто не поняли... Хотя в меня тоже палили три раза, все в спину и все без толку — два раза у меня под бушлатом был поддет бронежилет, а в третий раз слегка оцарапали правое предплечье, комики... На войне как на войне.

Танки наши вблизи не производили впечатление военной техники. Они были до омерзения грязны и ободраны, а наваренные на башни борта и корму самодельные экраны из металлических прутков и сетки (стандартных блоков динамической защиты в наших краях не достать) делали силуэты боевых машин непохожими вообще ни на что. Поземка слетала с полотна дороги и вилась вокруг выступов на броне, беля грязную броню и превращая наших «боевых коней» в нечто, напоминающее заснеженные кучи строительного мусора. Тем не менее вокруг этих куч шла на первый взгляд бессмысленная, но необходимая возня — экипажи готовились к «бою и походу». У одного Т-55 шла оживленная дискуссия с использованием технических терминов, неопределенных глаголов и междометий. Среди дискутирующих ростом, черноусостью и ломаным русским языком выделялся Насрулло, персонаж выдающийся и где-то даже легендарный. Бывший майор бывшей Народной армии сгинувшей ныне Демократической Республики Афганистан, некогда окончивший нашу академию имени Фрунзе. Насрулло сначала пятнадцать лет воевал у себя на родине, потом четыре года отступал через Таджикистан, Узбекистан и Казахстан, в конце концов прижился в АКС как незаменимый специалист по боевому применению танков Т-55 и Т-62 (на «пятьдесятпятке» он ездил аж с 1976 года, еще до их Апрельской революции). В нашей бригаде он числился взводным и на судьбу не жаловался, хотя потерял в войнах всех родственников, чуть ли не до «седьмого колена». Я подошел к своему командирскому Т-72, на башне которого было написано «Сталинградец — 3». Остов «Сталинградца — 1», наверное, до сих пор торчит в восьмидесяти километрах отсюда у разрушенной центральной усадьбы колхоза «Светлый путь», а в леске, в полутора километрах, есть две могилы — Лехи и Макса, ребят из моего первого экипажа... Второй «Сталинградец» с другим экипажем попал под бомбежку километрах в двадцати отсюда, у поселка Дундуково, и от него мало что осталось. Меня там, впрочем, тогда не было — мотался в родное отечество за новой техникой. На башне танка восседал довольный Мишаня Коркин — человек, с которым мы вместе мыкали горе на этой войне с самого начала, еще с самоходной артиллерии. За неимением каких-либо дел (танк был, слава богу, исправен) Мишаня курил и с чувством предавался праздности. Не успел я перекинуться с Мишаней парой слов, как вернулся Рустик с искомым комсоставом. Командиров было целых двое — бывший прапор ВДВ Гречкин, получивший в свое время то ли за Панджшер, то ли за Джавару орден Красной Звезды, и старший лейтенант Чепцов, числившийся в бригаде начальником штаба. По идее, худой и болезненный Чепцов и должен был командовать бригадой — он хотя бы успел окончить соответствующее училище в Челябинске и накатав диплом на тему «Встречный бой танковой армии». Но у нас выдвигали в командиры за заслуги иного рода. К тому же

офицеров из Советской Армии к нам в последнее время откомандировывали по принципу «на, боже, что мне не гоже», и Чепцов был из таких... А им в АКС, культурно говоря, не доверяли. Экс-прапорщик Юрик Гречкин выглядел куда более браво, усатый и жилистый, он напоминал белогвардейского офицера из старых советских фильмов. Кроме того, он был одним из немногих, у кого уцелели семьи — его жена, дети и тесть с тещей жили в поселке Штакетный, у самой границы ДМЗ, и зарабатывали на жизнь мелкой контрабандой.

— Какие новости, командир? — спросил Чепцов, когда они подошли ко мне.

— Диспозиция прежняя, — сказал я. — Через час выдвигаемся к руинам троллейбусного завода, там заправляемся и ждем дальнейших приказаний от Николина. Разведка в лице бессменного Тяпкина доложила, что противник километрах в шестидесяти, юго-восточнее нас. Видимо, предстоят большие дела...

На этой фразе в кармане моей куртки запищал радиотелефон — штука совершенно необходимая порой, но нечеловечески дорогая в этих краях.

— Восьмой слушает, — сказал я в трубку, надавив соответствующую кнопку.

— Говорит Шестьсот шестьдесят шестой, — зазвучал в телефоне знакомый бесстрастный голос, от звука которого у меня невольно екнуло где-то в области селезенки. — У меня к вам срочное и жизненно важное дело.

— Когда и где?

— Через сорок минут, поворот на Сахароусольское, дорога на старое городское кладбище, у разрушенного моста.

— Вас понял, — ответил я.

— В чем дело, командир? — спросил Гречкин. — Что-то случилось?

— Да нет, ничего такого. Просто возникло срочное дельце. Действуете по плану, Чепцов — за старшего. А меня подвезут на БМП к мосту у старого кладбища, тут недалеко. Все поняли?

— Все, только...

— От этого моего дельца очень многое зависит, поэтому делайте, как я говорю.

— Так точно!

— И вот еще что, — добавил я. — В радиоэфире идет какая-то нехорошая кодированная хрень, поэтому прошу держать наготове средства индивидуальной защиты, я не исключаю применения чего-нибудь химического или вроде того. Также не исключен новый визит ночных гостей. Неизвестно, сколько целей они атаквали, во всяком случае половина штабов в нашем секторе на связь еще не вышла. Но уже точно известно, что этой ночью они помимо удара по нашей штабной колонне спалили склад ГСМ у Подкопаевки и уничтожили батарею гаубиц в районе бывшего аэропорта... Да, куда я еду, вы слышали. Подлянок я от этой встречи не жду, но если будет стрельба — пошлите кого-нибудь, тут недалеко.

— А если стрельбы не будет? — поинтересовался Гречкин.

— Тогда все будет путем, и я вас догоню. А точнее, меня подвезут. — Рустик побежал к БМП с приказом заводить мотор, а я достал из танка «малый неотложный комплект». Автомат я брать не стал, прихватил только сумку с противогазом, запасными фильтрами к нему, флягой спирта, банкой тушенки и пачкой трофейных галет. Нахлобучив вместо танкошлема шапку, я запрыгнул на броню подъехавшей «бэхи». Рустик помахал мне рукой, а отцы-командиры уже развернули кипучую деятельность. Чепцов, с видом Наполеона при Маренго, разложил на броне карту-трехверстку, а Гречкин, натянув на уши свой неизменный голубой берет, уже драл глотку (у нас в бригаде он совмещал функции замполита, завхоза и

начфина).

— Бр-р-г-да! — слышался его зычный голос. — Сука-бля-на фиг! Общее построение!!

Дальнейшего я не видел — старенькая БМП-1 с полустертым номером 313 выскочила на дорогу и начала молотить гусеницами замерзшую грязь. Привалюсь к башне сзади, я задумался о странностях последних часов. Положим, старый Т-34 мне почудился от переутомления. Но тогда откуда неизвестный, с которым я говорил, знал о том, что меня срочно выдернут на randevу? И не кто-нибудь, а «666-й». Кто-то знает все наперед? Поганая перспектива — иметь дело с кем-то, кто информирован лучше тебя. Собственно, об этом мог знать «дорогой друг № 666», хотя в первую очередь я собирался расспросить его о таинственной «Мутной Воде» и, соответственно, наших шансах на выживание. А какие у нас вообще шансы? Ну, попортим мы противнику кровушки, сами останемся без техники и, как обычно, попремся за новыми машинами. Хотя какие они новые? У самой границы ДМЗ целые поля уставлены сотнями морально устаревших Т-54/55, Т-62, Т-64 и прочим. Вся эта техника давно числится погибшей в боях или порезанной на металлолом в рамках соглашений о разоружении, и передают ее нам, воровато проводя по документам как «запасные части к сельскохозяйственной технике и металлический лом по весу».

Видно, в Москве думают, что в ДМЗ у кого-то есть время пахать и сеять...

Господи, сколько раз это уже было! Ночью якобы тайно переходим «линию отчуждения», а там нас уже ждут — разоружают и за колючку «фильтрационного лагеря». Нам же не положено помогать официально (Лондонские соглашения, мать их так), вот и обходятся с нами, словно мы расходный материал вроде дров или снарядов... Короче, просидим в лагере недели две, впроголодь и при жестком медицинском контроле — мы же из «предполя», а значит, заразные. Поэтому лагерный персонал с нами без противогазов (пардон, без респираторов, но не один ли хрен?) не общается. Наколют прививками, и ходишь как лунатик, голова дурная, руки и задница болят, а тут еще «личные проверки». В СССР особистов и прочих дармоедов до сих пор сверх комплекта — любят часами допрашивать, записывать, проверять... Когда-то я хотел было плюнуть на все и вернуть себе, так сказать, «советское гражданство». Оказалось — фигушки! В ДМЗ, согласно международным соглашениям, ничьих войск нет, а все, кто там обитает, числятся беженцами по линии ООН. А Москве на весь ООН чихать с колокольни Ивана Великого. В СССР уже давно ввели новые паспорта и ужесточили режим проживания, а значит, клиентам вроде меня туда хода нет. То есть не совсем, конечно, нет, но... Если захочешь стать обратно гражданином СССР — пишешь заявление, и тебя сажают уже не в «фильтрационный», а в «проверочный» лагерь, на полгода минимум. Причем в этом лагере не просто сидят, а вкальвают на самой грязной и вредной работе вроде дезактивации зараженных территорий, разборки руин или рытья котлованов. И проверка может кончиться плохо, особенно для таких, как я, у кого на территории нынешнего СССР не осталось ни одного родственника, «способного удостоверить вашу личность». Собственно, со мной могут поступить еще хуже — на всех командиров АКС, до отделенного уровня включительно, ООН давным-давно выписала ордера на арест. Не исключено, что в чем-то мы и виноваты, раз не берем пленных и иной раз кончаем женщин и детей первыми в воспитательных целях... Конечно, «у советских собственная гордость», но тут все зависит от политики. А значит, любого из нас могут запросто обменять — на партию одноразовых шприцов, компьютеров или, к примеру, на провалившегося шпиона. Одним словом, базарная лотерея... Но, даже если меня и «натурализуют», мне придется идти дослуживать — я ведь в СА до начала заварушки

прослужил меньше года. А это значит — опять в старшие сержанты, тянуть ногу на плацу, слушать вопли идиотов-прапорщиков и сказки зажавшихся пузатых уродов-замполитов про светлое будущее, хотя всем давно известно, что коммунизма не будет, а если у таких, как я, и было в жизни что-то хорошее, так это прошлое, а не будущее. И служить могут отправить на галицийскую или польскую границу, где бандеровцы и паны-жолнеры поступают с пленными москалями хуже, чем в импортных фильмах ужасов... Я вздохнул и плюнул на дорогу. БМП шла довольно плавно. Справа тянулась железнодорожная насыпь, проваленная во многих местах попаданиями снарядов и авиабомб, под откосом виднелись смятые давними взрывами остовы цистерн, слетевших с полотна. Вкривь и вкось торчали разбитые шпалы, гнутые рельсы и ржавые столбы с оборванными проводами... Пейзаж был более чем привычный, и навстречу не попало ни одной машины или пешехода. Мертвые здесь места, нехорошие.

По обочинам валялись заржавленные рамы сторевавших автомобилей, среди которых выделялись лежащий на боку остов гусеничного трактора ДТ-75 и дырявый бронекорпус БТР-60. Слева, на горке, открылись руины деревни Сахароусольское. Лязгнул башенный люк «бэхи», и на свет божий высунулся башенный стрелок Петька Водогреев.

— Подъезжаем, командир, — доложил он.

— Сам вижу, — ответил я. — Давайте к мосту.

БМП резко крутнулась влево, выходя на слаборазъезженную дорогу, которая, по идее, кончалась тупиком, упираясь в старое городское кладбище, когда-то именовавшееся Северным. Здесь уже давно никого не хоронили, остатки деревни снесли подчистую «Градами» года три назад, а мост разбомбили и того раньше. У бывшего моста мы и остановились. Я спрыгнул с брони и, разминая затекшие ноги, посмотрел, как речка Горячевка журчит под тонким льдом, обтекая искрошенные бетонобойной бомбой огрызки опор моста. Горячевка была одним из притоков реки Красной (так эту ранее названную «Цесаревна» реку переименовали в 1919-м, когда Колчака выперли из этих краев дальше в Сибирь), которая ниже по течению соединялась с рекой Белая (которую в 1919-м почему-то не переименовали) и текла далее, впадая в Каму и Волгу. Поэтому, кстати, мой бывший родной город, стоявший на холме у слияния двух этих рек, именовался Краснобельском... Окрестности моста выглядели пустынно. По идее, ниже моста был проходимый для машин брод, но свежих следов вокруг не было, а значит, здесь давно никто не ездил. Слева от моста немым напоминанием о текущем моменте торчал наполовину съехавший с откоса в речку, выгоревший докрасна танк Т-55. Сейчас он более всего напоминал сугроб, из которого торчала склоненная к самой земле пушка и еще какие-то металлические углы и прутья. Чего-чего, а танков Т-55, патронов и нерастроченной ненависти у нас хватило на всех. Жалко, что не хватило всего остального... Кстати, я, как и многие, знал, что в речке среди обломков моста валяется гусеницами кверху МТ-ЛБ, ставший братской могилой неизвестному экипажу. За годы машина ушла глубоко в донную грязь, и только летом, когда в жару вода спадает, можно увидеть торчащие над поверхностью ржавые траки и днище... Плохая смерть бывает у танкистов, по себе знаю... Утешает, что у них хоть нечто вроде могилы есть, бронированный гроб, один на всех...

— Тебя подождать? — спросил Водогреев. — А то как ты обратно?

— Не бойсь, если все будет нормально, меня подвезут. Ехай себе, догоняй бригаду, время не ждет...

— Ну, как скажешь, — Петька махнул мне грязной рукавицей, и БМП, крутнувшись на

одной гусенице, тронулась в обратный путь. Видя, как башня машины мелькает среди горелых срубов и печек и наконец исчезает за поворотом дороги, я отчетливо осознал, что переиграть все по новой уже не выйдет, а исхода встречи я, увы, не знаю. То есть, если у моего «благодетеля» не лучшие намерения, он может, не напрягаясь, сделать со мной все, что угодно. Можно, конечно, было привести охрану, но тогда клиент не явился бы. У него неписаное правило: на встречу с ним приходиться только в одиночку. Страхуется, подлец... Подлец-благодетель объявился раньше, чем я ожидал. Из-за обледенелых кустов, со стороны разрушенного железнодорожного переезда выскочил и мигнул синими светомаскировочными фарами разрисованный белыми пятнами камуфляжа УАЗ-469, с жестким кузовом и цепями на уширенных колесах. Я уже знал, что от изделия Ульяновского автозавода в этой знакомой машинке остался разве что кузов. Вся остальная «начинка» была от мерседесовского дизельного джипа. «Лжеуазик» подъехал ближе и поравнялся со мной. Из кабины выбрался сухонький мужичок невысокого роста, неопределенного возраста, с правильным, но незапоминающимся лицом и внимательными карими глазами. Этого человека, в гражданских брюках и свитере, надетых в сочетании с современной камуфляжной штормовкой, можно было именовать по-разному. Точнее, его в наших краях знали под разными именами. Я сам никогда не знал его настоящего имени, мне это было, в общем-то, ни к чему. Я знал его как «Шестьсот шестьдесят шестого», а еще слышал, как он представлялся Иваном Ивановичем Ивановым и Гарри Фрэнсисом Хаммером. Национальность его определить было еще сложнее. По-русски он говорил без акцента, но слишком чисто и правильно — без всяких идиоматических оборотов и слов-паразитов. А это производило впечатление человека, обученного русскому языку по необходимости. При всем этом «Иванов-Хаммер» уверенно болтал и на всех европейских и тюркских языках — это я неоднократно наблюдал лично. В общем, я не знал, кто он на самом деле, но, по-моему, он явно представлял в «Демилитаризованной зоне» тех, кто сейчас имел реальную власть над оставшейся частью СССР и всей его военной мощью. Однако я не мог утверждать, что «666-й» работает на какую-то конкретную спецслужбу, будь то КГБ или ГРУ. Но этот человек мог все. Например, организовать удар самолетов или тактических ракет, которых официально нет на вооружении советских ВВС, мог обеспечить доставку эшелона боеприпасов или вагона медикаментов, мог добыть полкейса золотых монет для выкупа. Правда, даром он не делал ничего. Можно считать его всемогущим, хотя в ДМЗ, где власть условна, а законов нет вовсе, его поистине безмерные возможности сильно ограничивались. Бывало, что он влипал в нештучные переделки. Пару раз я даже спасал ему жизнь, причем в последний раз вышло и вовсе оригинально: я затащил клиента в свой подбитый танк и вызвал на себя минометный огонь. Живы мы остались, но страху натерпелись...

— Я уже все знаю, — сказал всемогущий человек с незапоминающимся лицом, опустив традиционное «привет», «здравствуйте» или «добрый день». — Я надеюсь, вы, друг мой, понимаете, что в данной конкретной ситуации вам лучше всего исчезнуть?

— Это как то есть?! — удивился я. — Куда это «исчезнуть»? Мне давно некуда бежать, меня нигде на этой планете не ждут... Разве что застрелиться, а?!

— Стреляться как раз не надо. А насчет остального вы заблуждаетесь, — усмехнулся всемогущий и пригласил: — Давайте продолжим разговор в машине, а то стоять на холоде как-то некомфортно.

В «лжеуазике» он предложил мне сесть рядом с водилой, а сам устроился сзади, за моей спиной. Водителем, как обычно, был румяный жлоб двухметрового роста, в такой же, как у

хозяйина, куртке. Еще один жлоб, натуральный брат-близнец водилы, сидел на заднем сиденье, позади шоферского места, держа на коленях короткий автомат МР-5. Где «666-й» берет этих безгласных, как роботы, громил — непонятно, но почти всегда его сопровождают минимум двое-трое таких «малюток», похожих друг на друга, как «Жигули» на конвейере.

— Сумку вашу давайте сюда, — сказал «666-й» из-за спины. — Вы не бойтесь, друг мой, ничего плохого с вами уже не случится...

— Это радует, — сказал я, отдавая им сумку. — Я не понимаю другого: зачем это мне исчезать? Это как-то связано с пресловутой «Мутной Водой»?

— А вы умнее, чем кажетесь... Вы, видимо, сами уже догадались, что в ближайшие часы грядет серьезная мясорубка, в которой поляжет не только ваша бригада, но и вообще все подряд. И если вы останетесь здесь, то вы, считайте, покойник, в гробу и в белых тапках...

— Не нравится мне это «если»... А если я действительно желаю, как вы выразились, «исчезнуть» — то что тогда? Куда я отсюда денусь? Разве что сквозь землю провалюсь...

— Ну, насчет «сквозь землю» — это вы загнули... Все куда проще — представьте, что где-то есть мир, где не было войны и всего окружающего безобразия, там живы все ваши родные и друзья, а ваш город цел и невредим...

— Это рай для православных, что ли? — не дослушал я его. — Или как в той старой песне «до детства плацкартный билет»?

— Не порите чушь. Самое главное вы выразили очень точно — билет туда у вас есть, у вас одного...

— И почему именно я?

— Вот что, — сказал «666-й», посмотрев на часы. — У меня сейчас нет времени на обсуждение суетных подробностей. Давайте поговорим на эту тему чуть позже, в более подходящей обстановке. Обещаю, что я объясню вам все. Конечно, имея в виду то, что возможно объяснить. А сейчас меня интересует только одно — ваше принципиальное согласие. Так вы согласны?

— Как будто вы дадите мне выбор... Ладно, считайте, что я согласен. Как говорил бравый солдат Швейк: «Каждому приятно посмотреть чужие края, да еще задаром...».

— Великолепно, — сказал голос за спиной. — Приятно сознавать, что я в вас не ошибся... — И здесь я почувствовал явственный укол в шею, пониже правого уха. Вот об этом меня никто не предупреждал, даже тот танкист из глюков... Сволочь этот «666-й». У него же в руках ничего не было, ни шприца, ни иголки... Видимо, или что-то такое в перчатке прятал, зараза, или хорошо подготовился заранее...

— Вы что мне вкололи, говнюки? — спросил я, чувствуя, как язык отказывает и все внутри меня деревенеет. — Такого уговора не было!

— Ничего, — успокоил меня знакомый голос. — Тебе просто необходимо отдохнуть. И вообще не расстраивайся, Буратино. Радуйся, что ты попал-таки в страну дураков...

— Папа Карло фуев, — ответил я ему заплетающимся языком, чувствуя во рту мерзкий привкус хлористого кальция. Сквозь застилающую мне глаза мглу я увидел, что комедия, похоже, действительно «финита ля». Из-за сгоревшего Т-55 выбрались двое в серо-белых маскхалатах с мохнушками. Они были здесь все время, у одного была немецкая снайперская винтовка (мечта Рустика), а у второго — трещотка «Хеклер и Кох» той же национальности. Плюс к этому у каждого из этих румяных ребят было с собой по два одноразовых гранатомета, вроде «Мух». Прикажи я Водогрееву остаться — его бы убили, а у руин моста

прибавилось бы горелой техники... На сцене появился второй «лжеуазик», и эти двое сели в него, после чего наша машина тронулась. И уже когда мой дух окончательно покидал тело, я вдруг вспомнил, где я видел того незнакомца в полушубке, явившегося мне на дороге. Уж не в зеркале ли? Кошмар...

Ну что ж, это жизнь. Все равно кому-то повезет...

Кристина Орбакайте. «Не бей любовь об пол»

Воспаление мозгов. Между бредом и реальностью. Место неизвестно. Время остановилось.

Был в моем провале в беспамятство краткий момент пробуждения, когда я по какой-то причине вдруг пришел в себя. Сколько минут или секунд это продолжалось — не знаю. Сознание вернулось в момент, когда я сидел на снегу (под мой зад было подстелено что-то вроде брезента), привалившись спиной к чему-то твердому. Увиденное стоило того, чтобы очухаться. Неподалеку от меня поднимал снежный вихрь, молотя винтами на холостом ходу, здоровенный темно-зеленый вертолет марки «Чинук» с открытой грузовой аппарелью. Вокруг, на сколько хватало глаз, громоздились на снегу мягкие баки с топливом и ряды зеленых ящиков, а между мной и вертолетом сноровисто бегали рослые ребята в камуфляже незнакомого мне образца. Они таскали в «вертушку» какие-то тюки, сумки и кофры. Но самым интересным было не это — поодаль я рассмотрел два вертолета поменьше. Это были «старые знакомые» — маленькие черные «Литтл-Бирды», похожие на злых стрекоз. Возле вертолетов стояло человек пять, среди которых я различил «ббб-го» (он один из всех был без серо-зеленого летного комбеза и бронежилета). Четко слышалось, что промеж собой они разговаривают на рыкающей американской мове. Английский я понимаю с пятого на десятое и потому различил только отдельные слова: «Квадрат», «Средства ПВО», «Уничтожить», «Дозаправка»... Вон оно что... Прав был Николин — есть у них аэродром подскока, есть... Эх, знать бы раньше... А я, получается, как последний дурак попал в плен к америкосам...

— Эй, он, кажется, очухался! — загремело у меня над ухом. Удивительно, говорили на американском, но я отчего-то понял, о чем речь. Я послал неизвестного говорившего к бениной бабушке. Видимо, он тоже без труда понял меня — из-за моей спины выбрался автоматчик в камуфляже, нацелившийся мне в морду прикладом своей М-16.

— Не может этого быть! — заявил «ббб-й», возникая передо мной как привидение. — Препарат проверен многократно!

— И верно, глаза открытые, — сказал он удивленно, наклоняясь надо мной. — Ну-ка, скажи что-нибудь!

От него пахло хорошим импортным одеколоном, и меня замутило.

— Девочка из будущего Алиса Селезнева, — заявил я с готовностью заплетающимся языком. — Так хорошо знала английский, поскольку это был ее родной язык. Обманула бедных школьников, падла... И ты такой же, жопа с ушами...

— Чего он несет? — удивился «ббб-й».

— Бредит, наверное, — пожал плечами автоматчик.

— Так точно! — заявил я и добавил: — Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко!

— Ху из Алиса Селезнева? — спросил кто-то третий, и я почувствовал новый укол в

шею. После этого изображение и звук в моей голове отключились надолго. На сколько-не имею представления. Последующее пробуждение было крайне мучительным. Так бывает, когда спишь без снов и тебя начинают будить до срока. А организм при этом никак «не будится», не желает, и все тут. В общем, будили меня весьма оригинальным способом — не трясли, не отвешивали оплеухи, не орали над ухом, не поливали водой. Просто у меня вдруг стала дико болеть голова, и от боли я кое-как разлепил веки. При этом боль сразу утихла. Не то чтобы ушла совсем, но стала вполне терпимой. Перед глазами плыл туман, сквозь который проступали очертания каких-то предметов. Увидев несколько тускло мерцавших там и сям красных, белых, зеленых и синих огоньков, я не без напряжения ума наконец понял, что лежу в каком-то помещении без окон, с потушенным верхним светом. Возможно, это была больничная палата, операционная или тюремная камера. Но что интересно — стен я не различал, и некоторые огоньки и неотчетливые предметы находились довольно далеко. Если это палата (я уж не говорю — камера), то она размером со средних размеров спортзал, не иначе... И кому потребовалось размещать меня именно тут — черт его знает... Хотя после всего, увиденного недавно, я уже ничему не удивлюсь... Выходит, «Три шестерки» американец или как минимум ооновец? И неизвестно, что из этих двух зол для меня хуже — в первом случае пристукнут по тихой (им в ДМЗ официально проводить боевые операции нельзя), а во втором — могут судить с чувством, толком и расстановкой... А, собственно, какая мне разница? Я по-любому нахожусь в плену у самого натурального противника, и судьба моя незавидна... Хорошенькие дела...

В какие интересные игры, оказывается, играет объединенное командование АКС (официально такого, разумеется, не существует, а неофициально оно заседает в Москве, в здании Генштаба)! И если у нашей «головки» столь откровенные пашни с врагом (ну не могли они не знать об истинной сущности «ббб-го», он, гад, никогда из своей деятельности тайн не делал!), то об этом знают и большие дяди в Кремле... Мы же «буфер» и без их приказов не смеем и дыхнуть. Выходит, о «ббб-м» начальство осведомлено и как минимум пользуется его услугами? А как максимум? В этом случае не исключено, что «ббб-й» сам использует наше командование в своих целях, то есть держит их за болванов в старом польском преферансе. А может, те вертолеты и есть пресловутая «Мутная Вода»? И все наши смерти последних суток — результат предварительной договоренности? Погано все это, ой погано...

А с другой стороны — мне-то теперь какая печаль? Меня вывели из игры и «стреножили» с неизвестной целью. И нахожусь я неизвестно где, может, даже в подвалах штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли или в какой-нибудь из секретных тюрем госбезопасности КНР. Радует только одно — я все еще жив. Ну и хорошо, быть героем меня пока что-то не тянет. В том смысле, что вся советская военная история держалась на подвигах покойников, а мне моя жизнь пока что дорога как память. Привык я как-то жить, и все тут...

На этой мысли лежанка подо мной осветилась неярким зеленоватым светом, и я наконец увидел, что это нечто вроде гибрида кушетки с креслом, типа зубоврачебного. Ценное открытие, тем более что все палачи обожают использовать подобные устройства — это мы все помним еще по древнему фильму «Интервенция»... Далее я отметил, что меня, похоже, изрядно подраздели. Комбеза на мне не было, поясного ремня тоже. А значит, нет у меня больше «стечкина» в кобуре, ТТ в правом набедренном кармане комбинеzona, второго ТТ в левом боковом кармане куртки и гранаты Ф-1 в нагрудном кармане комбеза... Подогрели, обобрали, как говорил один киногерой в ранешние времена... Я глянул на ноги

— ботинки мне оставили, но шнурки были развязаны, а значит, заначенный в берце правого говнодава засапожный ножичек тоже отняли... И самое смешное — оставшиеся на мне синие шерстяные трико и свитер были чистыми, даже влажноватыми. А это выглядело и вовсе невероятно — я уж забыл, сколько времени не мылся и не стирал шмотки... То есть от меня, по идее, должно вонять старым козлом и соляжкой. Но вместо этого в воздухе стоял лишь слабый запах какого-то моющего средства. И еще — я не брился дней десять, а не стригся еще дольше, а теперь, потеревшись подбородком о плечо, щетины не ощутил, да и нависающих на уши и шею волос не почувствовал. Выходит, побрили, помыли и постригли. Более того, было ощущение, что мне и бельишко заменили... Зачем, интересно? Рассмотреть себя получше я не мог, поскольку будто прилип к своему ложу. То есть двигать пальцами рук и вертеть головой я еще мог, а вот ноги, зад, спина и руки до локтей были словно чугунные. По этой причине осмотреться как следует не получалось. Вывернув шею, насколько позволяла моя поза пчелы в сиропе, влево, я увидел чьи-то ноги в сапогах. Присмотревшись, я узрел слева, позади себя, вторую лежанку, такую же, как моя, только подсвеченную не зеленоватым, а белым светом. На ней в полной отключке (его глаза были закрыты) лежал некий мужичок в коротких сапогах и знакомой до слез, но совершенно неуместной здесь и сейчас форме. Серо-синий китель, такие же штаны, на пряжке поясного ремня, желтых квадратных петлицах и на груди — изображение ореликов, очень характерного образца... Блин, это же натуральный прикид гитлеровских люфтваффе!!! Как вариант может быть что-то «авиаполевое» — зенитчик или, скажем, парашютист, точнее не определить, хотя в гитлеровской форме я еще со школы петрил будь здоров... Что это он здесь делает? Тоже в плен попал, немец-перец-колбаса? Додумать эту мысль мне не дали — зеленоватый свет сменился на голубоватый, и меня с силой вдавило в лежанку. Для себя я отметил, что она из какого-то мягкого и в то же время очень прочного материала.

— Ну что, голубь, очухался? — услышал я знакомый насмешливый голос. — И не ерзай, тебе же хуже будет... — При этих словах полутьма вокруг меня окрасилась в цвета закатного неба, а через пару секунд образовала осмысленный пейзаж. Берег моря, красно-оранжевый закат, до горизонта, на сколько хватает глаз, волны, окрашенные в те же небесные цвета. Справа, где-то на самом краю, — то ли вышка, то ли маяк и растения, более всего похожие на пальмы. При этом пейзаж был словно живой — облака двигались, волны накатывались на берег, солнце тоже не стояло на месте. Даже ветер подул и морем запахло, как в детстве в Алуште. Да, красивая картинка, ничего не скажешь. Только явно «импортная» — в России таких закатов не бывает. Это явно берег океана, экваториальные широты, какой-нибудь Барбадос или Тринидад с Табаго...

— Любуешься? — услышал я, и, словно прямо из моря, передо мной возник старый знакомец, «господин три шестерки», глаза бы на него не глядели... На сей раз он был в светлой рубашке, таких же брюках и штиблетах вроде кроссовок, но на тонкой подошве и без шнурков. Под стать курортному пейзажу...

— Вот теперь мы с тобой можем спокойно поговорить, — сказал он, подходя ближе. — Время у нас теперь есть, никто нам не помешает. Спрашивай.

— Чего спрашивать-то? — поинтересовался я. — У меня башка после твоего долбаного наркоза до сих пор болит. Так что я как-то запомнил детали нашего прошлого разговора у моста. Помню главное — ты меня обещал отправить куда-то в рай, где мертвые оживают и нет никакой войны, за какие-то мелкие услуги. Только что-то странновато эта твоя «отправка в рай» выглядит. Вырубили, оружие отобрали, затащили незнамо куда... Вообще,

по-моему, ты, дядя, американский агент или ооновский спецслужбист. А это значит, что светит мне не рай, а вовсе даже наоборот — ящик с крышкой и чистилище...

При этих моих словах «ббб-й» откровенно захохотал...

— Ты думаешь, что там, откуда я пришел, есть такие понятия, как «ООН», «американский шпион» или «американец»? Узко мыслишь, Танкист...

— А что — нет?! Интересно, где это такие края находятся, на каком глобусе?

— Ты так ничего и не понял. Похоже, придется объяснить тебе все с самого начала, подробно и доходчиво...

Я согласно помотал головой, насколько позволяло мое прилепленное положение.

— Как тебе объяснить-то попроще, чтобы ты понял, — вздохнул мой собеседник и присел на нечто вроде пианинной табуретки, выросшее прямо из пейзажа. — Ты фильм «Назад в будущее», вторую серию, смотрел?

Я кивнул. Как не смотреть — смотрел. В те времена, когда еще были кооперативные видеосалоны, где за рубль крутили всевозможное «идеологически вредное кино». Их потом отменили. Вместе с горбачевской «перестройкой» и зачатками того, что именовалось «рыночной экономикой». Говорят, что у «Назад в будущее» была и третья серия, про Дикий Запад. Видел я когда-то рекламу в каком-то трофейном импортном журнале...

— Так вот, помнишь, там Док Браун объяснял Марти Мак Флаю насчет многовариантности реальностей? Про, так сказать, «развилки», после которых будущее может меняться, и отсюда проистекает альтернативная реальность. И что таких альтернативных реальностей может быть много...

— В смысле?

— В том смысле, что все то, что вокруг тебя произошло и происходит: ограниченная ядерная война, порожденные ей беды и конфликты и прочее, — это далеко не единственный и не лучший вариант.

— То есть?!

— То есть я хочу сказать, что есть «альтернатива», где этого не было. В какой-то момент ход истории там изменился, все пошло не так, в итоге очень многое, если не все, изменилось.

— Хочешь сказать, что где-то есть мир, где Брежнев дожил до ста лет или мы выиграли Великую Отечественную за год?

— И это тоже. Только давай ближе к нашей действительности. Как считаешь, что тут у вас могло стать той самой «критической точкой»?

— Ну, это так сразу и не вспомнить...

— Ничего, давай повспоминаем, время у нас есть, а тебе вообще торопиться некуда... Так что приходит тебе на ум в первую очередь?

— Наверное, девяносто первый год...

— Замечательно. Сколько было надежд... Итак, 19 августа 1991 года Горбачев удалился на дачу в Форосе. В этот момент власть захватил ГКЧП. К удивлению всех, Борис Ельцин полностью поддержал путчистов и, позже, получил в Правительстве СССР пост министра тяжелого машиностроения — соратники называли его за это «ренегатом» и «предателем». ГКЧП объявил о полном свертывании того, что именовалось «процессом демократизации», и консервации большинства горбачевских реформ предыдущего периода. Начались массовые аресты «демократических активистов», позже был проведен ряд открытых судебных процессов, где вина многих «демократов» как «агентов влияния Запада» и

«антигосударственных элементов» была полностью доказана. На 20 сентября назначается новый референдум о сохранении СССР и руководящей роли КПСС. Запад все меры ГКЧП осудил и начал грозить санкциями. На этом фоне М. Горбачев 1 сентября 1991 года как ни в чем не бывало вернулся в Москву и, заявив, что «так было необходимо», возглавил новое Правительство СССР, в которое вошли основные организаторы ГКЧП. 13 сентября произошли массовые митинги, демонстрации и единичные вооруженные выступления сторонников независимости и полного отделения от СССР на Западной Украине и в Молдавии. 18 сентября аналогичные акции начались в Прибалтике и Грузии. Полностью нормализовать ситуацию не удалось, и в некоторых городах был введен комендантский час. На референдуме 20 сентября 1991 года 92 % населения Советского Союза выступили за сохранение СССР.

При этом националисты в Молдавии, Западной Украине, Прибалтике и ряде республик Закавказья этот референдум проигнорировали, объявив бойкот этому мероприятию. Запад, как и следовало ожидать, результаты этого референдума признавать отказался под предлогом того, что «Кремль нарушает права человека и права народов на самоопределение». Президент США Майкл Дукакис поспешил заявить о том, что «Америка поддерживает стремление свободлюбивых народов, стремящихся любым путем покинуть советскую Империю Зла». Сразу после этого заявления выступления националистов приняли более агрессивный характер: начались нападения на воинские части, склады и отделения милиции с целью захвата оружия и боеприпасов. На этом фоне началась новая эскалация боевых действий в Нагорном Карабахе. Что было дальше, помнишь?

— Помню...

— Правильно, 1 октября 1991 года уже на всей территории СССР было введено военное положение и упрощенная форма судопроизводства, основой которой стали военные трибуналы. А 5 октября Ирак напал на Кувейт и полностью оккупировал его за восемь дней. Руководство СССР объявило о своей поддержке этой акции Саддама Хусейна. США и НАТО осудили эту агрессию и 23 октября начали переброску и развертывание своих войск в Саудовской Аравии. СССР ответил направлением в Ирак дополнительных партий оружия и боевой техники. Как потом оказалось, в числе поставленного были ядерные и химические боеголовки для оперативно-тактических ракет и ядерные артиллерийские боеприпасы. А 7 ноября, если ты помнишь, почти по всей Восточной Европе начались массовые антисоветские и антикоммунистические выступления, явно хорошо спланированные заранее. Все, как обычно, началось с митингов, затем на сторону «демократов» перешли вооруженные силы и органы внутренних дел в Венгрии, Польше и Чехословакии. Лояльные СССР правительства этих стран были либо свергнуты, либо уничтожены физически, как незадолго до этого случилось в Румынии с супругами Чаушеску. Началось мощное морально-психологическое давление на еще остававшиеся на территории этих стран части Советской Армии. Последовали провокации и нападения на советских военных и их семьи, одновременно имели место случаи массового дезертирства советских солдат с последующим интернированием или бегством на Запад. Попытки М. Горбачева вести переговоры с новыми лидерами восточноевропейских стран ни к чему не привели. Чувствуя слабость СССР и растущую поддержку со стороны США, «демократы» выдвигали откровенно провокационные требования. Они требовали уже не возобновления вывода советских войск (приостановленного после 19 августа 1991-го), а полного их разоружения на месте под контролем ООН. Понимая, что «процессы демократизации» в странах Восточной Европы

приняли неконтролируемый характер, министр обороны СССР Д. Язов 19 ноября 1991 года отдал группам советских войск за границей приказ № 344407, разрешающий в целях самообороны открывать огонь на поражение и действовать по обстановке. На Западе по этому поводу устроили истерику, а советские части начали подвергаться организованным атакам (с применением танков и артиллерии) и авиаударам со стороны восточноевропейских армий. 25 ноября 1991 года последовал ультиматум М. Горбачеву от «мирового сообщества» в лице НАТО и США с требованием прекратить огонь и немедленно полностью вывести советские войска из Восточной Европы, а также всемерно ускорить темпы вывода войск из объединенной Германии. Одновременно с этим в Польшу и Чехословакию начали прибывать американские и английские воинские контингенты, которые имели мандат ООН на «миротворческую миссию» — по первоначальному замыслу они должны были осуществлять развод войск воюющих сторон. Практически в это же время на территорию бывшей Югославии были открыто введены войска НАТО, при полной поддержке которых хорваты и боснийские мусульмане начали наступление на сербов. 18 декабря сербы подписали перемирие, Югославия окончательно исчезла с карты Европы, поскольку по решению ООН от Сербии отделялись не только Воеводина и Косово, но и Черногория. К 31 декабря 1991 года все советские войска были выведены из Германии (из-за спешки часть вооружения и оборудования были брошены). С территории Польши, Чехословакии и Венгрии советским войскам пришлось уходить с большими потерями, иногда прорыв на свою территорию осуществлялся с боями. Некоторые части и гарнизоны при этом были полностью уничтожены. К началу 1992 года в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии и на Западной Украине началась полномасштабная партизанская война против центральной власти, дополненная актами саботажа и гражданского неповиновения. На указанные территории в большом количестве проникли разведчики и военные специалисты из стран НАТО (пока они считались «добровольцами»), начались поставки западного вооружения местным «повстанцам». Я все верно излагаю?

— Абсолютно. Разве что забыл про то, что под новый, 1992 год опять ввели талоны на все. За год до этого отменили, а тут вернули. Ну а в магазинах как было шаром покати, так и осталось... Но это все было привычно.

— Вот-вот. А 1 января 1992 года натовцы начали операцию «Гнев в пустыне» против Ирака. Их сводки были победными, но к 4 января стало ясно, что продвижение «антииракской коалиции» минимально, а потери очень высокие. В тот же день со ссылкой на независимые источники появилась информация о том, что американцы в Ираке применяют химическое оружие, причем не только по войскам, но и по городам. Тогда же появилась информация о том, что ВВС США применили на территории Кувейта против одного из иракских укрепрайонов тактические ядерные боеприпасы малой мощности. 5 января от «острой сердечной недостаточности» скоропостижно скончался М. С. Горбачев. Власть в СССР окончательно перешла к «триумvirату» Язов — Пуго — Крючков. 6 января Ирак нанес ядерные удары оперативно-тактическими ракетами по наступающим войскам НАТО, их районам сосредоточения на территории Саудовской Аравии, Эр-Рияду, Хайфе и Тель-Авиву. Использовалось до 10 тактических ядерных зарядов. Через 9 часов, в ночь с 6-го на 7 января, последовал ответный удар США силами Стратегического авиационного командования и 6-го флота. По Ираку было выпущено до 30 крылатых ракет с ядерными зарядами, при этом одна из ракет намеренно или по ошибке поразила иранский город Насре-Ширин. Не дожидаясь объяснения, Иран объявил «священную войну» США и

Израилю и вечером 7 января выпустил по кораблям 6-го флота США и территории Израиля до 50 крылатых и тактических ракет, одна из которых была с ядерным зарядом и до 20 — с химическими. Одновременно начались боевые действия между Израилем и Сирией, а ливийцы атаковали корабли и базы НАТО на Средиземном море и в Италии. В ответ США 9 января выпустили «вторую волну» из 42 крылатых ракет с ядерными зарядами по Ираку, Ирану, Сирии и Ливии. 11 января 1992 года состоялась экстренная «горячая линия» между Москвой и Вашингтоном, во время которой М. Дукакис и Д. Язов договорились с неприменении ядерного оружия друг против друга и обязались сделать все возможное для прекращения ядерной войны на Ближнем Востоке. Тем не менее, весь январь 1992-го по всему Ближнему Востоку (а точнее, тому, что от него осталось) продолжались боевые действия. 24 января началась очередная индо-пакистанская война. Несмотря на ожесточенный характер боевых действий и применение обеими сторонами нескольких (по разным данным — до 10) ядерных зарядов, через месяц война завершилась победой Индии — Пакистан перестал существовать как единое централизованное государство, а потери индусов оказались совсем не катастрофическими. 11 февраля 1992 года в Женеве под эгидой ООН начались переговоры о прекращении огня на Ближнем Востоке. 13 февраля такое соглашение было подписано, хотя за ближневосточные страны документ подписали второстепенные чиновники (С. Хусейн, М. Каддафи, Х. Асад и Я. Арафат, по одним данным, не уцелели, а по другим — благополучно эмигрировали), и в арабском мире он не был признан имеющим силу. Количество погибших в этом «ограниченном ядерном конфликте» подсчитать так и не удалось. Американцы признали, что их потери только убитыми достигли 200 тысяч человек (по мнению ряда независимых экспертов, они в данном случае сильно поскромничали), а ряд регионов в этой части планеты, по данным специалистов, стал непригодным для жизни на ближайшие 50-100 лет. По иронии судьбы в число наиболее зараженных территорий попали Мекка и Иерусалим... Помнишь ту зиму, Танкист?

Еще бы не помнить... Непростая это была зима, ох непростая... Снег тогда начал таять только после 9 мая, а до того стояли морозы. А сугробы были сероватыми и пахли горелым... Впервые в ту зиму народ прильнул к радиоприемникам, слушая уже не погоду, а сообщения о направлении ветра и радиационном фоне. Вновь, после Чернобыля, всплыло в русском языке словечко «рентген», да так до сих пор осталось одним из самых употребляемых. И особенно дико смотрелись спецбригады, зимой поливавшие из цистерн с какой-то йодистой дрянью особо фонившие сугробы в городской черте. А окна тогда стали не просто затыкать, а герметизировать с использованием полиэтилена и просвинцованной ткани... А пришедшее затем лето, предпоследнее для меня предвоенное, было еще чуднее. Некоторые деревья в лесах стояли голые, на других (прекрасно помню, например, на березах) листья вымахивали огромные, как лопухи. Какая-то живность дохла, какая-то плодилась с удвоенной энергией. Лысых вокруг стало больше, а в больницах впервые открылись радиологические отделения — и скоро в них стояли очереди... И купаться-загорать стало проблемой — у многих водоемов появились таблички с «атомным трилистником» и надписями «Заражено». Позже этих табличек только прибавлялось...

— Прекрасно помню, — сказал я вслух. — После ограниченной ядерной войны у нас, видимо, была ограниченная ядерная зима. Или это называется иначе?

— Да нет, все правильно. Что было дальше — не забыл еще? Весной 1992 года остатки иракской, иранской, пакистанской и прочих исламских армий вкупе с беженцами и всевозможным родственным сбродом поперли на север, спасаясь от остаточной радиации и

прочих связанных с ней напастей. В июне они уже смяли турецкую армию, несмотря на американскую военную помощь, а в августе были в Кабуле, Грузии, Азербайджане, Греции, Албании и Македонии. В сентябре-октябре они были уже в Душанбе... И отбиться от них было практически невозможно — уж очень их было много, а терять им было нечего. И все бы ничего, но 15 октября 1992 года после взаимных провокаций схлестнулись КНДР и Южная Корея. Северяне сумели первым ударом обескровить армию южан, но в дело вмешались американцы, нанеся по Северной Корее мощный ракетно-авиационный удар. В ответ северокорейцы выпустили по Японии и Южной Корее более 50 оперативно-тактических ракет, в том числе с химическими боеголовками. Но самым страшным было не это — орлы товарища Ким Ир Сена выпустили шесть баллистических ракет неизвестной системы. Две из них упали в океан из-за отказов системы наведения, но четыре оставшихся нашли свои цели. К ужасу западного мира, на двух ракетах стояли хотя и слабенькие (видимо, предназначенные для тактических носителей), но все же ядерные боеголовки. Одна из них поразила японский город Ивакуни, другая — Сан-Франциско. Оба города после этого перестали существовать, но еще ужаснее оказались две другие ракеты. Они содержали так называемые «грязные бомбы» и, упав на тихоокеанском побережье США, загадили радиоактивной пылью обширные территории, включая Лос-Анджелес. Разумеется, США ударили в ответ, превратив северную часть Корейского полуострова в пустыню с сильным радиационным фоном, но это уже ничего не могло изменить. В первый момент от ядерного удара северокорейцев погибли более 450 тысяч американцев, а через полгода число пострадавших перевалило за три миллиона, треть из которых умерли или болели лучевой болезнью. Понятно, что все тихоокеанское побережье США стало небезопасно для жизни, по крайней мере, лет на пятьдесят... Плюс к этому — хаос в Юго-Восточной Азии. Американцы публично обвинили СССР в военной помощи КНДР, обозвав Москву «главным поджигателем войны на планете». Одновременно в ноябре 1992-го Вашингтон оказал дополнительную военную и финансовую помощь националистам в Прибалтике и на Западной Украине. В Англии, Швеции и Канаде были организованы «правительства» Эстонии, Латвии, Литвы, Украинской Галицийской Республики и Молдовы «в изгнании», начавшие вербовку «добровольцев» в «армии» этих «стран». СССР ввел на указанные территории дополнительные войска, что вызвало истерические протесты со стороны ООН, ОБСЕ, НАТО и США. Было объявлено о намерении принять в НАТО бывшие страны-члены ОВД. В феврале 1993 года начались столкновения на советско-польской границе. Подстрекаемый Западом президент Польши Л. Валенса потребовал от СССР возврат территорий, «незаконно оккупированных после подписания пакта Молотова-Риббентропа». В марте-апреле на стороне прибалтов и западных украинцев начали действовать регулярные части НАТО, изображавшие «добровольцев». У «повстанцев» резко увеличилось число современных видов оружия (ПТРК и ПЗРК) и средств связи. Одновременно огромные группировки войск НАТО прибыли в Болгарию, Румынию и Черногорию, официально — для борьбы с «исламской угрозой». На территории СССР к октябрю 1993 года бои с исламистами шли уже в Краснодарском крае, под Кзыл-Ордой и Талды-Курганом. Зимой началась частичная эвакуация и частичное уничтожение сооружений космодрома Байконур. Но перед этим, 22 августа 1993-го, произошли самые крупномасштабные акции националистов на Западной Украине и в Молдавии с захватом Львова и Кишинева. Было объявлено, что в этих городах созданы «демократические правительства», которые заявили о выходе из состава СССР и призвали на помощь «миротворцев» из НАТО. Москва предъявила

националистам ультиматум, после чего 26 августа последовали массированные авиаудары по целям в Западной Украине, Прибалтике и Молдавии. Затем началось полномасштабное наземное наступление. Поляки поспешили заявить, что советские самолеты якобы неоднократно атаковали цели на их территории. Тут же последовала соответствующая резолюция ООН, осуждающая «агрессивные происки Кремля». 29 августа по территории СССР нанесли удар ВВС стран Восточной Европы, пополненные западными «инструкторами» и техникой и действовавшие с их территории боевые самолеты (в основном это были «Миражи» и F-16) с опознавательными знаками Украинской Галицийской Республики, Эстонии, Латвии и Литвы, пилотируемые «иностранными добровольцами». Несмотря на потерю нескольких десятков самолетов, им удалось выполнить ряд поставленных задач — уничтожить часть РЛС и объектов советской ПВО, а также нанести удары по Киеву, Минску и Калининграду. Несколько самолетов смогли прорваться к Ленинграду. 1 сентября 1993 года Советская Армия нанесла ответный удар с применением оперативно-тактических и крылатых ракет и стратегической авиации, ядерные и химические боеприпасы не применялись. В результате было разгромлено большинство восточноевропейских авиабаз, ВВС и ПВО Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии практически перестали существовать. ООН и НАТО начали кричать об «агрессии русских», в Балтийское море вошли две авианосные группы ВМФ США а в Восточную Европу прибыли дополнительные силы США и НАТО. Москва, в свою очередь, осудила подобные действия НАТО, но ее мнение никому не было интересно. 9 сентября последовал второй удар НАТО и палубной авиации США по территории Советского Союза. На сей раз применялись крылатые ракеты и стратегическая авиация. Потери составили до сотни самолетов и более тысячи крылатых ракет. Кроме военных объектов, были атакованы Киев, Минск, Смоленск, Калининград, Одесса, Севастополь, Ленинград. Несколько «Томагавков» упало и на Москву. Хотя ядерные и химические боевые части не применялись, одна из ракет поразила АЭС в Луге, под Ленинградом. Эффект получился малость поменьше Чернобыля — радиоактивный выброс накрыл всю Скандинавию и с попутным ветром дошел до Англии и Исландии. Еще более усугубил ситуацию новый ответный удар СССР, в ходе которого, помимо прочего, в районе Гдыни был уничтожен американский атомный авианосец «Ф. Рузвельт». Так и не смогли установить — взорвался ли реактор авианосца или рванули имевшиеся на борту ядерные боеприпасы... В общем, получился красивый «грибок», чуть слабее хиросимского, а «язык» от него дошел до Португалии... 11 сентября 1993 года обе стороны заявили о возможном применении ядерного оружия, при этом СССР объявил о том, что на Кубе находятся советские ядерные боеприпасы и средства их доставки. 13 сентября исламисты предприняли массированное наступление с территории Албании, полностью захватив Косово и Македонию (при этом было вырезано несколько гарнизонов «миротворцев НАТО») и объявив о создании на территории этих стран «Европейского Исламского Халифата»... 14 сентября состоялся очередной разговор по «горячей линии» между Москвой и Вашингтоном. 17 сентября в Гааге начались переговоры о полном прекращении огня между СССР и НАТО 3 октября мирное соглашение было подписано. По его условиям страны Восточной Европы получали нейтральный статус без права вступления в какие-либо военные блоки, войска НАТО с их территории выводились. Советское ядерное оружие оставалось на Кубе на неопределенный срок, в обмен на это Украинская Галицийская Республика со столицей во Львове получала независимость, а Молдавии и Прибалтике Москва обязывалась предоставить «широкую автономию» под контролем наблюдателей ООН. Правда, на юге

Восточной Европы, у границ новообразованного «Халифата», войска НАТО остались... Ты слушаешь?

— Внимательнейшим образом. 1993-й был для меня последним мирным годом. Летом следующего года я уже был в армии. И нормальной жизни у меня в запасе оставалось год с небольшим...

— Вот-вот... В июле 1994-го бои с исламистами шли уже по линии от Каспия до монгольской границы и в предгорьях Кавказа. В сентябре фронт был под Оренбургом, а китайцы решили-таки получить свою долю при разделе территорий и, за полтора месяца оккупировав Монголию, вперлись в Киргизию и Казахстан. Против НОАК и исламистов одновременно Советская Армия, чей потенциал был сильно подорван боевыми действиями в Восточной Европе, выстоять уже не могла.

— И началось блядство, — вставил я. — Такое, какого свет еще не видывал...

— Ну, не то чтобы блядство, но где-то ты прав, — усмехнулся «Три шестерки». — Иначе почему 10 декабря 1994 года в Лондоне под эгидой ООН начались переговоры о ситуации в Средней и Центральной Азии. Переговоры шли полгода, а боевые действия тем временем продолжались. 11 мая 1995 года было наконец подписано соглашение о независимости бывших советских республик Средней Азии под контролем ООН (часть исламистов соглашение подписывать отказалась, а китайцы подписали документ с рядом оговорок). Создавался «буфер» — 150—250-километровая (на разных участках) «Демилитаризованная зона», по линии Уральск — Орск — Кустанай — Павлодар — Усть-Каменогорск. Советская Армия из ДМЗ официально выводилась, там создавалась своя «Армия Краевой Самообороны» и собственная администрация под контролем ООН. В июле в ДМЗ прибыли первые ооновцы, но боевые действия не прекращались. Кроме АКС и исламистов, в них негласно участвовали Советская Армия, китайцы и масса независимых вооруженных группировок, не подчинявшихся никому. Между тем американцы, получив у ООН «мандат на миротворчество», высадили свои войска в Каршах, Чирчике и Джебказгане. Контролирующие эти территории исламистские группировки охотно подписали с ними договор «об аренде военных баз». Что было дальше?

— А дальше 8 сентября 1995 года американцы высадили подразделения 82-й аэромобильной и 1-й бронетанковой дивизий на старом военном аэродроме в Кривопрямке, в 140 километрах от Краснобельска, контролируемого исламистами. Янки очень хотели расширить «сферу влияния» и фактически совместно с «духами» начали наступление на Краснобельск — им был нужен наш городской аэропорт международного класса. Высадиться прямо в городе они не могли — аэропорт тогда еще был прикрыт довольно сильной ПВО. 13 сентября мы их наступление остановили, штатники потеряли много брони, включая танки «Абрамс» и БМП М-2, и больше сотни вояк только убитыми. Это их обозлило, и 14 сентября они нанесли по Краснобельску массированный удар «Томагавками», в числе которых были и ракеты с химическими боеголовками. С того дня, дядя, Краснобельск и стал Мертвым Городом. А 15 сентября Советская Армия нанесла ответный удар оперативно-тактическими ракетами по Кривопрямке, в результате чего американский контингент был уничтожен почти целиком. С тех пор мы Кривопрямку зовем «Арлингтон» — там огромное кладбище битой штатовской техники. Красота, одни остовы сгоревших «Гэлэкси» и «Старлифтеров» чего стоят... И, что характерно, официально удар нанесла АКС. В итоге на договоры все воюющие стороны положили с прибором — начали бомбить друг друга и применять химию. ООН такого не выдержала и к концу 1997-го года вывела из

ДМЗ весь свой персонал. С тех пор так и идет...

— И с тех пор, — прервал меня «ббб-й», — ты уже десять лет воюешь, непонятно с кем и непонятно за что. Сколько же ты за это время русских людей положил, а, Танкист?

— Ой, вот только не надо рассуждений о моей душевной гнусности... Ты, дядя, еще приплети сюда, что я с четвертого курса университета на войну попал, а значит, уже только поэтому законченная скотина, поскольку имею некоторое образование... Можно подумать, я их считал, покойников то есть. Я, если угодно, воевал за «наших» с «не нашими», причем у нас эти понятия достаточно условны: если Вася Дуркин из села Кукуево записался в моджахеды за ящик консервов, то какой он после этого «наш», не говоря уж о том, какой он «русский»? Посмотрел бы я на тебя, если бы у тебя за спиной были не Родина, Москва или Сталинград, а какие-то неотчетливые руины вместо дома и прошлого... И в голове тоже руины... Вообще так оно не накладно — говорить обездвиженному пленному гадости. Ты вот тут целый час болтал, вспоминая, как мы все, и я в том числе, дошли до такой жизни. А что, могло быть по-другому?

— Так я об этом и говорю, дорогой мой. Мы о чем вначале говорили?

— О пресловутой «многовариантности» и фильме «Назад в будущее»...

— Вот-вот. А теперь представь себе, что ты имеешь возможность уйти на другой «отрезок» реальности, где все было не совсем так, как мы только что вспомнили, а точнее, совсем не так. Короче говоря, туда, где были другие «критические точки» или события имели противоположный знак и смысл.

— Это как?

— Ну, например, Саддам Хусейн напал на Кувейт на год или полтора раньше, и американцы к началу 1991 года его разгромили с более-менее «сухим» счетом... А еще представь, что 19 августа 1991-го все произошло с точностью до наоборот...

— В каком смысле «наоборот»?

— В прямом. ГКЧП выступил, не имея вообще никакого плана действий, а его приказы, словно по негласному договору, игнорировались или просто не выполнялись. Генералы бездействовали, ключевые объекты не захватывались, патронов солдатам не выдали, КГБ не занимался своим прямым делом, а раздумывал, чью сторону принять, и так далее, и тому подобное...

— И что в этом случае могло получиться?

— Ты будешь смеяться, но получилась полная «победа демократии» и Ельцин в качестве руководителя государства. И не Ельцин поддержал Горбачева, а наоборот...

— Блин горелый... Непредставимо...

— Вот именно. И учти, что там всей этой войны с ее ужасами не было. То есть были мелкие войнушки на окраинах, но не такого масштаба, и, разумеется, ядерное и химическое оружие там никто не применял. И все твои близкие живы. Ну, кроме тех, кто умер от старости, инфаркта или паленой водки. А ты там человек сугубо гражданский...

— Это, конечно, все замечательно. Только ты, дядя, так мне и не ответил на вопрос: кто ты такой и откуда? И почему тебе понадобился именно я? У меня устойчивое ощущение, что ты все-таки американец, а все вокруг — это какая-то хитрая ваша тюрюга. И ты меня предварительно чем-то или наколол, или напоил.

— С чего ты так решил?

— По-моему, это все глюки, и не более того. Море, понимаешь, пальмы... Даже пахнет морем, а этого быть не может...

— Очень даже может. Не глюки это и не белая горячка, технологии у нас такие.

— У кого это «у вас»?

— Ну, мы — это, собственно, вы, только лет через сто.

— ???!?!??? Ты что, дядя, из будущего?!? Ни фиги себе, так бы сразу и сказал!!

— Так я тебе об этом битый час и толкую. И, предвидя твой следующий вопрос, скажу, что у нас там единое государство и такие понятия, как «американец», «КГБ» или «ЦРУ» давно не в ходу...

— А где столица этого вашего «единого государства» находится? В Вашингтоне, Пекине или, может быть, в Москве?

— А вот это тебе знать совершенно ни к чему, тебе информация о нашем государственном устройстве ума не прибавит. А в остальном ты мне подходишь, как человек со, скажем так, «зачаточными ментальными способностями».

— Это какие такие «ментальные способности»? — удивился я. — Это уж скорее «обостренное чувство опасности», да и то «срабатывает» оно реже, чем хотелось бы, — в крайний раз давеча ночью, когда я тревогу объявил еще до того, как звук вертолетных двигателей услышал...

— Вот это и есть те самые «зачаточные ментальные способности», не сомневайся, тебя на соответствующем оборудовании проверили.

— И это все, что нужно для счастья? И более ничего?!

— А все остальное совпало само собой. В поле моего зрения я никого, подобного тебе, не выявил. Такие встречаются в соотношении один на тридцать тысяч населения, не меньше, так что кандидатов изначально было немного. Был, правда, один, но он был алкаш, да к тому же без одной руки... А в остальном... Видишь ли, перемещения во времени — дело очень непростое. Человека, во всяком случае пока, можно «перекинуть» во времени только на 102 года максимум, причем только назад.

— Это как то есть?

— А примерно так, что я переброшен сюда и базируюсь в этом времени, но глубже в прошлое уйти не могу. Могу только вернуться обратно. А тебя я или любой другой, подобный мне, с нашей нынешней стандартной аппаратурой, могу отправить в прошлое, максимум в начало XX века, и тем же способом вернуть обратно. А вот отправить тебя в будущее или более раннее прошлое я не могу.

— Почему?

— Только не требуй от меня технических подробностей, с позиций школьного курса физики растолковать это все равно невозможно. Пространственно-временные перемещения — штука неоднозначная и с позиций чистой физики необъяснимая. Короче говоря, при попытках отправить человека во времени назад больше чем на 102 года аппаратура выходит из строя, а испытатели в лучшем случае непоправимо сходят с ума. А учитывая, что перемещения во времени в любом случае процесс болезненно-депрессивный, разрушительный для психики и требующий колоссальных затрат энергии, становится понятно, что ситуация в этой области во многом тупиковая. Кстати, первые телепортационные устройства, которые у нас уже производятся серийно, способны перемещать живые объекты на расстояние не более 350 километров. Дальше начинается та же ерунда, что и со временем. А между тем неживые предметы телепорты способны перемещать на тысячу километров, не меньше.

— Так в чем здесь проблема?

— Откуда я знаю? Феномен своего рода... Нечто неизученное и нам пока что недоступное. словно кто-то поставил искусственные барьеры, за которые никому хода нет. Конечно, ситуация не безнадежная и имеющая варианты. Так, можно, к примеру, такого, как ты, подготовить и отправить в первые годы XX века, завезти туда аппаратуру, подготовить какого-нибудь «местного кадра» и отправить его еще на 100 лет назад, прямо к Наполеону и Кутузову. Только нам это ни к чему.

— То есть как это «ни к чему»? Кстати, а почему ты сам не можешь перескочить еще на столетие?

— Умом тронусь по дороге туда, а на обратном пути и вовсе мозги закипят. Проверено. Одна переброска во времени туда и обратно по нервным затратам стоит двух-трех лет работы в открытом космосе — потом полагается обязательный годичный отпуск, под строгим врачебным контролем. А ни к чему нам это постольку, поскольку тотальный контроль над временем нам не нужен, нас же интересуют только «отдельные детали», а не «явление в целом». Если через каждые 100 лет ставить человека с оборудованием, то это уже резидентура. А ее обеспечение требует таких энергозатрат, какие наш Институт никак не может себе позволить...

— Ага, значит, институт. Ученые мужи в ермолках... Лучше бы вы сначала на хомячках или мартышках тренировались... Кстати, а как ты меня можешь засунуть в другую реальность. Не нашу, ну ту, в которой войны не было?

— Объясняю. В пределах стандартного 102-летнего отрезка существует в среднем до 15 альтернативных вариантов реальности. Психофизическая составляющая твоей личности существует как минимум в 3–4 из них, в одинаковом временном промежутке. А дальше все просто. Я тебя выдернул из одной реальности, а потом перемещу в другую. Если перемещение во времени — это, так сказать, «вертикальная шкала», то из реальности в реальность — это «по горизонтали», так сказать, «вправо-влево». Наше оборудование это вполне позволяет...

— Погоди, я что-то не понял, что, в той реальности будет два меня, как в «Назад в будущее»?

— Опять ты ни черта не понял, Танкист. Да, наверное, и не надо, чтобы ты это понимал. Скажу проще: эта реальность для тебя кончена, на эту «развилку» ты уже не вернешься, она, что называется, перекрыта. А значит, у тебя остается альтернативная реальность — один из вариантов, в которых ты гарантированно существовал.

— В каком смысле?

— А в том смысле, что наверняка есть варианты, где тебя вообще не было в принципе...

— Это как?

— Ну, как бы тебе попроще... Например, оба твои родителя появились на свет после того, как их отцы и матери (то есть твои бабки и дедки) встретились друг с другом на Второй Мировой войне или сразу после ее окончания. А представь — вдруг войны бы не было? Или она пошла бы совсем по-другому? Помнится, у одной из твоих бабушек был первый муж, погибший в 1942-м под Севастополем. А если бы он остался в живых? Вот то-то и оно, Танкист...

— Хорошо же ты, дядя, мою анкету изучил, интересно только откуда? Или ваше оборудование и это позволяет? Ладно, и в чем моя, так сказать, «боевая задача»? Отправиться в 1905 год, дедушке Ленину записку передать от Андропова?

— Ну, не совсем... — начал было объяснять «666-й», но прервался на полуслове.

Точнее, его прервали. Что-то щелкнуло, и морской пейзаж вокруг нас исчез, сменившись прежним полумраком с мерцающими в глубине разноцветными огоньками. «666-й» вскочил со своей псевдотабуретки и начал озираться. По-моему, он чего-то или кого-то сильно испугался, до икоты и зуда в пятках.

И этот страшный «кто-то» предстал перед ним через пару секунд — из мрака на моего недоброго знакомого надвигался уродливый силуэт. Ростом метра два с лишним, в ширину — полтора, на толстенных ногах и практически без головы. Ее заменяла некая нашлапка между плеч. Правая рука фигуры заканчивалась несколькими то ли стволами, то ли трубками разного калибра — над этими трубками светился тонкий малиновый лучик, конец которого плясал на груди «666-го»... Напоминало это или робота из дрянных старых фильмов, или жесткий водолазный скафандр из иллюстраций в журнале «Техника — Молодежи», только двигался он почти неслышно, а за его спиной маячили еще две такие же уродливые фигуры... Рассмотреть окружающее подробнее, а равно что-то предпринять, я не успел — меня словно магнитом притянуло к «стоматологическому креслу», так что я даже не мог повернуть головы. Что-то лязгнуло, перед глазами вспыхнул яркий свет. И здесь по мне ударила волна невероятной, дикой боли — я мгновенно утратил контроль над собой и чувство реальности, перестав понимать, кто я и где я. Показалось даже, что сердце нагрелось докрасна и просачивается наружу сквозь грудину, а мозги расплавились до жидкого состояния и вытекают самотеком через нос и уши... Через секунду свет сменился тьмой, и сквозь угасающее сознание я ощутил, что куда-то падаю... Черт меня дернул связаться с этим «хрононавтом-самоучкой»...

Голоса за кадром — 1. ПОВЕЛИТЕЛИ ВРЕМЕНИ.

— Идиот! Придурок! Ты не мог отдать команду войти после того, как обесточили помещение?

— Ну, мог. А кто знал, что у него обе капсулы подключены и настроены. От главного генератора мы его отрубили, а при таком раскладе если что-то могло включиться, то разве что аварийное освещение...

— Включилось... Молодцы!! Вы такого наворотили, что нам теперь месяца полтора расхлебывать...

— Зато фигурант не ушел. По крайней мере, больше не будет тратить энергию на свои неудобоваримые опыты...

— Это, конечно, замечательно, но что теперь с теми двумя... Как получилось, что один поджарился?

— Он его усыпил, и все дела. Мужик спал, а тут агрегат и включился... А переброска во времени может производиться только в условиях бодрствования и при ясном рассудке... В спящем виде его, разумеется, убило — сперва сосуды в мозгу полопались, ну а потом вплоть до обугливания...

— А что второй?

— А второй провалился туда, куда предписывала программа-не ему, а тому, который зажарился. Видно, этот дурак не проверил соединение капсул, как обычно, оставил на потом. А они включились синхронно, хотя программа была введена только в одну... Смешнее было бы, если бы они туда вдвоем свалились...

— Слушай, а этот второй — он же ни ухом ни рылом, не подготовлен, не адаптирован, не экипирован, языков не знает, а задачу перед ним никто не ставил... Он там глупостей не наделает?

— Если сразу не пристрелят, вполне может справиться. Собственно, это все знакомо, схема «Дурак и огурцом зарежется»... Сталкивались уже... В конечном итоге получим еще один готовый вариант, пусть и запрещенный. Только и всего...

— «Запрещенный»... Сколько раз вам надо повторять, что этой Второй Мировой с нас уже довольно! Можете вы это понять? Ведь есть дела поважнее, утвержденный план, наконец!

— Понимаю. Только все-таки разрешите не спускать дело на тормозах, раз уж все равно начали...

— И чего ты от меня хочешь?

— Я этого парнягу использую в одной долгоиграющей комбинации. Ему обещали счастливую жизнь — вот пусть и отрабатывает. Есть у меня на этот счет одна разработочка...

— «Разработочка»... Знаю я твои разработочки... Но только чтобы за счет внутренних резервов, понял? Никаких дополнительных мощностей не получишь. Адаптер ему включишь, но связь — и голосовая, и голографическая — чтобы по минимуму, только в экстренных случаях. Это, надеюсь, понятно?

— Вполне.

— Ну, тогда черт с тобой. Может быть, и афронт с фигурантом замнем... Но не вздумай расслабляться, а то переведу в группу обеспечения, с понижением. Уяснил?

— Так точно!

— Все, свободен...

Я тут недавно видел у знакомого новейшую карту Генштаба. Так вот, там нет Америки. Если куда-то поедете на отдых летом, учтите это, молодые люди.

Генерал Иволгин. Х/ф «Даун Хауз»

Аглицкое Курфюршество. Неправильное вчера. 9 августа 1944 года. Рейхскомиссариат «Гросс Британией» г. Плимут. Хмурое утро.

Пока продолжалось мое падение неведомо куда, я от души пожелал «ббб-му» всех возможных на нашей планете способов медленной и мучительной смерти. Хотя, наверное, зря я ему желал такого. Если он отправится в мир иной — кто же меня будет из этой передрыги выдергивать? А что передрыга нешуточная и дороги назад нет, я понял опять-таки за время падения. Перед моим сознанием пронесли галопом картинки, словно склейка из дурного кинофильма.

Какие-то импортные седоватые хмыри в отглаженной камуфляжной форме, с мужественными квадратными подбородками и непонятными орденскими планками на груди что-то высматривают на карте, в каком-то тесном ярко освещенном помещении. В карте угадываются окрестности Краснобельска... Над заснеженной равниной летят вертолеты. Много. Не меньше десятка «Апачей-Лонгбоу» и в два раза больше «Литтл-Бирдов». Пейзажи внизу до боли знакомые... У размотанной гусеницы подбитой БРМ-1 сидит на снегу Вова Тяпкин и что-то говорит в радиотелефон. Лицо Вовы разбито в кровь, а на левой коленке по брюкам расплывается темное пятно. Над ним стоит и ухмыляется здоровенный губастый негр в модерновом белом маскхалате и глубокой каске с белым чехлом. В руке негр держит огромный хромированный пистолет. Тяпкин заканчивает говорить и опускает телефон. Негр с все той же ухмылочкой стреляет ему в глаз. По грязному снегу метра на полтора разлетаются багровые брызги и куски чего-то твердого... «Шилка» молотит из все четырех стволов по приближающимся вертолетам. На ее башне знакомый номер 911. Это Бухарев. Взрывается «Литтл-Бирд», падает второй, отворачивает с дымом «Апач». Но от «зээсушки» через пару секунд остается пылающее шасси. Сорванная башня отлетает метров на десять... Среди знакомых мне заводских руин горит несколько танков и БМП. Чуть в стороне полыхает какой-то довольно мощный пожар. Похоже на склад ГСМ... Среди развалин каких-то домов застрял Т-62 с перебитой гусеницей. Старлей Чепцов, матерясь и крича что-то заряжающему, наводит башенное орудие на приближающегося противника. Это несколько американских БМП М-2 «Брэдли» и каких-то похожих на «Абрамсы» маленьких танков, разрисованных невероятно заковыристым ломаным бело-серым камуфляжем под окружающий пейзаж. Загорается и взрывается одна «Брэдли», замирает, скособочившись, маленький танк, но на «шестидесятдвойку» обрушивается огненный вихрь, и через минуту она дымится, словно груда подоженных старых покрышек... Юрик Гречкин и Рустик ползут в темноте, по каким-то полуразрушенным подвалам. На себе Гречкин прет РПГ-7, рюкзак с ракетами и бесчувственного Мишаню, у Рустика за плечами несколько

разномастных стволов и родная СВД. Фоном к действию служит зарево близкого пожара и тархтящий свист летающих где-то рядом вертолетов...

На этом «кино» закончилось. Мне хватило времени понять, что бригады нашей, видимо, больше нет. А потом началась боль. Нет, конечно, «благодетель» успел упомянуть о том, что межвременные перемещения — процесс болезненный. Но он забыл сказать, НАСКОЛЬКО БОЛЕЗНЕННЫЙ... Видимо, так чувствует себя ежик, попавший под асфальтовый каток. Потому что не может быть, чтобы одновременно болело ВСЕ, чуть ли не до корней волос... Вероятно, в беспомощности от болевого шока я был довольно долго, и сознание вернулось далеко не сразу. Когда начали возвращаться зрение и слух, а боль слегка притупилась, я и не пытался сразу сообразить, куда попал. Я лежал лицом вниз на чем-то, похожем на бульжную мостовую, среди обширных руин, серый холодный дождь поливал груды битых заплесневелых кирпичей и мою голову. Экипирован я был во все те же тренировочные штаны, свитер и ботинки. Рядом с моей головой стоял рюкзак непонятного образца (не походивший ни на туристский, ни на современные мне армейские образцы). На рюкзаке сверху лежала мокрая куртка-штормовка из сероватой брезентухи, очень похожая на альпинистскую. Больших трудов мне стоило подняться из лежачего положения и сесть. Я был грязен, мокр и сам себе противен. Шнуруя ботинки, я сообразил, что, похоже, попал таки «туда, не знаю куда», — меня выдернули из февральской стужи, а вокруг наблюдалась совсем не зима средней полосы России. Было довольно тепло и очень сыро, а воздух, как мне показалось, ощутимо пах морем — был я как-то в Питере ранней осенью, очень похоже.

Интересно, куда же меня занесло? Я, преодолевая головную боль, переходящую в рвотные позывы, встал, нацепил штормовку (она была мне маловата и мокра насквозь) и с трудом пристроил на плечи рюкзак (он был довольно тяжелым с чем-то угловатым внутри). «Времяпроходец, твою мать», — ругнул я свое снаряжение. Дождь все лил и лил, и я, натянув капюшон штормовки, побрел по заваленной битым кирпичом и пеплом дороге в поисках хоть какого-нибудь навеса, где можно переждать дождь. Окружающая мокрядь грозила неминуемым насморком, а я напоминал гибрид тщательно обоссанного пня с огородным пугалом. Да и обстановка воздействовала на мои и без того больные мозги как удар мордой об стол. Вероятно, здесь когда-то была улица, но сейчас вместо проезжей части передо мной лежала полутораметровая тропинка, зажатая между двух высоченных валов битого красного кирпича, обугленных досок, битой черепицы и стекол. Под слоем щебенки, между прочим, просматривался не вульгарный асфальт, а приличная мостовая. Первой в голове появилась дурацкая идея о том, что меня таки занесло куда-то в зону недавних ядерных ударов. Тем не менее я попытался оценить эту возможность серьезно. Кровожадных мутантов, равно как пожираемых ими груд трупов и прочей подобной «лирики», в поле зрения не наблюдалось. Нет, про мутантов это все сказки. Да и вообще, при атомном взрыве все окружающее спеклось бы до состояния абстрактной композиции из художественного стекла... Да и не похоже это на знакомые по выпускам новостей Ближний Восток или Северную Корею. Не в Сан-Франциско же меня занесло? Между тем потоки грязной воды стекали с груд кирпича, превращая тропинку в сплошной ручей. Вокруг моих ботинок уже бурлили потоки мутной взвеси с кусками гнилого дерева, хлопьями сажи и масляными пятнами радужных оттенков. Я протопал среди руин уже метров восемьсот, но никаких боковых проходов в грудях кирпичей не наблюдалось. А лезть вверх по острым граням обломков, да еще в такую погоду, мне очень не хотелось. Поэтому я брел дальше, лениво соображая и чувствуя, что мои говнодавы все больше набухают от обильной влаги.

Пройдя еще метров сто, я нашел наконец то, что искал. В одном месте гряда обломков образовывала причудливое углубление — своего рода пещеру. Согнувшись, я мог стоять под этим сводом на площадке примерно полтора на полтора метра, куда не попадали потоки дождя. Дальше начинался заполненный тухлой водой провал, уходивший далеко под развалины, — видимо, фундамент разрушенного здания. Я стоял, привалившись плечом к холодным кирпичам, и наблюдал, как потоки воды скатываются со свода над моей головой и, образуя на мостовой ручьи и ручейки, стекают в бывший подвал, обтекая мои подошвы. Перво-наперво я решил получше рассмотреть себя и свою, если можно так выразиться, «экипировку». Осмотрев себя, я подтвердил свою давешнюю догадку — меня действительно помыли, побрили и постригли, а одежду постирали и прожарили на предмет наличия паразитов. Вместо привычного белья я обнаружил на себе голубенькую маечку с буквами «USMC» на груди и эластичные плавки с такой же надписью. Обрядил-таки меня в обноски педиков из корпуса морской пехоты США, зараза такая... Хотя других труселей все равно в запасе нет — придется щеголять в этих, тех, что «бог послал». В карманах не было ничего, и я занялся содержимым рюкзака. Главным в моей экипировке был, как оказалось, некий ящикообразный прибор — металлический короб, похожий на армейскую рацию не самой современной модели. Раздвижная телескопическая антенна, несколько кнопок, тумблеров и лампочек-индикаторов. Назначение непонятно, маркировки никакой. Так что включать не стоит — вполне может оказаться бомба неизвестного типа. Но таскать эту фигню с собой, видимо, придется — ведь зачем-то же мне его выдали, вдруг пригодится? Кроме непонятного агрегата в рюкзаке было: две консервных банки, лишенных этикеток, целлофановая пачка с чем-то, похожим на галеты или крекеры, фляга и нож в псевдопластмассовых ножнах. Во фляге оказалась тепловатая кипяченая вода, почему-то имевшая привкус клубники. Я отхлебнул глоток, и меня замутило еще сильнее. Ножик был самый дерьмовый, туристского образца, к тому же ножны не имели крепления для ношения на ремне. Я попробовал пальцем лезвие. Н-да... Как говорил классик, колбаску-огурчики-помидорчики для закуски этим ножом нарезать можно. А вот человека подколооть, перерезать проволоку или, на худой конец, самому зарезаться — ни фиги... В общем, музозвонский балет, вторая фигура... И ничего более — ни оружия, ни документов, хоть шаром покати... Помянув «благодетеля» матерным словом, я покидал все «дары природы» в рюкзак, а нож засунул в правый карман штормовки — мало ли... И все же мысль о моем возможном местонахождении не давала мне покоя. Иногда во сне бывает такое странное состояние, когда чувствуешь, что находишься в до боли знакомом месте, но не можешь понять, где именно. Впрочем, приглядевшись, я заметил на полу под сводом россыпь стреляных гильз, уже позеленевших от времени. Я нагнулся, подобрал одну и разглядел поближе. По размеру и калибру она походила на гильзы от старой трехлинейки, но формой явно отличалась, да и сделана была не из меди, а из латуни. Подкинув ее, холодную и мокрую, на ладони, я зашвырнул гильзу подальше в воду. Звонкий шлепок резко отличался от шума воды, стекающей с небес. Черт знает, что это за город, куда я попал? Ведь ни на что не похоже... И уж точно не на «родные осины». В любой ближней «горячей точке» отечественного разлива разрушений такого масштаба быть не может, да и не строили при развитом социализме домов из красного кирпича под черепичными крышами... Нет, это, пожалуй, все-таки Европа... Господи, сил моих нет — опять вспоминается эта тягомотная хроника недавних лет: Вуковар, Сараево, Босния, Косово, Албания, белые транспортеры с буквами «UN» на броне, голубые каски и колоритные небритые ребята с автоматами... Нет,

на хрен все это! На Балканы я не хотел — там мне албанские янычары быстро отрежут чего-нибудь нужное, а ооновцы потом добавят... Правда, климат здешний мне средиземноморским не показался.

Тут на поверхности воды показались два самоплавающих предмета, медленно движущиеся по течению в мою сторону. При ближайшем рассмотрении они оказались обломками досок, покрытыми облупившейся краской. На одном из них отчетливо проступал характерный германский «рейхсадлер» с распростертыми крылышками и свастикой в лапках. Рискуя нырнуть в эту помойку, я ухватил деревяшку и прочел надпись, сделанную по трафарету аккуратными буквами: «DEUTSCHE WEHRMACHT 1941». Это было понятие без всякого перевода. Не веря своим глазам, я выловил вторую доску, перевернул и увидел: «ROYAL ARMY ARSENAL. LONDON 1939», — тоже ясно и тоже без перевода. Приехали... Вот тебе и Сербия-Черногория! Ну не могли в нынешних «горячих точках» сохраниться импортные боеприпасы полувековой давности. Совершенно легко и естественно, что неудивительно после чудовищного болевого шока, мне пришла в голову совсем уж дикая мысль: я где-то в Европе, но не современной, а в Западной Европе сороковых годов. Но что я знаю о том периоде, кроме кинохроник и фотографий в книжках? Лучше учиться надо было, пока давали... Вспомнились «Юнкерсы-87», переворачивающиеся в пикировании кверху брюхом, сыплющиеся из них пачками бомбы и марширующие под бодрую музыку колонны «дойче-зольдат» с закатанными рукавами. А потом сразу штурм Рейхстага с молодецким «ура-а-а!». Но цельной картины, как ни крути, не вырисовывалось.

Бог ты мой, какие идиотские мысли лезут в голову, а ведь сам факт, что я навсегда покинул родное «светлое сегодня», меня уже несколько не волновал... Что-то я чрезмерно огрубел душой после десятилетнего сидения в окопах. Видимо, надо было девушек любить и вино пить вместо этого... Вспомнив разговор с «благодетелем», я, памятуя о «15 возможных вариантах», здраво предположил, что это может быть и не «та самая» Вторая Мировая. Тогда даже интересно, кто сейчас кого бьет? Впрочем, все это чушь, мне бы лучше побыстрее во времени и пространстве определиться... Между тем я заметил, что дождь стихает. Вместо него в воздухе повисла пелена густого влажного тумана, сгущавшегося по мере прекращения ливня. Я вышел из своего укрытия и побрел дальше. Ручей под ногами все еще тек, но уже не столь бурно. Видимость была от силы метров пятьдесят, дальше за туманом не просматривалось ни черта. Тащиться между бесконечными валами надоело, и я, изрядно перепачкавшись и изматерившись, взобрался кое-как на гребень одного из них — правого.

Оглядевшись с вершины этой кирпично-щебеночной груды, я обомлел: за моей спиной, где в тумане можно было разглядеть массу руин и строительного мусора, по гребню второго вала тянулась провисшая между покосившихся столбов колючая проволока. А прямо напротив меня, с приколоченного к одному из столбов фанерного щита, довольно натуралистически нарисованный череп скалился над надписью «ACHTUNG! MINEN!» З проволокой имело место быть довольно обширное минное поле. Интересно, что получилось бы, полезь я влево, а не вправо? И с чего это вдруг немцы взялись минировать пустыри, у них разве в минах излишек?

Я сплюнул на кирпичи и осмотрелся — там, куда я собирался направиться, все вроде было чисто, если только такое определение подходит к подобной свалке. Обширная пустошь была сплошь засыпана разным битым хламом, несколько лет назад представлявшим собой дома. Кое-где над завалами возвышались обугленные коробки четырех-пятиэтажных домов

старинной архитектуры, виднелось небольшое грязное озеро — судя по всему, воронка от тяжелой авиабомбы. Кто тут кого бомбил — непонятно. Спустившись с внешней стороны вала, я побрел дальше, обходя особенно крупные груды мусора. Под ногами хлюпала жидкая грязь, порою чуть ли не затекая через край в мои сапоги. В одном месте из-под груды мусора проглядывал горелый танк английского вида — то ли «Валентайн», то ли «Матильда», определить точнее мешало полное отсутствие всех деталей, которые можно было отвинтить или отодрать с мясом. «Разутый» корпус не имел ни гусениц, ни других деталей ходовой части, башня наполовину разрезана автогеном, на ней нет ни маски с пушкой, ни командирской башенки. Мотор и задний лист брони тоже отсутствовали: кто-то, не имея возможности вытащить подбитый танк из развалин, явно попытался раскурочить его, «не отходя от кассы».

Между тем я добрался наконец до высоких закопченных стен. Смотреть и здесь было, в общем-то, не на что. Туман слегка рассеялся, и как-то неожиданно за развалинами показалась улица, имевшая вполне ухоженный вид: мостовая и тротуар очищены от обломков, местами торчат уличные фонари. По другую сторону улицы снова начинались развалины. Я выбрался было на тротуар, когда за углом послышался отчетливый шум мощного мотора и характерное клацание гусениц по булыжной мостовой, очень похожее на обычный бульдозер. На всякий случай пришлось нырнуть за ближайшую стену и затаиться — мало ли что... Лязг приближался, и оказалось, что это не бульдозер, а кое-что посерьезнее. Из-за угла вырвался на полном ходу типичный немецкий бронетранспортер с колесами впереди и гусеницами сзади, кажется, «Ганомаг-251», за ним второй такой же. Машины прошли от меня на таком расстоянии, что можно было свободно плюнуть в открытый сверху кузов, где болтались из стороны в сторону головы в германских армейских кепарях и затянутых в маскировочные чехлы касках. Установленные на турелях пулеметы с дырчатými кожухами торчали на передней машине направо, а на задней — налево. У автоматчиков с небритыми мордами, наряженных в камуфляжные куртки на грязно-белой подкладке, в руках оказались не только «Шмайсеры», но и «Штурмгеверы-44». А значит, на дворе явно не 1941 год. Между тем мимо меня проскочил желтый, в коричневых и зеленых разводах, борт заднего транспортера; пулеметчик-эсэсовец у кормовой турели курил, пуская дым через нос. Сидящий рядом с ним солдат приподнялся и швырнул наружу какой-то белый бесформенный предмет, бесшумно шлепнувшийся в лужу. Через пару минут броневики скрылись в конце улицы. Это явно был армейский патруль, обеспечивающий безопасность в завоеванном городе, но в каком? В предмете, выброшенном на дорогу, я между тем рассмотрел мятый газетный лист, и еще не осела бензиновая гарь, когда я уже доставал его из лужи. В газету была завернута горсть объедков, которые я вытряхнул, и присел на какой-то обломок стены, торопливо разглаживая на коленях мокрую бумагу.

Это оказалась самая нацистская газета «Фелькишер беобахтер» за 29 июля 1944 года. Вообще-то, я по-немецки разбираю еле-еле, но тут вдруг без всякого напряжения начал читать вполне бегло, причем внутренне газетный текст воспринимался почему-то как русский, а не немецкий. Между тем от прочтенных первых строк на меня нашел некоторый столбняк, и я быстро пробежал глазами остальное содержание. Итак, на лицевой стороне имела место большая статья «Фюрер на приеме в честь героев Рейха» с парой фотографий. На первой Адик Шикльгрубер, бодренький и здоровенький, прочувствованно жмет руку какому-то пацану в погонах. На втором фото — две шеренги мужиков в мундирах, кого там только не было: танкисты в черной форме, небритые подводники в белых фуражках,

пехотинцы, летчики, эсэсовцы в нарукавных повязках со свастиками. Собрались эти герои по случаю вручения им рыцарских и железных крестов, дубовых листьев, золотого оружия и прочих цацек. Читать весь список я не стал, но в числе награжденных были: летчики Мельдерс и Марсейле — за 480 и 385 сбитых самолетов противника соответственно, подводники Шлихтер и Клейберн, успешно обстрелявшие ракетами Фау-1 американскую морскую базу в Гуантанамо, какой-то Отто Вольф из танковой дивизии СС «Лейбштандарт», подбивший в одном бою два десятка тяжелых канадских танков, и еще куча народа. Отдельно отмечался генерал-полковник люфтваффе Адольф Галланд, получивший дубовые листья ко второму рыцарскому кресту и золотое оружие за успешные действия своего 5-го особого воздушного флота в районе Панамского канала. В честь героев был дан банкет и прием в Рыцарском зале нового здания Имперской канцелярии с присутствием всех нацистских шишек...

В следующей статье «Восточный вопрос становится большой проблемой» автор злорадно описывал быстро идущие к провалу переговоры в Праге между Союзом освобождения России в лице генералов Краснова и Шкуро с одной стороны и временной администрацией Западной Украины — с другой. Украинцы в лице И. Мельника требовали по-быстрому убрать с ряда украинских территорий (в частности, с Одессины) белогвардейские формирования, формально подчиненные Третьему Рейху, а лучше разоружить их под немецким контролем. А представители недобитых белых генералов ссылались на какой-то договор с Гитлером от 30.11.1941, разрешающий им контролировать ряд восточных территорий и развернуть казачьи формирования численностью не менее 40 тысяч штыков и сабель. Автора статьи при этом почему-то особенно возмущала «непомерная наглость» русских коллаборационистов во главе с Керенским в вопросах обретения «национального суверенитета», несоизмеримая с их вкладом в общую борьбу на фронтах.

На обратной стороне листа шла хроника о событиях на фронтах и в тылу. Итак, на касабланкском направлении части итальянской армии отошли на заранее подготовленные позиции; в районе Агади наступление 11-й и 9-й южноафриканских дивизий совместно со 101-й танковой дивизией США остановлено частями танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» и 1-й украинской добровольческой бригадой. Однако высадка в их тылу двух канадских парашютных бригад не позволила пока очистить город от проникших в него разрозненных подразделений противника. Авиация 6-го воздушного флота нанесла ряд ударов по целям в Сенегале и Камеруне. На рейде Дакара потоплено несколько крупных американских транспортных судов, переброска подкреплений противника в Сенегал ведется только тяжелыми транспортными амфибиями. В Юго-Западной Африке бронетанковые части Африканского корпуса и итальянских экспедиционных войск продолжают выравнивание линии фронта после ликвидации прорыва 1-й кавалерийской дивизии США, 8-й танковой дивизии Британского Содружества, 1-й канадской моторизованной дивизии и 3-й гвардейской новозеландской бригады в районе Игли-Бени-Аббес.

...В восточной Атлантике американские подводные лодки разгромили конвой итальянских ВМС, итальянцы потеряли два эсминца и до десяти транспортных судов. Новые злодеяния сербских террористов в Боснии и Македонии, большие жертвы среди мирного населения. Остатки 12-й воздушной армии США, базирующейся на территории Марокко и Алжира, нанесли варварские бомбовые удары по Катании, Марселю и Барселоне. В течение недели совершено около сотни диверсий на военных коммуникациях на территории протектората «Остланд», части полевой жандармерии и местная администрация принимают

меры для полного уничтожения бандитов. Японская императорская армия и флот продолжают вести ожесточенные бои на островах Ява, Суматра и на полуострове Арнемленд. На Индийском фронте ожесточенные воздушные бои привели к временной утрате японцами превосходства в воздухе. Прорыв крупного американского конвоя в Порт-Морсби командующий объединенным имперским флотом адмирал Кога объяснил большими потерями кораблей основных классов в Яванском море за последние два месяца. Начавшееся девятого июля наступление японо-маньчжурских войск остановлено у озера Сон, особенно большие потери понесли части Калькутского временного правительства. Тем не менее наступающим удалось прижать 6-ю британо-индийскую бригаду к восточному берегу Брахмани, где она будет в ближайшее время окончательно разгромлена. На театре военных действий в Южной Америке незначительные стычки разведывательных групп и патрулей. Самолеты с американских авианосцев бомбили Каракас, в ответ на это авиация 5-го особого воздушного флота нанесла ряд ударов по зоне Панамского канала и полуострову Юкатан.

Кроме хроники, был настоящий винегрет из самых разнообразных заметок — от душераздирающих воспоминаний перебежчика из числа бывших испанских республиканцев о его обучении в военном лагере на Аляске до похвалы штургардского гаулейтера ударному труду иностранных рабочих, занятых восстановлением городских кварталов, разрушенных при воздушных налетах. Дочитав весь этот бред до конца, я решил, что, пожалуй, пора искать дорогу в ближайшую психушку, которой тут явно нет. Если все это, конечно, не чья-то глупая шутка. Но тут мой взгляд упал на стену разрушенного дома напротив с чудом уцелевшим на ней почтовым ящиком. «Почтовое управление Плимута», — прочитал я отштампованные спереди английские буквы... И я как-то сразу осознал, что никакой это не сон и не помешательство, а самая что ни на есть реальность, мать ее так, и я на самом деле торчу одетый черт знает во что и без малейшего намека на документы посреди английского порта Плимут, а по улицам мимо меня разъезжают немецкие патрули на «бэтээрах»! Но если это сорок четвертый год, то почему не союзники высаживаются в Нормандии, а немцы в Южной Америке? И куда делся Восточный фронт — в газетке про Россию, в общем-то, ни слова?! А Индия и север Австралии у японцев?! Мать вашу разэдак... И чем же эта поганая прогулочка закончится, если так «весело» началась? Мне впервые за все время стало очень неудобно... Мысль о том, что давешний патруль может мною заинтересоваться, не показалась глупой. А это, судя по фильмам, неприятно: сначала «хенде хох!», а потом не успеешь оглянуться, как станешь сырьем для пеномоющих средств...

Поэтому я как попало скомкал газету, засунул ее в карман и быстро зашагал в глубь руин на другой стороне улицы. Мои шаги при этом сами собой ускорились, и вскоре я почти бежал, ощущая себя в некотором роде Штирлицем на временно (или постоянно?) оккупированной территории. Но что характерно: конец-то я им в случае чего покажу, а где пистолет взять? Вот проблема... Между тем я наконец-то заметил идущего мне навстречу человека — первый, можно сказать, брат по разуму. Скорость пришлось сбавить. Итак, я, кажется, забрел-таки в жилую часть города, который вроде бы был Плимутом... Здесь уже не было ощущения кладбища из старого фильма «Кин-дза-дза», как в разрушенных кварталах, но не пришлось бы вскоре кричать «ку-ку» здешним начальникам. Интересно, как все-таки тут обстоит дело с проверкой аусвайсов?

Развалины были расчищены, попадалось довольно много целых зданий, хотя с целыми окнами явно ощущалась напряженка. Бросилось в глаза убогое запустение жилищ. Кое-где жили в подвалах и цокольных этажах полуразрушенных домов, часто попадались деревянные

пристройки из разномастных досок. Из труб над крышами тянулись сизые дымки, и отовсюду тянуло кислым запахом грязного жилья и уличных сортиров. И меня не покидало чувство многочисленных взглядов, устремленных откуда-то на мой затылок. Отделаться от этого ощущения я не мог, хотя поражало отсутствие всякого движения, все вокруг словно вымерло, только в отдалении виднелся давешний пешеход, но теперь он уже колдыбал не навстречу мне, а в обратную сторону. Я прибавил шагу, решив догнать его и спросить о местных обычаях. Со спины он выглядел форменным огородным пугалом на пенсии: одет в немыслимые обноски, ноги обмотаны тряпьем, за плечами большой узел какого-то рванья. Затравленно оглянувшись на меня, он рванул за угол, я побежал за ним и догнал буквально через несколько шагов. Когда нас разделяло метра три (или десять футов по местному исчислению), он вновь резко обернулся. Я увидел страх в его красноватых глазах под низко надвинутой шляпой и нашивку с английским флагом и надписью «ENGLISCH» на груди драной хламиды, заменявшей ему пальто. Ничего не скажешь, довели завоеватели гордого бритта! Расспрашивать его мне как-то расхотелось, и, когда он вновь метнулся в ближайшую подворотню, я остался на месте.

Где-то вдалеке были слышны шумы большого города — гудели моторы автомобилей, что-то шумело и лязгало, но окружающие кварталы словно вымерли. Я шел по мертвой улице, на которой даже из растительности наличествовала одна плесень на стенах домов. В одном из подъездов хлопнула дверь, но все, что я успел увидеть, — это тень, метнувшуюся куда-то в переулок. И покойника. На мостовой лежал заросший бородой тощий старик в рваных нестиранных кальсонах и нижней рубашке, остальную одежду явно сперли еще до дождя. Интересная, получается, страна, эта Англия, каждый второй житель — покойник... Очень весело, прости меня господи... Из мрачных раздумий меня вывел шум мотора. Автоматически копируя местный стиль поведения, я метнулся в подворотню. В конце улицы показался вполне ухоженный грузовик английского образца — водитель сидел справа. Когда машина поравнялась со мной, я разглядел на двери кабины, поверх серо-зеленой армейской краски, бело-зелено-оранжевую эмблему и надпись «IRLANDISCHE RESPUBLIKANISCHE ARMEE»; сзади то же самое повторялось по-английски. Рядом с водителем в кабине сидел еще один человек, крытый брезентом кузов был вроде бы пуст. Грузовик затормозил рядом с трупом, и оба вылезли наружу, причем шофер все время цеплялся за кабину своим MP-18. Одеты они были в какую-то винегретную униформу: английские мундиры, немецкие камуфлированные куртки и все те же трехцветные нашивки на всех выступающих частях тела. Водитель оказался длинным нескладным юношей с торчащими во все стороны вихрами, его напарником был упитанный мужик с деревенской физиономией.

— Еще один дохляк, — поведал он миру очевидную истину. Говорил он вроде по-английски, но у меня в голове как бы зазвучал голос синхронного переводчика. Вот это здорово! По крайней мере, не придется изображать глухонемого... — Мне это надоело, как будто нельзя извести всех этих поганок разом... — заявил деревенщина. — Подбирай теперь эту падаль... Нахалы эти гитлеровцы...

И он смачно сплюнул прямо на труп.

— Немцы — наши союзники, — нравоучительно заявил водитель, подходя поближе и настороженно озираясь. — Считай, со всем миром воюют, да так, что любо-дорого посмотреть.

— Ага, воюют... — кисло согласился первый, — только что-то они последние полгода слишком планомерно линию фронта выравнивают... Америка — это тебе не хухры-мухры.

— Ну и что из того?

— Ну и ничего. А тут, между прочим, люди жили, парень. И не всех еще произвели. Сколько народу в гетто?

«Ни хрена себе, — удивился я, — так меня в гетто занесло?»

— От силы тысяч сто, — пожал плечами шофер. — Самые отпетые остались, которых Черчилль, тварь поганая, в эвакуацию не взял, в свою «треть населения, необходимую для успешной обороны». Да и немцы их потом ни в фольксдойче не записали, ни в иностранные подданные...

— Ты ведь вроде тоже из таких? — поинтересовался напарник.

— Ну-у-у, дедушка помог получить ирландский паспорт. А ты это к чему?

— К тому, что когда-нибудь со всех и за все спросится, и с нас тоже... Не здесь, так на небе. И зря ты с собой ствол таскаешь, тут всем очень хорошо известно — если нас хоть пальцем тронут, то весь квартал немцы из огнеметов сожгут.

— Так им все равно подышать, немцы с евреями вот-вот разберутся и примутся за эту англосаксонскую шваль. Ну ладно, берись...

Шофер кряхтя ухватил покойника за руку и потянул к машине. Второй в это время откинул брезентовый полог и опустил задний борт. Они молча подхватили мертвеца за руки и ноги, раскачали и забросили в кузов.

— Еще два квартала осталось, — вздохнул водитель. — Надо успеть к обеду вернуться, а то опять одни помои достанутся. Хуже нет, как с утра в наряд ездить.

И они полезли в кабину. Загудел мотор. Тут меня изнутри что-то как бы толкнуло, я бросил взгляд на этих вояк — оба смотрели вперед, и ни один не обернулся, когда я вцепился в задний борт и рывком перебросил себя в кузов. Последнее, что я увидел в гетто, было мелькнувшее в окне напротив бледное женское лицо — затем брезентовый полог сомкнулся.

Посреди кузова беспорядочной кучей лежало штук шесть покойников — утренний улов этих божедомов из союзной Гитлеру Ирландской республиканской армии. По бортам имелись откидные скамейки, на одной из которых я и расположился. Вообще-то сюрпризы вроде Ирландии, воюющей на стороне Германии, плохо укладывались в голове. На душе было тошно, и чувство это сильно подкреплялось состоянием трупов. Большинство из них было в грязном белье, но под самым низом проглядывала и чья-то голая задница. Грузовик долго петлял по узким проходам между развалинами, потом наконец остановился, послышались неразборчивые голоса и гогот. Я был спокоен — внутри присутствовала необъяснимая уверенность, что никакой ревизии содержимого кузова с разными ужасами, вроде контрольной стрельбы в затылки трупов, не предвидится. И действительно, кто-то снаружи явственно заявил: «Делать мне больше нечего, жмуриков ваших считать. Катитесь, пока капитана нет!» — и мы покатались... Через щель в брезентовом пологе я видел колючую проволоку, вышки с пулеметами, блиндажи и баррикады из мешков с песком, минное поле шириной метров с триста, опять забор из колючей проволоки — теперь уже под током, судя по изоляторам на столбах. Хрен бы я отсюда пешком выбрался, да дураку счастье.

Грузовик резво бежал вперед по жилой части города, пока не остановился у перекрестка. Я выглянул из кузова — вблизи ничего подозрительного, — выпрыгнул на тротуар и нырнул в проход между ближайшими домами. Весьма вовремя: почти сразу же за грузовиком остановилась открытая машина, набитая явными гестаповцами в серой форме с

молниями на петлицах, а через минуту им в хвост пристроились еще машины. Намечалась немалых размеров пробка. Ее причиной была пересекающая перекресток колонна приличных размеров, состоящая в основном из массивных бензовозов. Видя, что пробка все разрастается, я не рискнул выйти на улицу и направился по переулку в глубь квартала. Это была типичная английская застройка из двухэтажных частных домишек, лепившихся один к другому без промежутков, а узкий переулок тянулся вдоль их задних дворишков и служил, судя по всему, в основном для проезда сборщиков мусора. Из признаков жизни наличествовал лишь какой-то мордастый тип в нижней рубашке, лениво куривший в одном из окон второго этажа. Спотыкаясь среди набитых всякой дрянью баков и коробок, я миновал переулок и вышел на параллельную улицу.

Дома здесь производили неплохое впечатление, но люди привели меня чуть ли не в шок. В своей туристической экипировке я почувствовал себя полным идиотом: столько немцев в военных мундирах, вероятно, хватило бы для небольшого парада у Бранденбургских ворот. Правда, попадались в толпе и штатские, но исключительно в полувоенных спецовках с противогазами на боку. Обходиться без противогазов разрешалось, по всей видимости, только модным дамочкам, гулявшим под ручку с офицерами. Я сделал каменное лицо, надеясь, что оно придаст мне вид истинного арийца, или на худой конец британца, и пошел по тротуару направо. Гулять среди врагов, пусть даже и не совсем реальных, — ощущение весьма неприятное. Немцы вокруг, одни немцы. Немцы и еще раз немцы... Эсэсовские чины в черной коже, тыловые армейские офицеры в щегольских шинелях или защитных плащах, а фронтовые — в камуфлированных куртках на белой подкладке, попадались летчики в кожанках, моряки в синих и черных кителях, танкисты в коротких мундирчиках с розовыми кантами на воротниках, многие из них при оружии... Все это куда-то шло, двигалось, спешило по своим делам. По мостовой сновали (между прочим, движение было правосторонним) разнообразные автомобили, мотоциклы, амфибии и броневики. Рядовые истоиво козыряли встречным офицерам. На домах торчали мокрые германские флаги, такой же флаг я разглядел в витрине забегаловки на другой стороне улицы, именовавшейся «КАФЕ POTSDAM». У входа несколько подвыпивших солдат и матросов, судя по их виду, — фронтовики в отпуске, общались с накрашенными девками. Между тем особого внимания на меня никто не обращал. Видимо, окружающие принимали мою брезентовую штормовку и торчащие из-под нее синие штаны за новую форму какого-нибудь местного спецназа.

Я миновал заведение с вывеской «Berlin Hotel». У входа в него покуривала группа распаренных, слегка подвыпивших бородатых офицеров-подводников в расстегнутых кителях. Рядом с входом в отель стояло с десяток автомашин — попадались и классные черные «Хорьхи», и армейские зеленые «Опели» с камуфлированными «Кюбельвагенами»; в некоторых машинах дежурили шоферы. Обдав меня грязной водой из лужи, прямо у отеля затормозил длинный черный автомобиль — явный «Роллс-Ройс», но почему-то с мерседесовской звездой на радиаторе. С переднего сиденья резво соскочил прилизанный юнец в коричневом мундире и услужливо распахнул заднюю дверь. Наружу выбрался некий пузатый красномордый тип в кожаном пальто на красной подкладке, с нацистской повязкой на рукаве. Скрипя сапогами, тип зашагал к отелю. Прилизанный адъютант рванул вперед и мгновенно распахнул перед боссом входную дверь. Офицеры у крыльца побросали окурки и, щелкнув каблуками, выбросили руки вперед. Чин в ответ небрежно взмахнул рукой и вошел в здание. Следом за ним качок в мундире унтер-офицера (надо полагать, денщик) протащил два здоровенных чемодана, перетянутых ремнями.

По другой стороне улицы протопал строевым шагом патруль — два солдата и фельдфебель в пятнистых куртках и штанах, с автоматами, фонариками и бляхами полевой жандармерии на груди. Они тоже не обратили на меня никакого внимания, видимо, я все-таки вписывался в окружающий пейзаж... Улица вывела меня на площадь, посреди которой на небольшом газончике стоял бронзовый фюрер в натуральную величину. На площадь выходило облицованное черным гранитом крупное здание с издали заметной вывеской при входе.

«КОМЕНДАНТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОСТРОВНОГО ГЕНЕРА
ГУБЕРНАТОРСТВА КОМЕНДАТУРА № 1236».

Так вот, значит, как теперь именуются Британские острова... У здания стояла масса всякой самодвижущейся техники — среди мотоциклов и «Кюбельвагенов» выделялись легкий танк, два бронетранспортера и бронеевтомобиль с рамочной антенной мощной радиостанции. Кругом ходили, бегали и просто стояли военные. Я поспешил миновать площадь и свернул налево. «Гитлерштрассе», — прочитал я на первом доме. Удивительно бредово все-таки. Между тем по сторонам стали попадаться свежие руины и обширные воронки, наскоро засыпанные землей и битым кирпичом. В стороне за домами виднелись деревья парка, а под деревьями — камуфлированные пузатые резервуары какого-то склада ГСМ. Вокруг из бетонированных капониров торчало множество стволов зениток различных калибров и даже, к моему изумлению, серебристые сигары с растопыренными стабилизаторами — явные зенитные ракеты! Арийская научная мысль, как видно, не дремала...

Я устало добрал до перекрестка и получил очередной шок: по улице мимо меня катился немецкий открытый штабной вездеход серо-зеленого цвета. На правом крыле машины трепыхался красный флажок с серпом и молотом, а внутри сидела сюрреалистическая компания из двух советских летчиков в парадной форме довоенного образца. Голубые петлицы с «птичками», шпалы и кубари (один из летчиков — майор, второй — старший лейтенант), синие кителя и фуражки с крылышками и звездами. У майора на груди я рассмотрел орден Ленина и медаль «XX лет РККА», а у старлея — медаль «За отвагу»... В машину старшина (четыре треугольника на голубых петлицах) в синей пилотке и полевой зеленой гимнастерке... За вездеходом ехал грузовой «Опель» с кунгом вместо кузова, и у него за баранкой тоже сидел некто со звездой на пилотке... Если на дворе 1944-й, то где, черт возьми, погоны? Они же год как появились! Вот бред так бред! А если они воюют под красным флагом — то за кого? Это я вообще не понимаю, ведь нет же здесь Восточного фронта, нет — и все!

От тягостных мыслей меня оторвал разговор двух проходящих мимо немецких офицеров. «Синхронный переводчик» в голове опять заработал:

— Что это повадились и днем и ночью через город технику гонять?

— Говорят, готовятся к чему-то серьезному. По всему побережью облавы и боевая готовность.

— Выходит, десанта ждут?

— Ну, это как раз навряд ли...

И они прошли мимо, не обращая внимания, что в этих самых машинах через город катят явные русские. Выходит, это здесь банальное зрелище? Мимо проехал очередной мотоцикл с

коляской, в очередной раз окатив меня грязью. Как же мне все это надоело! И устал чертовски — столько уже километров отмахал.

В этот момент в воздухе послышалось отдаленное, как принято выражаться в подобных случаях, басовитое гудение, постепенно переходящее в свист. Я заскочил в подворотню и уставился вверх. И вновь испытал шок.

Высоко в сумрачном небе над городом летели два... птеродактиля — вот, наверное, правильное определение... Точнее, пара самолетов типа «летающее крыло». Нечто подобное изобретал в те самые времена нацистский новатор от авиации Липпиш. Только эти самолеты были огромными, в размахе явно больше Ту-16, и за каждым тянулось штук по восемь следов дыма от выхлопов. На крыльях снизу четко различались кресты и какие-то цветные полосы. Буквально через пару минут неизвестные мне реактивные чудовища растаяли на горизонте, а я все стоял и смотрел им вслед. Далеко у них тут зашла арийская наука, ох далеко... Интересно, куда же они, такие большие, летают? На Нью-Йорк? В этот момент в подворотню заскочил запыхавшийся молодой унтер-офицер вермахта в какой-то странной форме — китель с множеством карманов и свободные брюки из желто-зелено-коричневой камуфляжной ткани плюс пробковый шлем с таким же чехлом. На груди у него была странная металлическая эмблема — змеюка обвивает свастику, а на рукаве — красно-черная ленточка с золотыми буквами готическим шрифтом «AMASONIAN KORPS». Судя по новенькой пистолетной кобуре на поясе и отсутствию иного снаряжения, зольдатик был в отпуску или в увольнении. Немец, сдвинув пробковый шлем на затылок, некоторое время шумно отдыхивался (бежал он от кого-то, что ли?), потом вытер вспотевший лоб и спросил:

— Закурить не найдется?

Вот теперь я действительно влип: из всех немецких словосочетаний отчетливо вспоминались только «дружба — фройндшафт», «хенде хох» и «Гитлер капут». Если даже отвечать односложно — нету, мол, то как это правильно сказать: «найн» или «нихт»? И как прикажете вести светскую беседу дальше? Но «синхронный переводчик» в голове не подвел, и губы сами собой выдали какую-то немецкую фразу. Она, видимо, не вполне удовлетворила собеседника, но что тут сделаешь — нету у меня махорки, не снабдили... Сам я стоял, совершенно обалдевший от неожиданно открывшихся лингвистических способностей. Мой нездешний потерянный вид, похоже, не остался незамеченным, и унтер истолковал это по-своему:

— Что, цирк приехал? Или ты, парень, неделю в канаве ночевал? Или, может, ты от кого-то бежишь, а, нютцигер юде?

Хамила эта сволочь фашистская, ох хамила...

— Сам ты нютцигер юде, — ответил я с достоинством. — А я скорее руссише швайне...

Ощущение было совершенно диким: я мысленно произносил слова по-русски, а изо рта тем временем сыпалась иностранщина. Челюсти, губы и язык шевелились совершенно независимо от моей воли. Спасибо, что хоть смысл вроде бы оставался прежним. Но что же дальше-то будет? Немец после моих слов издал угрожающе-хрюкающий горловой звук, но больше ничего не успел сказать — у меня рука от длительных упражнений с танковым железом тяжелая, тут мне и нож не нужен... От резкого удара моего кулака в подбородок фриц шарахнулся шлемом о кирпичную стену, в шее у него что-то хрустнуло, и он мягко сполз к моим ногам. Продолжая действовать практически в автоматическом режиме, мое тело подхватило его под руки и поволокло в ближайший подъезд. Там контроль над движениями вернулся ко мне, и я ошалело склонился над лежащим. Он был жив, но в глухом

нокауте... Капут матка-сальо-курка-яйка... Дальнейшие действия представлялись очевидными: я начал стаскивать с него форму. В гражданке долго не проходишь, а сколько мне здесь еще торчать — одному Аллаху известно. К тому же меня перестало мутить, и в душе начал просыпаться азарт тайного агента, лезущего по канализационной трубе во вражеский штаб... Немец был один — значит, его не хватятся, по крайней мере, несколько часов, да и искать в городе, судя по всему, подвергаемом регулярным массивированным бомбежкам, будут без особого энтузиазма. Обобраз бедолагу до нитки, я напялил мундир поверх моего трико, затянул ремень на последнюю дырку. Свою штормовку и свитер я засунул в рюкзак. Затем проверил пистолет в кобуре и сразу почувствовал себя человеком. А точнее, человеком вооруженным, что звучит гордо само по себе. Хотя, конечно, ничего особенного, нормальный «парабеллум» Борхарта и Люггера, только и всего. Я такие раньше в руках не держал, но как заряжать и куда нажимать для стрельбы, я в конце концов сообразил, а большего пока и не требовалось. Натянув пропахший потом пробковый шлем и утвердив рюкзак за спиной, я окончательно почувствовал себя крутым воякой и приступил к рассмотрению документов, извлеченных из карманов у немца-перца-колбасы. Удостоверение личности отбросил сразу — раздетый немец ничем меня не напоминал и при проверке фокус бы не прошел. А вот вложенное в солдатскую книжку командировочное предписание было куда интереснее. Из него явствовало, что старший унтер-офицер Ганс Дитрих Халлер после тяжелого ранения на Африканском фронте и благополучного излечения следует в распоряжение штаба 12-й легкой пехотной дивизии особого корпуса «А» (он же, надо полагать, и есть «Амазонский корпус»). Маршрут движения: Варшава — Берлин — Дьеп — Лондон — Плимут — Джорджтаун (ни фига себе — это уже Южная Америка!). Предписание было без фотографии, и я сунул его в наружный карман, сойдет для патрулей...

Я прислушался. Было тихо, хотя в небе вроде бы гудели еще какие-то самолеты. Ганс Дитрих Халлер все еще пребывал в бессознательном состоянии. Поправив на плечах рюкзачные ремни, я вышел из подворотни на улицу. В городе начиналось какое-то лихорадочное движение, с зениток снимали чехлы, куда-то ехали пожарные и санитарные машины, пропуская их через перекресток, застыла колонна грузовиков с какими-то то ли понтонами, то ли катерами в кузовах. Я поднял голову и понял, в чем дело. В сером небе, на невообразимой высоте, оставляя белый инверсионный след, блеснул ослепительным серебром маленький крестик какого-то самолета. Судя по воцарившейся вокруг суете, самолет был вражеский... В стороне, возле черного автомобиля, курили двое в черных кожаных пальто и шляпах, при костюмах, галстуках и перчатках. Типичные агенты гестапо из кинобоевика. Сладкая парочка давала «ЦУ» патрулю — тройке парашютистов в характерных комбинезонах с обрезанными выше колен штанинами и касках без полей. До меня долетели обрывки разговора:

— ...Какой?

— Ну, странно одетый, грязный, в синих штанах...

— Таких не видели, герр унтерштурмфюрер.

— Нам доложили, что видели в этом районе.

— Никак нет, не попадался!

— При появлении немедленно задержать и доложить!

— Яволь, герр унтерштурмфюрер!

Парашютисты, как и полагается бывалым воякам, ни в грош не ставили бредни

штатских сыщиков, и те, весьма недовольные, побросали окурки и укатили. А ведь это про меня говорили! Выходит, обо мне уже знают?! Интересно, от кого? Опять проделки «666-го»? Похоже на то. Ведь, рассуждая логически, все дело в неизвестном агрегате у меня за спиной. Его явно надо куда-то отнести или кому-то передать. А вот кому именно? Стоп. Это явно знал тот тип в люфтваффовской форме, что еще недавно лежал позади меня в отключке, но его-то здесь и нет... Выходит, я вместо него? За себя и за того парня?! Так я это задание уже, считай, провалил — я же самого главного не знаю... И вопрос: обратно-то меня выдернут после такого «первого блина»? Кстати, патрульные меня давно уже замели бы, несмотря на все свое недоверие, если бы чуть дольше по улицам шлялся... Вовремя я масть сменил и оружие добыл. Патруль тем временем свернул за один угол, а я за другой. Мимо катили камуфлированные пятитонные «Бюссинги», крытые брезентом. Все прохожие явно направлялись к бомбоубежищам, находившимся почти в каждом подвале. При входе в них торчали какие-то полувоенные санинструкторы и пожилые солдаты. Предполагаемый мной большой авианалет, видимо, намечался-таки на ближайшее время. И точно, по улице прокатился фургон с матюгальником на крыше.

— Предупреждение о воздушном нападении, — орал голос из фургона. — Посты наблюдения доносят о приближении большой группы вражеской авиации с юго-запада. Над территорией островного генерал-губернаторства она появится в течение полутора часов. Всем рекомендуется укрыться в бомбоубежищах...

Для отсидки я выбрал себе большое здание с обширным подвалом, на котором, кроме таблички «Бомбоубежище», была еще и вывеска «SOLDATENKINO» и пониже мелким буквами: «Солдатский клуб с кинозалом». Я вошел внутрь. Документов здесь ни у кого не спрашивали. Спустившись по узкой лестнице, я попал в длинный коридор; обещанный кинозал находился в его конце, но туда еще никого не пускали. Не меньше сотни проходимцев в мундирах всех мыслимых фасонов подпирали стены и курили... Многие были в шинелях, с рюкзаками и оружием. Кроме коренных немцев, здесь находились и всяческие союзники, включая двоих итальянцев с петушиными хвостами на шляпах и бородатого сикха в тюрбане. Но мой взор приковали не они, а две группы, бросавшие друг на друга злобные взгляды от противоположных стен; одну из них составляли трое типичных, по моим представлениям, «братьев-славян»: в стандартных немецких «фельдграу», но с бело-синекрасными флагами и буквами «РНОА» на рукавах, в папах с малиновым верхом и кавалерийских сапогах со шпорами. Зато другие четыре человека красовались в совсем уж опереточной форме — серо-голубых жупанах с пилообразным золотым шитьем на воротниках и расшитыми обшлагами рукавов и в фуражках-«мазепинках» с желто-синими трезубцами. У одного из них, с вислыми усами «а-ля Тарас Бульба», на груди имелся даже какой-то многолучевой орден с тем же трезубцем... Картина маслом, блин... «Запорожцы пишат здравицу Гитлеру»...

Бункер строили, видимо, еще англичане, и кое-где из-под белил проглядывали полустертые английские слова. На одной из боковых дверей я увидел новую табличку «Читальный зал» и сразу же туда вошел. Читателей было немного: молодой фельдфебель люфтваффе с обгорелым лицом и трое рядовых. Они от нечего делать лениво перелистывали журналы с картинками. Помещение напоминало не столько библиотеку, сколько филиал пункта приема макулатуры. В углу сиротливо торчал книжный шкаф без стекол в дверцах, книг там было негусто: в основном «Майн кампф» партайгеноссе Адольфа и какие-то любовные романы в затертых обложках, с которых улыбались пухлозадые арийские

красотки. На многочисленных разномастных столах в беспорядке громоздились подшивки старых газет, большинство верхних листов было оторвано — вероятно, для использования в сортире. Стены были облеплены плакатами самого разного содержания. В центре, напротив входной двери, девушка в белом платье обнимала солдата на вокзале («Солдат! Победа не за горами — исполни свой долг перед Фатерляндом»), по сторонам от нее, как добрые дядюшки, помещались Гитлер с поднятыми куда-то вверх глазами («Подписывайтесь на военный заем») и Геббельс с разинутым ртом («Германия будет владеть миром!»). Тот же Геббельс был представлен еще на четырех или пяти плакатах с разнообразными цитатами, рядом с одним из них непочтительно красовался «Болтун — находка для шпиона». Оставшееся место заполняли правила оказания первой помощи и таблицы с силуэтами вражеских бомбардировщиков («Защитим наше небо»). Среди этих силуэтов я, к удивлению своему, обнаружил не только привычные «Ланкастер», «Стирлинг», В-29, В-17 и В-24, но и совершенно неуместные здесь В-32 «Доминейтер», В-36 «Писмейкер» и похожее на «Ланкастер» шестимоторное чудовище, именуемое «Монреаль»...

Я свалил со спины поклажу и взгромоздился на шаткий табурет за одним из столов. Большинство газет на столах оказались уже знакомыми мне «Фелькишер беобахтер», среди них попадались «Берлинер рундшау» и «Зольдатен цайтунг». Не обидели и союзников: несколько подшивок содержали французскую «Аксьен директ», итальянскую «Корьере ди Рома» и какую-то ободранную до неузнаваемости финскую газету. Впрочем, все это меня не очень интересовало, лихорадочно роясь в пыльных грудях, я надеялся отыскать что-нибудь на русском. И наконец нашел. Целую нетолстую пачку — «Правда» и «Страж Балтики», отдельные номера, за разные года. Первой лежала «Правда» от 17 июня 1942 года. Все как положено: над названием лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а на первой странице сверху редакционная статья «Стокгольмская конференция» и большое фото, невольно заставившее меня содрогнуться. Это была не «Большая тройка», а «Большая четверка» — в легких креслах на фоне какого-то особняка сидели и улыбались в камеру Муссолини, Гитлер, Сталин (в своем обычном полувоенном кителе без погон) и какой-то японец. Я не уверен, но, по-моему, это был их премьер Тодзио. За спинами «Четверки» стояли и довольно улыбались еще несколько персонажей, из которых я уверенно опознал Маннергейма, Франко, Хорти, Павелича и Молотова. Оказывается, в Стокгольме в тот день был подписан окончательный вариант сепаратного мирного договора СССР со странами «Оси» — Советский Союз отныне обретал статус «дружественно нейтральной» страны по отношению к гитлеровскому блоку. Был решен вопрос о «спорных территориях» — СССР оставлял немцам Прибалтику и территории, присоединенные в 1939-м, румынам — Молдавию и Одессу, финнам возвращал Карельский перешеек и все, что было захвачено в «Зимнюю войну». Японцам при этом доставалась Монголия, а СССР получал Иран, причём целиком... Плюс был подписан целый пакет документов, касающихся различных аспектов дальнейшего сотрудничества. Так, СССР обязывался снабжать Германию сырьем и всем необходимым для боевых действий, а немцы, в свою очередь, были готовы оказывать СССР содействие в восстановлении и модернизации промышленности, разрушенной в ходе «советско-германского инцидента 1941 года», и в военной области... От всего этого шла кругом голова. Я просмотрел остальные номера, и мозаика начала складываться. Черт возьми, так не бывает! Каким-то образом уже после нападения Германии на СССР Сталин и Гитлер вдруг ПРОСЕКЛИ возможные дальнейшие последствия. Было неясно, кто сделал первый шаг, но в конце сентября 1941-го в Кремль через болгарского посла Стайменова был

передан некий документ. 7 октября через фронт отправился неизвестный «специальный представитель тов. Сталина». 9 октября было достигнуто соглашение о прекращении огня на всем протяжении советско-германского фронта, а 11 октября в Москву прилетела немецкая делегация во главе с Риббентропом, через сутки подписавшая двухстороннее соглашение о перемирии и разводе войск... Но был и нюанс. Все иностранные посольства к моменту подписания перемирия были эвакуированы из Москвы в Пермь (а точнее, тогда — Молотов), там же находилась и часть советского правительства во главе с Калининным. И англичане, для которых перемирие на Восточном фронте было смерти подобно, каким-то образом (каким именно — из газет было непонятно) сумели склонить часть военной и политической верхушки, из числа тех, кто находился в Перми, к фактически мятежу. Им и американцам любой ценой надо было удержать СССР на своей стороне, поэтому они обещали золотые горы и военную помощь, вплоть до ввода войск. Ключули на эти посылы Маленков, Хрущев, Шкирятов, Жуков (почему-то оказавшийся в этот момент в Перми) и еще ряд «товарищей». «Старая гвардия» с Калининным во главе мятеж не поддержала. Дальше придурак Хрущев, явно под диктовку англичан, накатал доклад «О культе личности Сталина» (ровно на 14 лет раньше срока!) и попытался сей документ довести до сведения масс через печать и радио... Только ничего не вышло — пермским заговорщикам никто не поверил, выхода на всесоюзные средства массовой информации у них не было, верных боеспособных войск тоже. А НКВД подчинялся Сталину. Тем более Иосиф Виссарионович уже 14 октября опубликовал в «Правде» и прочитал по радио обширный документ, где простыми словами разъяснил советскому народу пользу перемирия с Германией и обвинил англичан и американцев во всех смертных грехах, припомнив все их «художества» времен Гражданской войны и интервенции... В общем, 16 октября заговорщики пытались бежать из Перми, но долетели только до Новосибирска, где их и повязали. Бывший душой заговора посланник Рузвельта Гарри Гопкинс тоже пытался бежать. Но его самолет сбили в 86 километрах юго-восточнее Архангельска, все, кто был на борту, погибли... А персонал британского посольства в Перми разъяренная толпа пыталась линчевать, здание посольства сгорело — с большим трудом прибывшие разбираться с заговорщиками Берия и Абакумов сумели утихомирить «стихийный гнев народных масс»... Американцы стали грозить военными мерами, но... 7 декабря 1941 года японцы атаковали Перл-Харбор (четыре волны их палубных самолетов уничтожили не только линкоры и авиацию, но также два авианосца, доки и склады ГСМ), а через пару дней последовали Филиппины, Малайзия и Сингапур. И всем стало не до России... Ну а заговорщиков судили, долго и показательно, а в феврале 1942-го подвели-таки под шлепку. На судебном процессе они, как водится, вывернулись наизнанку, признав себя «последышами заговоров Якира-Тухачевского и Штерна-Смушкевича». Понятно, что организаторами всех этих заговоров были «проклятые британские империалисты»... По поводу этого заговора и сопутствующего судебного процесса мне попала на глаза, в частности, большая статья заместителя начальника Главного Политуправления РККА армейского комиссара Первухина с красноречивым названием «Кровавые преступления наймитов всемирного капитала». В ней заговорщики именовались не иначе как «грязные наймиты мирового империализма и сионизма», «подлые предатели русского народа», а также «преступная клика Маленкова — Жукова — Хрущева и примкнувшего к ним Шкирятова», чьи преступления «щедро оплачены их англо-американскими хозяевами», и «безмерно обнаглевшие клеветы международного сионизма, собиравшиеся убить товарища И. В. Сталина и других руководителей партии и

правительства)... Заканчивалась статья словами: «До чего же докатились эти подлые мерзавцы, не помнящие родства, продающие и предающие свою страну за грязное золото, выкачанное американскими и английскими трестами из мирового пролетариата! Но пусть не думают пособники интервентов, пытающихся взять реванш за сокрушительное поражение, нанесенное им советским народом и Красной Армией в годы Гражданской войны, что их злодеяния останутся безнаказанными! Могучее советское правосудие нанесет последний сокрушительный удар по наймитам империализма и сионизма, загнав последний осиновый кол в зловонную могилу всех угнетателей мирового пролетариата и их приспешников! Кровь за кровь, смерть за смерть!».

Попался на глаза номер «Правды» за 1 мая 1942 года. В Москве прошел обычный для этого дня военный парад и демонстрация. По Красной площади шли Т-34 и КВ, а на трибунах, помимо прочих, присутствовала немецкая правительственная делегация с А. Шпеером во главе... А в это время Роммель уже полгода как взял Каир и Александрию и занимал Сирию, был захвачен Гибралтар, шли последние бои на Британских островах (в аккурат 27 апреля 1942 года английская королевская чета отбыла в Канаду...), японцы были в Рангуне, на Алеутах и в Анкоридже...

В это время в коридоре затренькал звонок и заорали на разных языках: «Кино! Фильма! Чинема!» Остальные читатели заторопились к выходу из комнаты. Я засунул пару номеров газет в рюкзак и устремился за ними. Как говорится, лучше один раз увидеть... Обещанный кинозал «зольдатенкино» оказался облезлым и прокуренным, вместо сидений — грубо сколоченные лавки. Устроившись в углу между какими-то подводниками, я спросил:

— А какое кино?

— А хрен его знает, — отвечивший сидевший справа матрос в синем кителе. — Все равно наверх не сунешься...

Сверху действительно начал доноситься приглушенный грохот зенитной пальбы, иногда даже голые лампочки под потолком начинали качаться и мигать. Наконец звонок звякнул в последний раз, свет погас окончательно, и на экране запрыгал «волшебный луч». Под бодренький марш из ничего возник имперский геральдический орел со свастикой в лапах и сиянием вокруг клювастой головы и киножурнал «Ди Дойче Вохеншау», выпуск одна тысяча... надцатый. Черно-белая хроника — какое-то очередное нацистское сборище. Да это же съезд национал-социалистической партии, 10 июля 1944 года, очередное радостное событие для всего рейха... С галерки свешиваются флаги со свастиками, пацаны в галифе и коричневых рубашках лупят в барабаны, над трибуной лозунг «Победа и фюрер!», на трибуне Геббельс... «Конец войны близок, как никогда... Мы вооружены могучей техникой... Закрепившись на завоеванных позициях, нанести последний самый сокрушительный удар...» Зал в ответ скандирует: «Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!» Затем совершенно непередаваемый вопль восторга: на трибуне появляется сам фюрер. При своем любимом коричневом пиджаке с двумя рядами пуговиц и повязкой на рукаве. С отработанным до автоматизма умеренной истеричностью он принимается вешать лапшу на уши обалдевшим от счастья партайгеноссам. Обычный, до боли знакомый набор лозунгов... Сплошные бурные аплодисменты, переходящие в овацию...

Дальше репортажи из тыла. Старики расчищают развалины, женщины на заводе ведут сборку и обкатку штурмовых орудий. Зенитчицы на позиции где-то в горах Шварцвальда, упитанные бюргеры поят их молоком прямо у здоровенных (калибр 105-мм, не меньше) орудий. Призыв к германским юношам и девушкам вступать добровольцами в вермахт и СС,

здесь же — довольные рекруты, примеряющие каски на лопоухие головы, и вот они уже катят в бой на танках, взлетают в небо на «Мессершмиттах» и «Фокке-Вульфах» — в общем, стандартная реклама типа «новое поколение выбирает»... Подготовка резервистов: полудохлые пожилые очкарики палят из фаустпатронов по макетам танков, восторга не меньше, чем в малолетних добровольцах; при них офицеры-инструкторы — один без руки, второй одноглазый.

Наконец хроника с полем сражений. Африканский фронт — группа «Королевских тигров» накатывается на какую-то бедуинскую деревню. Вокруг фонтаны разрывов. Новый кадр — реактивные установки на шасси полугусеничных бронетранспортеров лупят изо всех своих десяти стволов куда-то в небо, затем разрывы, тучи дыма и летящие во все стороны ошметки грязи. Потом стреляющие гаубицы и перебегающие по полю боя пехотинцы: «Еще одна контратака — и еще одна деревня отбита у коварного врага». Бронетранспортеры и «Королевские тигры» продираются сквозь какие-то дымящиеся развалины и глинобитные стены, из-за которых виднеется закопченный, дырявый «Шерман» со свороченной набор башней, второй «Шерман», четвертый, восьмой... На экране юг Судана — танки катят длинной колонной по саванне, утыканной местами какими-то баобабами, над ними четким строем пролетают эскадрильи двухмоторных штурмовиков «Хеншель-129»: «Войска фельдмаршала Роммеля остановили продвижение противника». Показывают самого Роммеля с биноклем среди группы штабных офицеров, на заднем плане командирский четырехосный броневик с радиоантеннами. Опять взрывы и облака дыма...

Фронт в Марокко, «пантеры» ползут по узкой улочке мимо огромной мечети с минаретами, взрывы... Взлетают по тревоге пятнистые реактивные Me-262 с подвешенными бомбами, полет над пустыней на малой высоте, взрывы, горящие грузовики с белыми звездами на капотах... Окрестности Ла-Пальма, Панама. Некто генерал Бейкманн (в тропической форме и с рыцарским крестом на шее) радостно жмет руку какому-то усатому не то петлюровцу, не то бандеровцу — в огромной, как у молдавского «мальчика с пальчик» по имени Гугуцэ, папаше с трезубцем, размером с тульский пряник, и эсэсовском кителе класса б/у. «В боях на панамской земле отличное взаимодействие союзных армий оборачивается убийственными потерями для врага»... Бомбежка какого-то порта: здоровенные He-177 роняют из-под фюзеляжей управляемые бомбы, горящие суда, взрывы и столбы воды...

Карибское море — всплывает чудовищных размеров подводная лодка, из ангара на ее палубе вытаскивают ракету (что-то среднее между Фау-1 и Фау-2) и запускают. Южнее Каракаса — перестрелка в джунглях: солдаты в пятнистых мундирах и шортах перебегают, пригнувшись, от одного пня к другому; легкий танк Т-II «Лухс» поливает заросли из пулеметов... Из громадной шестимоторной летающей лодки «Викинг» высаживается пополнение, рядом на причале — носилки с ранеными, ожидающими погрузки. «Вермахт добился очередного успеха в Амазонии, наши солдаты доказали, что могут побеждать в любой точке земного шара».

И что характерно — почти никакой конкретной информации, привязанной к изображениям, одна высокопарная трескотня, как в информационных программах родного советского телевидения. Собравшиеся в зале внимали пропагандистской накачке с прохладцей: немцам она, видимо, и так всю плешь проела, а иностранные союзнички, скорее всего, ни шиша не понимали, «синхронных переводчиков» в их головах явно не было. Вояки курили, ржали над анекдотами; хохлы с трезубцами на фуражках, устроившись в углу,

вроде бы грызли семечки...

Но вот наконец винегрет из взрывов и маршей кончился, экран на несколько секунд погас, и в будке киномеханика затарахтел другой аппарат. Народ в зале оживился после первых же аккордов музыки, видимо, хорошо всем знакомой. Это оказалась цветная музыкальная лента «Девушка моей мечты» с арийской секс-бомбой Марикой Рокк в главной роли. Я расслабился, вытянул ноги подальше вперед и приготовился смотреть любимый фильм фюрера...

Но не тут-то было. Лента была старая и заезженная до дыр. Многих фрагментов явно не хватало, к тому же каждые две-три минуты пленка рвалась и «кинщик» принимался ее склеивать, оставляя зал в полной темноте. Зрители, как полагается, свистели и топали ногами. В разгар фильма произошел очередной обрыв ленты. В наступившей тьме из середины зала донесся какой-то грохот, звон бьющегося стекла и родной русский мат — как раз там сидели давешние хмыри белогвардейского облика в папахах. Кто-то вскочил и начал, судя по звукам, проталкиваться к проходу прямо по ногам всего ряда зрителей, теперь уже ругань раздавалась на многих языках. Экран вновь засветился, и Марика как раз начала свою легендарную чечетку, но все повскакали с мест и старались разглядеть, что происходит в зале. В полумгле было видно, как двое хватают друг друга за грудки и размахивают кулаками, а несколько человек их вроде бы растаскивают. Кого-то с размаху шваркнули на пол, и он покотился под скамейку, лязгая всеми навьюченными на него железками.

В зале вспыхнули сразу все лампы. Динамики хрипло взвизгнули, и музыка прекратилась, фильм остановился. Из распахнувшихся дверей в зал ввалилась группа «электриков» с молниями на петлицах. Гестаповцы размахивали вынутыми из кобур «парабеллумами», а их мордастый начальник заорал во всю мощь легких:

— Прекратить скандал! Всем оставаться на местах и приготовить документы! Служба безопасности ведет поиски вражеского агента! Кто зачинщик драки?

Танкист с подбитым глазом, злобно оскалась, ткнул пальцем в сторону хохлов:

— Эти в темноте кинули бутылку в русского казака, а попали в меня...

Гестаповец закатил глаза:

— Опять то же самое... Дежурный! Разве не знаете приказа: солдат Краснова и Мельника вместе никуда не пускать!

— Так ведь тревога, — начал оправдываться пожилой унтер с повязкой на рукаве, — куда я их дену. Кто же знал, что эти русские свиньи сцепятся...

— Мы никс москалы, — пробасил, вытирая кровь с разбитой рожи, один из земляков Кобзаря, Мазепы и Петлюры. А «русские казаки», видимо, успели понахвататься немецкого языка и теперь чуть ли не хором заорали:

— Сам ты свинья, гад немецкий! — но по-серьезному нарываться не стали.

Гестаповцы быстро прижали их к стене и начали ловко обыскивать. Я понял, что рано или поздно проверка дойдет и до меня. Мой «переводчик» (или кто он там?), кажется, оценил обстановку аналогично: правая рука без всякого моего усилия медленно и незаметно для окружающих поползла к кобуре. Тут уж я решил воспротивиться непрошеному вмешательству: можно, конечно, пальнуть по лампочкам, ну а дальше что? В коридоре-то свет в норме, а дверь у них наверняка будет под прицелом. Не вариант... Усилием воли я пытался отдать моей родной руке приказ не шевелиться, но получалось не очень... Рука все ближе подползала к оружию. Но тут мой взгляд упал на скатанный в рулон пожарный шланг в висевшем неподалеку плоском застекленном ящике. Конец шланга был прикручен к трубе

пожарного водопровода со здоровенным вентилям на конце. Как-то вдруг в голове родился план действий, и внешнее давление на руку сразу ослабло; видимо, мне доверялось спастись по собственному разумению.

Убедившись, что все окружающие с интересом пялятся на процедуру обыска, я осторожно сделал пару шагов к стене, небрежно положил руку на вентиль, а затем резким движением открутил его до упора. К счастью, вентиль вращался совершенно свободно: немецкая аккуратность в действии. Внутри трубы что-то задавлено пискнуло, булькнуло, и шланг рванулся со своего места со скоростью лопнувшей часовой пружины. Увесистый брезентовый рулон, разматываясь на ходу, долетел до противоположной стены, врезался в какого-то бедолагу и превратился в некое подобие серо-зеленого удава, которому прищемили хвост. Он метался по залу, молотя всех встречных ярко-красным наконечником, из которого во все стороны хлестала мощная струя холодной воды.

Даже я, ожидавший чего-то в этом роде, был поражен дикой энергией взбесившейся пожарной кишки, а для остальных присутствующих происходящее оказалось полным кошмаром. На несколько секунд все застыли в оцепенении, но, когда лампы под потолком начали по-гранатному лопаться от холодных брызг, потрепанные нервы фронтовиков не выдержали. Видимо, кто-то по привычке держал палец на спуске оружия и теперь инстинктивно принялся палить по неожиданной цели. Через несколько секунд к нему присоединились другие.

— Хальт! Нихт шис... — заорал гестаповец у двери и согнулся вдвое от попавшей в него трассирующей очереди.

К этому времени все лампы в зале уже перебили и темноту освещали только вспышки выстрелов. Хорошо хоть, что палили во все стороны без разбору, а не в меня персонально. От криков и грохота стрельбы у меня заложило уши. Я плюхнулся на брюхо в скопившуюся на полу воду и пополз к запасному выходу. Не вставая, выстрелил два раза по задвижке на двери, которая сразу приоткрылась, и выполз на лестничную площадку. В свете тусклых ламп, вымазанных наполовину облупившейся синей краской, я заметил за дверью небольшую нишу, втиснулся в нее и заорал:

— Камрады! Все сюда! Здесь выход!

Через несколько секунд раздался топот, и камрады со стонами и руганью повалили наверх. Пропустив перед собой человек десять-пятнадцать, я двинулся за ними. Наверху нас уже ждали: сотни две эсэсовцев пополам с полевой жандармерией, несколько броневиков и куча мотоциклов с пулеметами. Хорош бы я был, сунувшись на прорыв в одиночку! Но теперь все внимание встречающих было отвлечено появившимися до меня любителями кино. Обстановка прояснилась, инцидент признан случайным, раненых уже начали бинтовать... И все это на фоне расцвеченного разрывами неба, где значительно выше зенитного огня плыли силуэты длиннокрылых, кажется, даже шестимоторных, самолетов. Их было всего три. Что-то маловато для массивованного налета... И тут из-под фюзеляжа одного из них отделился массивный продолговатый предмет. Через несколько секунд над продолговатой болванкой расцвел купол парашюта... Видя, как самолет после сброса закладывает резкий, почти «истребительский» вираж и, форсируя моторы, уходит, набирая высоту, я задохнулся от ужасной догадки... Один самолет — одна бомба — один город... Это было, только не здесь и не сейчас. На другом конце «шарика» и через год... Или оно еще будет? Почувствовав нарастающий зуд в пятках, я рванул изо всех сил за угол, и в этот момент за спиной что-то со страшной силой взорвалось. Описать это невозможно, кому

интересно — смотрите хронику, снятую в Неваде или в Семипалатинске... Главное, что это быстро... Ударная волна сбила меня с ног, куда-то покатила, я ударился плечом с такой силой, что в глазах потемнело...

...А потом я понял, что опять куда-то падаю, на сей раз спиной вперед. Видимо, на этом мой «дебют» был завершен. Все горшки были разбиты, и я опять мог падать куда угодно... Но одновременно я вдруг начал понимать, что к чему и зачем все это... Снова перед глазами пошла хроника, но на сей раз это было что-то вроде отчета или «информации к размышлению».

Плимут был запасной целью. Основной была база новейших бомбардировщиков люфтваффе «Арадо Е-556» (это их я видел в полете над городом) в 82 километрах от него. «Арадо» очень беспокоили американцев с тех пор, как эскадра KG.200 в начале 1944-го начала провокационные разведполеты над побережьем США, используя аэродром подскока на Азорских островах. Американские истребители не могли достать этих реактивных монстров, а бомбежки В-29 с аэродромов в Марокко и Алжире не могли дать должного эффекта, тем более что основная база эскадры была хорошо замаскирована и частично укрыта под землей (ее строили около 40 тысяч евреев и английских военнопленных, которых по окончании работ ликвидировали). Вся надежда американцев была на новейший межконтинентальный бомбардировщик В-36 и атомную бомбу. Правда, бомба была всего одна, первое атомное взрывное устройство янки опробовали в Аламогордо в декабре 1943-го и большего количества зарядов изготовить еще просто не успели. Но соблазн был велик — разведка доносила, что на авиабазе реактивных «Арадо» складированы огромные запасы новейших отравляющих веществ группы Z, причем практически вне укрытий. Их подрыв мог разом покончить чуть ли не со всеми немецкими войсками на территории Англии, а о гражданских в Вашингтоне как-то не думали. К тому же на американскую разведку очень кстати вышел некий «представитель Сопротивления», который гарантировал, что для более точного наведения «специальной бомбы» на цель он в условленный момент доставит на место и включит портативный радиомаяк. И все шло хорошо, до последнего момента, когда маяк так и не включился. Пришлось атаковать запасную цель, а дальше началось самое интересное...

ЦИТАТА ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ № 1

«...Применение американской стороной ядерной бомбы (эквивалент — 20 тыс. тонн тринитротолуола) 9 августа 1944 года по району Плимута было бесприцельным и не достигло ни одной из поставленных целей. Город был разрушен почти полностью, в атомном пламени сгорели десятки тысяч людей, в том числе крупнейшее в Англии гетто, еще больше было ранено и подвергнуто радиоактивному облучению. При этом не пострадал ни один крупный военный объект гитлеровской Германии, а ее армия не понесла никаких весомых потерь. Президент Рузвельт направил генералу Спаатсу телеграмму, где требовал продолжения атомных бомбардировок оккупированных Германией территорий по мере готовности ядерного оружия. Однако готовых ядерных устройств не имелось в наличии. Кроме того, американская военщина не была поставлена в известность о возможности ответных мер противника. Несомненно, правящие круги гитлеровской Германии не могли не

принимать во внимание наличие у противника данного мощнейшего оружия и должно было учитывать этот факт в своих дальнейших действиях. Но в итоге предпринятый 15 августа 1944 года ответный ракетный удар гитлеровской Германии по территории США стал полной неожиданностью для правительства Соединенных Штатов и стал главной причиной, по которой США были вынуждены заключить перемирие на германских условиях, а затем и капитулировать. Два германских ядерных заряда (крылатые ракеты V-4, запущенные с подводных лодок), примененные 15 августа, минуя полигонные испытания, имели суммарную мощность около 26 тыс. тонн тринитротолуола. В результате германской атомной бомбардировки были полностью разрушены Нью-Йорк и Портленд, погибли около 200 тыс. человек, пострадали более 750 тыс. мирных жителей. Применение атомной бомбы США и ответное применение двух атомных бомб гитлеровской Германией преследовало скорее политические, а не военные цели. Демонстрацией нового оружия огромной разрушительной силы правящие круги США намеревались укрепить свои военные и политические позиции, запугав противника. Но ответный удар гитлеровской Германии показал воротилам Уоллстрит эфемерность их намерений — установить свое господство в мире, опираясь на монопольное применение нового страшного оружия. Политические и военные круги США наконец поняли, что война проиграна. Свертывание военной и экономической помощи американским марионеткам по всему миру предопределило дальнейший военный и политический крах США... Крах американской плутократии и окончание войны в Евразии поставили перед Коммунистической партией СССР ряд новых больших и сложных задач. Необходимо было, опираясь на союзный договор с гитлеровской Германией 1941 года и преимущества социалистического способа производства, восстановить и развивать далее основные отрасли народного хозяйства и воссоздать военную мощь СССР, не пренебрегая экономической и технической помощью извне. Уже в 1945 году стало ясно, что союз с Германией, вынужденно заключенный в 1941 году, — явление временное, и уже очень скоро последует новое столкновение двух геополитических систем. Как сказал И. В. Сталин на январском 1946 года пленуме ЦК ВКП(б), „необходимо держать порох сухим, поскольку любые военные и политические союзы недолговечны, как показывает опыт...“».

*ИСТОРИЯ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1952–1959. Том Первый
Введение. Стр. 6–8. Москва. Ордена Трудового Красного Знамени
Военное Издательство Министерства обороны СССР. Москва — 1989 г.*

Это что — учения?! Нет, старичок, это война!

Из телепередачи

За того парня. Как создают нездоровые сенсации. 16 ноября 1941 года. Волоколамское шоссе. Несколько километров западнее железнодорожного разъезда Дубосеково. Неприятное зимнее утро. Рассвет.

На сей раз мне не было так больно. Поэтому, когда я очнулся, головная боль была вполне терпимой. Может быть, я к ней уже привык? Правда, тошнило сильно. Но блевать было нечем — пустыня была, что во рту, что в желудке... И зрение долго не фокусировалось, отчего я долго смотрел как сквозь туман. Потом «картинка» восстановилась, и мне осталось только удивиться. В очередной раз...

Вокруг была зима. После плимутской теплой сырости меня подобная смена декораций оскорбила до глубины души. Собственно, кому и зачем была вообще нужна эта псевдоанглийская эскапада, а? Мне-то точно не нужна — только разлад в мозгах после нее, и все... Я протер слезящиеся глаза и огляделся. Вокруг обнаружился пошловато-знакомый пейзаж — кривые деревья с преобладанием берез и прочих возбуждающих начинающих поэтов лиственных пород. Плюс к этому — снег по колено, в котором я сидел, кусты, пригорки и торчащий из снега прошлогодний бурьян с чертополохом. В общем, типичный реденький лес или лесопосадка средней полосы милой сердцу родины. Вот только раздававшаяся со всех сторон канонада подсказывала, что мне среди этих березок предстоит что угодно, только не влюбляться. Опять явные задворки... Оно, конечно, прогулки по задворкам и темным углам подразумевают наличие неких тайн и возможных открытий, но... Если сказать попроще, на неведомых дорожках новейшего времени могут запросто накидать звиздюлей, как не фиг делать... Это-то меня и не радовало. Сумрак вокруг постепенно светлел, из чего я сделал вывод, что на дворе раннее-раннее зимнее-зимнее утро. Хоть что-то разъяснилось... Здесь я глянул на себя и чуть не упал в обморок. Оказалось, что провал в моей памяти был значительно мощнее, чем можно было предположить. Представьте себе — очнулись вы в некоем месте и вдруг понимаете, что на вас совершенно новая, незнакомая одежда и обувь. Это кто же меня передел столь быстро и качественно, вплоть до белья?! Так-так... На мне обнаружился хорошо подогнанный по росту грязно-белый армейский полушубок старинного образца, на ногах — сапоги и полушерстяные галифе защитного цвета. Я стянул с себя головной убор — обычная армейская ушанка с тускло-красной звездочкой, образца последней мировой войны. Весело... Здесь мой взгляд упал на кисть правой руки, и я обомлел — шрама от химического ожога ипритом (как-то прохудилась перчатка от ЗК, мелочь, а больно) как не бывало. Более того, потерянный в рукопашке третий слева зуб верхней челюсти обнаружился на своем прежнем месте... Ну ни фига себе! Я ощупал себя. На поясе обнаружился ремень с пистолетной кобурой, на шее — серый, казенной вязки шарф, а за плечами тощий вещмешок типа «сидор». Я сдернул шарф и скосил взгляд за ворот полушубка. Там обнаружались черные петлицы с тремя малиновыми

треугольниками и эмблемой в виде стилизованного танка БТ. Как говорится, поздравим себя... Опять старший сержант и опять танкист. А петлицы цветные, довоенные. Выходит, это не сорок третий год, а гораздо раньше. Если это, конечно, та самая война — слова о множественности возможных вариантов прочно засели в мою дурную голову... Итак, осталось понять — где я, за каким я и какая сволочь это опять учинила? Ответить на это могло продолжение личного самодосмотра. И что мы имеем с гуся? В вещмешке обнаружился «малый набор заключенного», включавший пару белья, запасные носки, жратву в виде двух банок тушенки, сухарей и пачки пшеничного концентрата, пачку патронов к пистолету ТТ (50 штук), бритвенные и письменные принадлежности. Я осмотрел себя в маленькое бритвенное зеркальце. Физиономия оказалась вполне моя, даже бритая, только глаза красные, словно не спал пару ночей. Меня заинтересовало — почему вместо запасных портянок в мешке оказались носки? Присев на снег, стянул один сапог — и там носки вместо портянок... И сапоги какие-то странные, никогда таких не видел. Вроде тонкие и легкие (хром? шевро?), и в то же время ногам в них тепло, как в валенках. Стоп. Я же раньше никогда не носил сапог и прочих кителей-гимнастеров! По призыву в ряды нас сразу обрядили в защитные «афганки» (так эту форму называли, например, в ГСВГ, а в Афгане ее отчего-то именовали «варшавкой», а еще «мобутой») и ботинки с высокими берцами. А потом мы и вовсе ходили кто в чем, наполовину в гражданском — «самооборона», что с нас взять... Выходит, что те, кто меня экипировал, на этот раз знали мою биографию? И даже детали, вроде отсутствия навыков в наматывании портянок?! А лишние зубы и отсутствие шрамов при чем? Кстати, о шрамах — я не поленился расстегнуть полушубок и ворот гимнастерки, несмотря на холод. Точно, меня переодели до трусов, по стандартам этого времени, включая нательную рубашу и кальсоны. А вот под рубашой обнаружилось самое интересное — не было пулевой отметины на правом предплечье, осколочной борозды на левом боку, и, главное, исчезли нанесенные под мышкой слева идентификационный штрихкод и номер Г197206110. Нам эту дрянь накололи еще в первый раз в фильтрационном лагере, предварительно опоив чем-то снотворным, — в СССР все про всех должны знать, и каждой твари положено иметь личный номер... Выходит, я — не я? Как в детской считалочке: «Мы не рабы. Рабы не мы, а кто?» ...В этой связи извлеченный из кобуры ТТ вызвал у меня какой-то нездоровый интерес. С чего бы это — пистолет как пистолет, вроде в порядке и с запасной обоймой в комплекте... И тут я хлопнул себя по лбу — а документы посмотреть? Не догадался, идиот... Хотя вдруг их опять нету, а? Да нет. В левом кармане гимнастерки обнаружались две «ксивы» — зеленая красноармейская книжка и красный комсомольский билет с буквами «КИМ» на обложке. Из красноармейской книжки торчали две свернутые бумажки. Я вытянул на свет божий ту, что была тоньше и чище. Развернул и обомлел. Это была записка:

«ТАНКИСТ! ЕСЛИ ВСЕ ПРОШЛО НОРМАЛЬНО И ТЫ ЭТО ЧИТАЕШЬ, СЕЙЧАС 16 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. ТЫ СНОВА НА ВОЙНЕ. ВСЕ ДОГОВОРЕННОСТИ ОСТАЮТСЯ В СИЛЕ. ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖЕН, СООБРАЖАЯ ОБСТАНОВКЕ, НЕ ПОДСТАВЛЯЙ СВОЙ ЛОБ ВСЯКОЙ ДУРАЦКОЙ ПУЛЕ И ПЫТАЙСЯ ИЗОБРАЖАТЬ ИЗ СЕБЯ ПРОРОКА, ВРЕМЕНА НЕ ТЕ, ЗА АНГЛ ИЗВИНИ, НО ТАК БЫЛО НАДО. МЫ ТЕБЯ НАЙДЕМ. ВЕСНОЙ. В ОДИН ИЗВЕСТНЫЙ ТЕБЕ ДЕНЬ».

И ни подписи, ни печати... Хоть бы объяснили, зачем я здесь... А то какие-то игры в духе Тимура и его команды... Пока я соображал над этим странным текстом, случился еще один шизоидный сюрпризик — записка вдруг словно растворилась в воздухе. Вот только что была в руках, а через секунду ее как не было. А был ли мальчик-то, как говорил классик? Может, это опять глюки? А записки никакой не было... Только вот выбора они (кто, кстати, «ббб-й» с корешами?) мне не оставили. Придется верить прочитанному и исчезнувшему за неимением лучшего... И что же? Выходит, на дворе ноябрь сорок первого?! Блин... Нет, я бы с куда большей охотой отправился, к примеру, в шестидесятые, время, когда наши мамы были молоденькими девочками, носившими мини-платица и остроносые туфельки на шпильках, копируя фасоны главной героини польского фильма «Девушка из банка» (Карден-то тогда до нас не доходил, даже в виде плохих картинок); когда людей, слетавших в космос, можно было пересчитать по пальцам рук; когда самолеты были цвета полированного дюрала, а сомнений в своей судьбе и судьбе страны не было решительно никаких... Эх, тетка ностальгия... Ладно, спасибо хоть, что не выкинули на берег Западного Буга одним приятным летним утром того же года. За это огромное спасибо. Впрочем, пора и о деле подумать. Я наконец заглянул в свои документы. Так... Фотография в красноармейской книжке была моя, в комсомольском билете тоже, но вот имя...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Теркин Василий Иванович, — прочитал я и невольно заржал. Ни фига себе, имечко мне придумали... Уже за одно это меня можно смело арестовывать как шпиона. Хотя... Здесь я вспомнил, что Твардовский свою «Книгу про бойца» еще, считай, не написал (хотя впервые Теркин появился на газетных страницах вроде бы еще в «Зимнюю войну» с финнами), и отдельные ее главы появятся в печати только в 1943—44-м, тогда же, когда появится и «каноническое» портретное изображение самого литературного героя (его, если не ошибаюсь, срисовали с какого-то политрука). Так что чего мне бояться? Это только в плохих совковых фильмах «Синий платочек» горланят 22 июня, с утра пораньше. И не знают, придурки, что Клавдия Шульженко сей шлягер впервые спела в апреле 1943-го, где-то на Ленинградском фронте... Так что я теперь Вася Теркин, случайный солдат на в общем-то чужой войне. Да, шестидесятые были бы для меня куда комфортнее, чем лихое время, когда наши деды бились в кровь о гитлеровскую военную машину, зачастую не имея под рукой ничего, кроме разве что личного мужества и численного превосходства... Времечко не для слабонервных...

Дальнейшее изучение документов прояснило следующие детали моей биографии. Русский. 1922 года рождения. Комсомолец с 1939 года. В Красной Армии с 1940-го. Выпускник Ульяновского училища тяжелых танков. Ускоренный выпуск в мае 1941-го. Последнее место службы — Казанское танковое училище. Водитель-инструктор. 8 ноября откомандирован в распоряжение Главного Автобронетанкового управления РККА. О дальнейшем повествовало вложенное в документы командировочное предписание. 14 ноября (то есть позавчера) Теркин, то есть я, отбыл из Москвы в 21-ю танковую бригаду Западного фронта. И это было все. То есть до места назначения я, видимо, не доехал. И где же я тогда? Самое время было посмотреть по сторонам, тем более что уже почти рассвело.

Итак, судя по всему, вокруг меня был не лес, а скорее перелесок или лесопосадка. Вокруг меня были достаточно густые кусты и истоптанный многими ногами снег, на котором что-то темнело. Я поднял неизвестный предмет — это оказался неплохой артиллерийский бинокль советского производства (на корпусе звезда с серпом и молотом).

Очень кстати... Дальше в кустах валялась шинельная скатка. Очистив окуляры бинокля от снега, я осмотрел местность, так сказать, вооруженным глазом. Следы, на которые я уже обратил внимание, раньше начинались в низине, где перелесок сходил на нет. Там проходила типичная по российским меркам проселочная дорога, с комьями замерзшей грязи в колдобинах. На дороге царил бардак. Ближе всего ко мне лежала на боку полковая пушка с передком и четыремя убитыми прямо в упряжке лошадьми. Дальше виднелась армейского образца телега-двуколка, загруженная какими-то зелеными ящиками, и еще две убитые лошади. За ними угадывались опрокинутые сани, разбросанное по сторонам тряпье и еще одна убитая лошадь. Поначалу меня удивило отсутствие человеческих трупов и странная скученность гужевого транспорта на узком пространстве. Но потом я понял, что здесь, видимо, поработал самолет. Какой-нибудь залетный Me-109 «плюнул» с бреющего полета. Точно плюнул, надо сказать. А вот повторных заходов немец, похоже, делать не стал. И народишко успел разбежаться в разные стороны. В снегу у дороги темнел указатель — столбик с двумя стрелками. Присмотревшись, я разобрал надписи на стрелках: «р. Дубосеково — 5 км, с. Муромцево — 3 км». Неведомое Дубосеково находилось в той стороне, куда направлялась раздолбанная неизвестным героем люфтваффе «гужевая тягловая сила». И где при таком раскладе линия фронта?

И, словно отвечая на мой мысленный вопрос, за поворотом зафырчал мотор какого-то транспортного средства. Через полминуты я увидел и само транспортное средство. Это был немецкий разведывательный броневичок, который Борис Полевой в своей «Повести о настоящем человеке» назвал «похожим на колун», видимо, за остроносо-наклонную форму бронекорпуса. Броневик был щедро измазан белилами поверх стандартной серой краски, из башни с откинутой в стороны сетчатой крышей торчал дырчатый кожух пулеметного ствола и голова фрица в сером подшлемнике и стальной каске. Завывая мотором и трясясь на неровностях, броневик протащился в то самое Дубосеково. Стало быть, фронт был именно там. Но на всякий случай я решил посмотреть и в противоположном направлении — там перелесок тянулся значительно дальше. Пройдя метров триста, я выбрался на горюшку и, увидев вдалеке очертания каких-то строений, залег от звука моторов.

Наведя бинокль на цель, я осмотрел пейзаж. На дальних буграх виднелись домишки какой-то деревни (видимо, то самое «с. Муромцево»), а вот ближе ко мне у длинных низких зданий барачного типа (типичная колхозная ферма, надо полагать) происходила куда более интересная возня. Между построек фермы густо стояли танки. Много и разных типов. Но все немецкие. Присмотревшись, я насчитал до семидесяти (может, их было больше, но самый дальний конец фермы с моей позиции не просматривался, мешали строения) единиц различной техники — здесь были танки Pz-4,3,2,1 и два десятка колесных бронемашин. Вокруг техники шла суeta — бегали солдаты в черной и серой форме, где-то грузили снаряды, где-то натягивали гусеницы. В стороне буксовал в снегу здоровенный бензовоз, чуть дальше него танкисты спинали на снег из кузова длинного трехосного «Бюссинга» (так было написано на радиаторе грузовика — хороший мне все-таки бинокль достался) тяжелые темные бочки. Надо полагать, с горючкой. В центре композиции возле двух серых «Кюбельвагенов» и черного лимузина непонятной марки кучковалось несколько офицеров, которых легко было узнать по высоким фуражкам и шинелям с меховыми воротниками. Собственно, герры офицеры толпились вокруг некоего «бога войны» (в шинели с красными отворотами, каким-то крестом на шее и то ли лисьим, то ли енотовым воротником), который орал на них и размахивал руками. Понять, о чем речь, можно было и не слыша слов. Надо,

понимаешь ли, «нах Москвау». А танки отчего-то стоят... Я бы на его месте тоже рассердился. Эх, снайперку бы мне... Вдруг это сам Бок или Браухич? А вообще, у меня сразу возникла мысль — насрать на этих гадов авиацию. Вот только для этого надо было добраться до своих. Здесь я поймал себя на мысли, что уже начинаю употреблять термины типа «свои» и «чужие». Хотя, рассуждая логически, мне здесь все чужие, а точнее, чужой здесь я — некий субъект, чьей-то волей севший «не в свои сани».

Нацепив бинокль на шею, я побрел-таки в направлении неизвестного Дубосекова, в очередной «тур», по тем самым задворкам и неведомым дорожкам. Получать или звиздюлей, или ордена. По обстоятельствам... Перелесок, как я и предполагал, оказался недлинным, и как раз на его краю располагались немецкие передовые позиции — рассредоточено стояло три десятка танков (в основном легких) и броневиков, промеж которых сидели и лежали на снегу «арийские сверхчеловеки» (я насчитал не меньше батальона), их офицеры, разместившись на холмике, пялились в бинокли в светлеющую даль перед собой. В этой дали можно было различить поля, перелески, у горизонта — нитку железной дороги и какие-то домики. А кроме того, у этой самой «железки» копошились маленькие серые фигурки, явно занятые экстренными земляными работами. Слава богу, нашел своих... На мое счастье, немцы не рыли окопов и не расставляли боевое охранение далеко по сторонам от дороги, явно собираясь наступать дальше. Так что обойти их боевые порядки с фланга мне труда не составило.

Только полные идиоты или законченные романтики считают, что воспетое поэтами «русское поле» широкое и ровное, как стол. На самом деле оно всегда изобилует ямами, впадинами, оврагами, отдельно стоящими деревьями и кустами. Так было даже в мое время, а уж здесь, где тракторной вспашки почти не знали, всего этого было вообще сверх меры. Хотя оно, конечно, пришлось ползти, но что тут поделаешь? На мое счастье, накануне это поле то ли обстреливали, то ли бомбили. Во всяком случае, истыкавшие снег неглубокие воронки были для меня лишним шансом на незаметное подкрадывание к своим.

Пока полз, я, помимо прочего, думал о том, что бы было, если бы в 1941-м Москву сдали бы? И что было бы? А скорее всего, ничего. Просто советское контрнаступление началось бы с рубежей восточнее столицы. Все равно не было у товарища Гитлера силенок выполнить план «Барбаросса» до третьего знака. То есть, может, шанс у них и был бы, «когда б не грязь и мухи с комарами», — начни немцы на месяц раньше и будь в Красной Армии чуть меньше людей и техники, черт знает, как все бы повернулось... Но, как известно, не сложилось. Здесь я поймал себя на мысли, что история сослагательного наклонения не терпит. В том времени, откуда я сюда пришел, тоже много и цветисто рассуждали о перспективах. Захватил Ирак Кувейт — ах, они не посмеют притащить в залив свой воинский контингент. Притащили. Тогда светлые головы в Кремле решили перебросить в Ирак тактическое ядерное оружие. Как в конце 60-х в Египет и Сирию как «средство сдерживания агрессора». Тогда же проканал, почему же теперь нет? Разумеется, оговорили, что применять его следует только для ответного удара. То есть Вашингтон не решится ударить первым. Да что там, они вообще не посмеют отбивать Кувейт обратно — это же нефтеносный регион, основа капиталистической экономики, как можно?! Забыли, идиоты, что, кроме экономических резонов, есть идиотизм высокой политики и неодолимое желание генералов повоевать — все равно когда и где... И что? Янки полезли-таки в Кувейт потом, когда они за сутки потеряли 75 самолетов и полторы сотни крылатых ракет, без колебания вдарили тактическим ядерным, с тем чтобы враз вырубить электромагнитным импульсом

передовую иракскую ПВО. А поскольку иных запасных вариантов не задумывалось, оставалось только вдарить в ответ, после чего пошел взаимный обмен ударами на истощение. И в итоге мы оказались там, где и следовало ожидать. Удивляюсь, как не дошло до взаимного испепеления в Европе. А еще говорили: «Нефть — основа экономики». И где теперь те теоретики?

Отогревая дыханием одеревеневшие руки (ей-богу, сниму рукавицы или перчатки с первого же встреченного покойника!), я вдруг услышал буквально в нескольких шагах от себя русскую речь. Добрался, слава тебе господи. Я на всякий случай переложил ТТ из кобуры в карман полушубка и выглянул из воронки.

— Сатой, кыто идет?! — услышал я вблизи. Метрах в десяти из-за бугорка (или бруствера окопа?) торчала шапка со звездой и трехгранный штык трехлинейной винтовки (два раза по три — каламбур...). Лицо у хозяина шапки было раскосое, как у древних каменных баб, непроходимо-азиатское. Сатывалды Кербабаевич. Типичный...

— Не идет, а ползет! — отозвался я и добавил: — Веди к командиру, урюк!

— Палзы сюда! — охотно отозвался урюк.

— Только не стреляй! — уточнил я и пополз.

Точно, это был окопчик на двоих, от которого к основной траншее тянулся ход сообщения. Кроме урюка, здесь был еще один изюм (или курага), такого же облика. Только вместо шапки этот индивид нацепил стальную каску. Какая-то второочередная дивизия, присланная сюда из глубины сибирских руд? Вполне возможно...

— Товарищ сяржа-ант! — заорал урюк в сторону траншеи.

— Чаво? — заорали оттуда.

— Чаловик с тай стараны!

После этих слов во вход сообщения влез субъект вполне славянского облика, в серой шинели с двумя треугольниками на петлицах и подшитых валенках.

— Ты кто? — поинтересовался субъект.

— Танкист, из окружения, — отрекомендовался я и сразу же объявил: — Веди к какому ни есть командиру, у меня сведения важные.

К моему удивлению, сержант спорить не стал, и мы пошли. А точнее — поползли по ходу сообщения. Потом свалились в траншею полного (или близкого к полному) профиля. Картина, открывшаяся мне в траншее, не то чтобы впечатляла. Нет, парой мотоциклеток здешнюю оборону, конечно, было не расшугать, но в остальном... Короче, это были плохо обученные и обмундированные люди, среди которых было слишком много азиатов и людей явно непризывного возраста. Вооружены они были тоже далеко не идеально — сплошь «родимые образца 1891/30 года» винтовки. Ни автоматов, ни ручных пулеметов. Я рассмотрел в траншее только пару максимовских «станкачей». Противотанковых ружей и пушек в пределах видимости тоже не имелось. Вообще противотанковая оборона здесь выглядела необычайно колоритно и фантастично. Если бутылки зеленого стекла со смесью КС и неуклюжие на вид противотанковые гранаты (более всего похожие на поллитровые консервные банки, насаженные на ручки) можно считать атрибутами этой самой обороны... Цацки и пецки...

Человеку, воспитанному в век ПТУРов и РПГ, понять подобные безумства сложновато. Собственно, у нас окопов как-то не рыли. Мы, как прописано в уставе, «поражали бронетанковую технику противника из-за естественных и искусственных укрытий и складок местности». Хотя что с них, здешних, взять? Времена-то древние. Пока что у воюющих

сторон и танков нормальных нет (а у кого они есть, тот не умеет их правильно использовать) и противотанковая артиллерия пребывает в зачаточном состоянии. Вон, немцы, считай, всю войну использовали в качестве «клизмы от всех болезней» и «последнего довода королей» зенитную пушку Flak-36 калибра 88-мм. Только этим и спасались. Вообще, если бы не эта зенитка, они бы продули войну на годик-другой раньше... Но здесь зениток не видно, и, похоже, намечаются всего лишь очередные «Игры на свежем воздухе для славян». Немецкие легкие танки, увязая в глубоком снегу, попрут в атаку. И их ни фигу не видящие через плохие, обмерзшие приборы наблюдения экипажи будут стремиться проутюжить огнем и гусеницами тех, кто сидит в этих траншеях. А сидящая в траншеях «сборная Казахстана по зимним городкам» будет пытаться докинуть до этих самых танков свои гранаты-колотушки и горючую стеклотару. И кому больше повезет — вопрос. Хотя, если вспомнить, чем закончилась Московская битва, выиграли, наверное, все-таки русские. По крайней мере, по очкам... Если это, конечно, тот самый 1941 год, знакомый мне по книгам и фильмам, а не какой-то другой. Если это «то самое», тогда «скорбный труд» защитников этих рубежей даром не пропадет. В Генштабе уже разрабатывают планы контрнаступления. Через три дня на Ладоге заработает «Дорога жизни», завтра Красная Армия ударит в районе Ростова-на-Дону. Да, собственно, и до самого контрнаступления осталось три недели. Правда, сколько до этого момента еще поляжет народу — отдельный вопрос. Могу, кстати, и я полечь... Хотя и неохота...

Похоже, большую часть здешних оборонительных сооружений отстроили еще до морозов. По крайней мере, в некоторых траншеях имелась деревянная обшивка стенок. А вот ходы сообщения отрывали (или углубляли?) уже позднее — на снегу темнела свежевывнутая мерзлая земля. По этим самым траншеям я, упираясь в широкую спину сержанта, добрался-таки до самого разъезда. Разъезд Дубосеково (как гласила надпись на покосившемся указателе) производил довольно-таки занюханное впечатление. Заснеженная проселочная дорога (вдоль которой я и полз), переезд с полосатым деревянным шлагбаумом, три или четыре деревянных домика, несколько сараюшек, дощатый забор, заснеженная щебенка на покрытых застывшим креозотом шпалах, телеграфные столбы... В общем, все, как везде. У одного из домиков скучал часовой с винтовкой на плече. Мимо него несколько красноармейцев таскали в траншеи зеленые тарные ящики.

— Ротный где? — спросил сержант у часового.

— Капитан Гундилович с комбатом у комполка, — доложил тот.

— А кто из начальства на месте?

— Товарищ политрук!! — заорал часовой.

Из домика появился человек в таком же, как у меня, полушубке (эта деталь одежды резко выделяла его на фоне одетых в серые шинели нижних чинов), с явно недовольной физиономией. Когда человек подошел ближе, наше с ним сходство усилилось. Он оказался примерно одного роста со мной, в такой же ушанке и с таким же серым шарфом на шее. Разве что я был с вещмешком и биноклем на шее, а у него через плечо была протянута портупея.

— Добробабин, это кто? — спросил политрук.

— Старший сержант Теркин, — отрекомендовался я, приложив руку к шапке и протягивая ему свои документы. — Следовал из Москвы в 21-ю танковую бригаду, вчера заехал в Муромцево, а тут немцы пожаловали. Ночь отсиживался в лесу.

— Вас со вчерашнего дня пробежало человек сто с той стороны, — сказал политрук с

явным раздражением, возвращая мои бумаги, едва их просмотрев. — Чего вы от меня хотите? Следуйте в часть и радуйтесь, что особиста на месте нет, он двух подозрительных в дивизию повез. А у меня лично вас проверять нет ни времени, ни желания...

— Я имею важные сведения. Кстати, с кем имею честь беседовать и что это за часть?

— Старший политрук Ключков, — ответил мой собеседник, по-моему, раздражаясь еще больше. — 1075-й полк, 316-я стрелковая дивизия. Что еще?

— У вас есть связь с вышестоящим командованием?

— Командир роты и комбат сейчас у комполка. Перед рассветом приезжал лично генерал Панфилов и указал на некоторые просчеты в организации обороны...

— Совещаются, значит...

— А в чем дело?

— Дело в том, что у села Муромцево, на той стороне, я видел более полусотни немецких танков. Если что-то не предпринять, может получиться очень невесело!

Повисла минутная пауза.

— Ну, — произнес политрук наконец, — когда командиры вернутся, я доложу. А вы следуйте по назначению, товарищ сержант. Пройдите через переезд и идите по дороге, там за перелеском, километрах в двух, перекресток дороги и КПП. Там вас посадят на попутку...

Сказав это, политрук повернулся ко мне спиной, явно давая понять, что разговор окончен. Я машинально козырнул ему в спину и мысленно выматерился. Зимний день короткий, а отцы-командиры могут пить чай у комполка до морковкиного заговения... Ну, доложит этот «политический бог ротного масштаба» им мою информацию. Будут звонить по команде, а то и вестовых с записками посылать. А «наверху» начнут эту информацию проверять и требовать подтверждений. Как это бывает, знаю лично, в свое время нахлебался досьята... А пока то да се — время уйдет, и тех, кто сидит в этих окопах, уже намотают на гусеницы. В общем, надо было что-то делать...

Между тем я дошел до шлагбаума. В стороне от него, у сараюшки, копалась в стожке сена какая-то баба неопределенных лет, в сером шерстяном платке, валенках с галошами и форменном железнодорожном кителе. Хозяйка разъезда? И тут мой взгляд упал на столбы с проводами, тянувшиеся параллельно железной дороге. А что, если...

— Бабка, телефон на разъезде есть? — крикнул я.

Тетка явно опешила, но тем не менее обернулась в мою сторону.

— Телефон есть?!

— Есть...

— Работает?

— Утром работал...

— Где?!

— Что «где»??

— Да телефон где, ебтыть!!!

— Там, пойдем — покажу...

И я пошагал за теткой, смутно представляя, что я буду делать и как. Кому звонить-то? В Генштаб, что ли? С прифронтового разъезда? Да не смешите... Между тем мы вошли в помещение из тех, что в нашем отечестве именуют «будка обходчика». На стене висел примитивный телефонный аппарат без диска — время такое, автоматических АТС в СССР еще нет (а если и есть, то где-нибудь в Кремле или на Лубянке, «для внутреннего употребления»), вся связь голосовая. Так что же мне делать? И, уже снимая трубку, я вдруг

вспомнил эпизод из одной книги. Из «Цели жизни» авиаконструктора А. Яковлева. Вдруг получится...

— Станция! — сказали в трубке.

— Дайте Москву Центральную! — выдохнул я.

— Ждите, — ответила трубка.

Томительное ожидание длилось несколько минут. Потом в трубке хекнуло и далекий голос сказал долгожданную фразу.

— Центральная слушает.

— Соедините меня с товарищем Ивановым по делу государственной важности! — выпалил я одним духом.

— Не поняла, — сказала Центральная несколько изменившимся голосом. — Повторите.

— Повторяю. Соедините с самим товарищем Ивановым. По делу огромной государственной важности. По буквам повторить?!

— Вас поняла, — сказала Центральная и добавила: — Ждите.

На сей раз ожидание длилось минут десять, не меньше. А потом в трубке возник бесстрастный мужской голос.

— Секретариат товарища Сталина слушает...

— Дай самого! — почти заорал я в трубку.

— Назовитесь, — потребовал голос в трубке.

— Звонок с фронта, из 316-й стрелковой дивизии. Дело государственной важности, не терпящее отлагательств!!!

— Подождите, — сказали в трубке. Повисла очередная пауза, во время которой я понял, что у меня вспотели спина и затылок под шапкой.

— Слюшаю, — сказал голос с кавказским акцентом на другом конце провода. У меня начали отниматься ноги...

— Товарищ Сталин, — произнес я, как можно четче выговаривая слова. — Я обращаюсь напрямую к вам, поскольку на доклад по обычным каналам у меня нет времени. Я нахожусь на разъезде Дубосеково, в расположении 316-й стрелковой дивизии. В нескольких километрах западнее находится село Муромцево, накануне занятое немцами. В районе западной окраины этого села, на колхозной ферме, сконцентрировано до сотни немецких танков, которые в данный момент заправляются горючим и пополняют боекомплекты. Если ничего не предпринять, есть опасность прорыва немцев через нашу оборону. Сведения абсолютно точные, но командование дивизии может потерять время, передавая эту информацию обычным порядком, а сейчас дорога каждая минута!

— Кто ви? — спросила трубка после короткой паузы.

— Это неважно, товарищ Сталин, — ответил я и повесил трубку. Стоявшая поодаль и слышавшая весь разговор тетка смотрела на меня, широко разинув рот...

— Уходила бы ты отсюда, бабка, — сказал я ей на прощание. — А тот тут скоро такое начнется... — С этими словами я покинул будку обходчика.

Я не мог видеть, как в кабинете, с затемненными шторами и зеленой лампой на столе, невысокий усатый человек в полувоенном кителе повесил трубку и несколько минут рассматривал какое-то место на крупномасштабной карте Подмосковья, лежащей на рабочем столе перед ним. Явно что-то прикинув, он нажал кнопку вызова. На пороге возник бритый человек с неприятным лицом, в гимнастерке без знаков различия.

— Жигарева ко мне. И Василевского, — сказал усатый. — Быстро...

Вообще я сначала не поверил в успех своего телефонного звонка. Могли и не поверить, времена-то на дворе какие... Но, когда я час с небольшим спустя ждал машину у КПП, меня вывел из оцепенения шум авиационных моторов. Через секунду над моей головой проскочила тройка остроносых истребителей. На их голубых крыльях я рассмотрел красные звезды и подвески реактивных снарядов. А еще минут через двадцать, когда я уже залез в кузов попутного ЗИС-5, в том же направлении прошли две девятки двухмоторных бомбардировщиков, по-моему, это были «пешки»... Поверил товарищ Сталин, даже странно. И подтверждением этого стали черные дымы, поднявшиеся над горизонтом. Это я еще успел увидеть за задним бортом грузовика.

Наверное, мне не стоило столь кардинально участвовать в развитии событий на этом забытом богом разъезде. Но у меня же нет конкретного задания. Я же не какой-нибудь подрабатывающий мелким шпионажем пастор Гадюкин (кроме шуток, ребята, по-немецки «Schlage» — «змея»). Соответственно, пастор Шлаг из «17 мгновений весны» — Змей, или более привычно для русского уха — Змеюкин или там Гадюкин. Интересно, что имел в виду Юлиан Семенов, наградив бедного попаика подобной фамилией...), от которого требовалось послать в город Стокгольм на улицу Берта Юхенсона открытку с вполне конкретным текстом... Мне всего-навсего «приказано выжить» — прикинуться гофрированным шлангом от противогАЗа и ждать встречи в некий «известный мне» весенний день. Почти что «в шесть часов вечера после войны». Этим я и собирался заниматься. А до своей бригады я добрался той же ночью. Она и впрямь стояла неподалеку. И даже знакомства с Особым отделом мне пока удалось избежать.

Голоса за кадром — 2. ПОВЕЛИТЕЛИ ОДНОЙ ШЕСТОЙ ЧАСТИ СУШИ.

Несколько позже. Москва. Кабинет в Кремле.

— ...Таким образом, по интересующему вас вопросу, товарищ Сталин, нами опрошено 28 непосредственных свидетелей, — продолжал свой доклад майор Климов. — Это были как местные жители, так и бойцы 316-й стрелковой дивизии...

«28 чел.», — автоматически записал в своем блокноте Лев Мехлис. Он, как и присутствующие в кабинете Жигарев, Василевский, Жуков, Шапошников и Щербаков, никак не мог понять, почему Хозяин уделяет этому незначительному эпизоду такое внимание. Майора же Климова Мехлис особенно не любил. Климов не подчинялся никому, кроме самого Сталина, и Хозяин поручал ему и его людям только сверхважные и сверхличные дела деликатного свойства. Два ордена Боевого Красного Знамени, Красная Звезда и орден Ленина на груди Климова подтверждали, что работать майор со своими ребятами умел. В Политбюро болтали даже, что Троцкого в Мексике достал именно Климов, а Эйтингон с Судоплатовым осуществляли только операцию прикрытия...

— И что вы можете добавить по главному вопросу, товарищ Клымов? — спросил Иосиф Виссарионович, пристально глядя на всех присутствующих. Надо сказать, что Сталина интересовал не только и не столько несомненный успех авиаудара. Для него куда важнее был вопрос: как, черт побери, мог кто-то на передовой (возможно, сам того не ведая) узнать и воспользоваться секретным экстренным каналом связи, известным лишь высшему

руководству СССР и немногим посвященным рангом пониже?!

— По всем имеющимся у нас данным, — продолжал Климов, — это мог быть только старший политрук из 4-й роты 1-го батальона 1075-го полка 316-й стрелковой дивизии генерал-майора Панфилова. Фамилия — Диев или Клочков, подробнее постараемся уточнить в ближайшее время...

«Политрук Диев? Клочков?» — записал Мехлис.

— Что зыначит «уточним»? — удивился Сталин.

— Дело в том, товарищ Сталин, что, по всем оперативным данным, этот политрук погиб в бою. В тот же день и у того же самого разъезда.

— Это точно он, товарищ Климов, ви ничего не путаете?

— Под описание, товарищ Сталин, подходит только он. Наличие на передовых позициях кого-то постороннего я считаю маловероятным, а командование 316-й стрелковой дивизии — вообще невозможным.

Повисла минутная пауза. Сталина вполне устраивало, что неизвестный политрук унес секрет с собой в могилу. В этом смысле Клочкову, как это ни кощунственно звучит, повезло. Останься он жив, с ним бы беседовали Климов, Берия и Абакумов. Долго и по душам...

— Хорошо, товарищ Клымов, — сказал Сталин наконец. — Что скажет авиация?

Жигарев поднялся из-за стола и развернул перед собой какие-то бумаги.

— Первоначальным докладам летчиков мы не поверили, — доложил он. — Но на другой день в квадрат летали фоторазведчики. По результатам разведки можно уточнить итоги удара. В районе села Муромцево действительно выявлено до сорока единиц уничтоженной фашистской техники, в основном это танки и бронемашины. Без сомнения, наше малейшее промедление с авианалетом могло существенно осложнить обстановку на этом участке фронта и привести к глубокому прорыву немцев...

Жуков, Шапошников и Василевский согласно кивнули.

— Да, — сказал товарищ Сталин. — Этот человек, безусловно, настоящий герой. Его имя не должно быть забыто. Его необходимо наградить. Товарищ Мехлис!

— Да, товарищ Сталин!!

— Товарищ Щербаков!

— Да, товарищ Сталин!!!

— Вот ви и займитесь этим делом. Стране очень нужны герои. И страна должна знать своих героев...

— Так точно, товарищ Сталин!! — выдохнули оба в один голос и недоуменно переглянулись. Им было абсолютно некогда заниматься подобной ерундой в момент, когда немцы были на ближних подступах к столице. Других, более важных, дел было невпроворот. В итоге дело было поручено редактору газеты «Красная Звезда» Ортенбергу, который, в свою очередь, поручил его журналисту Кривицкому. Последующий результат его «журналистского расследования» теперь всемирно известен. Оно и понятно — люди, которых допрашивал Климов, дали соответствующие подписки о неразглашении и перед Кривицким предпочитали «молчать в тряпочку». Однако дурацкая цифра «28 героев-панфиловцев» наталкивает на мысль о том, что блокнотом Мехлиса журналист все-таки пользовался... Впрочем, главного заказчика (И. В. Сталина) окончательный итог всей этой истории, видимо, вполне устроил, хотя и не во все он до конца поверил...

...Наши фотопортрет спрячут в хрестоматию. Мать ее...

Группа «Агата Кристи». «Новый год»

Про депрессию и варианты сдачи в плен. 22 ноября 1941 года. Севернее Волоколамского шоссе. Подступы к деревне Щербинино. Серый зимний день. Зверски болит голова.

Все пять дней пребывания в 21-й танковой бригаде мне было очень плохо. Я не знаю, с чем это связано, но с первой же ночи здесь я не мог нормально спать. Было странное, никогда ранее не испытанное ощущение полного раздвоения личности. Я засыпал, но мозги совершенно не отдыхали. Более того, во сне я словно жил другой жизнью, где все было иначе, чем у меня, до близкого знакомства с «ббб-м». А вся та война и боль, которые остались позади, — это скверный, но много раз виденный мной фильм, содержание которого я запомнил почти наизусть. Просыпался я совершенно разбитым. С тяжелой головой. Более того, на третью ночь я начал слышать (или мне казалось, что я его слышу?) в своей голове какой-то, вроде бы знакомый, голос. И этот голос нашептывал мне, чтобы я не относился ко всему творящемуся вокруг слишком серьезно. Хотя бы потому, что я здесь чужой и это не моя война... В общем, за пять ночей я стал готовым клиентом для дурдома, куда я бы с радостью пошел и сдался добровольно. Но, увы, в сорок первом году угодить с фронта в дурку было не так-то легко...

В остальном все эти дни я худо-бедно воевал там, «где доктор прописал», то есть в 21-й танковой бригаде. Правда, сказать, что мы особо лихо сплавливали гитлеровское отродье на тот свет, я не могу. Мы все больше отступали или совершали не очень понятные мне передвижения вдоль фронта. Накануне, прибыв в эту самую деревню Щербинино, мы как могли маскировали и окапывали свои танки. Мои якобы очень глубокие познания в тяжелых танках не были особенно востребованы, поскольку в бригаде было всего два КВ — командирский танк нашего комбрига и второй, в котором что-то все время ломалось. Кроме них, в бригаде было три Т-34 и девять штук разнотипных легких танков. На последние меня и определили. Так я стал командиром танка БТ-7М. Кстати, моя фамилия вызывала-таки у кое-кого ухмылки. И дело не в поэме Твардовского, а в том, что скорый на выдумку советский Агитпроп, оказывается, уже успел опошлить мою здешнюю фамилию в одной «нетленке». А именно — осенью 1941-го был снят черно-белый мультфильм о том, как деревенский парень Вася Теркин в компании с псом Трезором, направляясь то ли в военкомат, то ли на сборный пункт, встретил немецких парашютистов-диверсантов (уже смешно!) и героически переглушил их всех поленом, во славу своей социалистической родины... К моему счастью, видели сей мультшедевр далеко не все. Вот тебе и «легенда»...

А день 22 ноября начался с ЧП общебригадного масштаба. Явившийся ни свет ни заря в избу, где дрых мой экипаж, бригадный зампотех воентехник Соболев объявил мне о том, что «эти уроды» доломали-таки второй дышавший на ладан КВ. Что теперь я как специалист должен оценить ущерб лично, а то пойду под трибунал. Вспомнили-таки обо мне, засранцы. Напялив полушубок и шапку, я кое-как обтер морду лица чистым снежком и потек за

Соболевым, оценивать ущерб лично. Голова при этом не переставала болеть ни на минуту, и каждый шаг отдавался под черепушкой как удар кулаком. К счастью, большую часть пути до аварийного танка мы проделали на выбеленном под цвет окружающего бардака пикапчике ГАЗ М-415.

Как оказалось, КВ застрял довольно далеко от деревни, километрах в двух западнее, не меньше. Вчера во время марша он плелся замыкающим. Была пурга, и то, что танк встал, никто в колонне не заметил. Шумиха и неразбериха, за которыми должны были последовать неизбежное наказание невиновных и награждение непричастных, начались много позже и особого смысла уже не имели. Потому что все было не просто плохо, а очень плохо.

Серо-зеленая громада инвалидного КВ, уже слегка припорошенная снежком, торчала в кювете, на краю замерзшей проселочной дороги. Возле нее уже собрался «консилиум» — два маленьких танка Т-60 и десяток человек (пятеро из которых составляли экипаж аварийного танка и имели совершенно потерянный вид) во главе с командиром бригады. Наш комбриг, полковник Дерзилов Иван Фотиевич, смотрелся орлом в своем кожаном реглане на меху и пижонской каракулевой шапке-финке. Добавлю, что Дерзилов следовал последней полководческой предвоенной моде, а потому брил череп налысо (подражая тем самым недавнему наркому обороны СССР Семену Тимошенко, чья голова, как известно, была подобна коленке) и имел под носом «гитлеровские» усики (как у еще одного наркома обороны, воспетого в песнях Клим Ворошилова) и оттого выглядел совсем грозно. Я вспомнил, что году в 1936-м многие командиры Красной Армии носили козлиные бороды «а-ля Янгель Гамарник». Тоже мода была. Только где теперь те бороды и тот Гамарник? Может, вы знаете? Вообще же, Дерзилов имел какой-никакой военный опыт, поскольку успел поосвободить от польских панов западных белорусов, дать отпор зарвавшейся белофинской военщине в карельских снегах и покомандовать танковой дивизией на Украине летом этого года. На последнем посту Дерзилов, следуя «мудрым» указаниям Генштаба, пытался на третий день войны взять Люблин, а в августе выбрался из Уманского «котла» — на своих двоих и в красноармейской гимнастерке... Но по мне так лучше такой командир, чем никакого.

Судя по понурым, чумазым физиономиям собравшихся вокруг КВ танкистов, товарищ командир уже довольно долго воспитывал их. Воспитание сводилось к фразам на тему «Количество уродов среди танкистов РККА в абсолютных величинах». Об этом можно было судить по командиру полomanного КВ старшине Чернопятко. В глазах этого хитрого хохла читался как минимум штрафбат и армейский трибунал. Остальные собравшиеся пытались делать умные лица и чесали в затылках. И было понятно, что ни фига тут сделать нельзя. Пациент скорее мертв, чем жив... По своему опыту могу сказать, что для того, чтобы сломать Т-55, Т-62, Т-72, ПТ-76 или, к примеру, БМП, надо быть очень крутым дебилом и неучем. Хотя танки послевоенного поколения были продуктом, доведенным до совершенства, в расчете на эксплуатацию не знающими русского языка безграмотными солдатами-срочниками. Здесь до таких высот еще не дошли. Т-34 и КВ первых выпусков имели чудовищное количество конструктивных недоработок и просто брака. А личный состав был элементарно необучен ездить на них, не то что чинить... Простой пример: два дня назад в 21-й танковой бригаде было четыре Т-34. Один танк этого типа бросили — экипаж забуксовал в колдобинах и, пытаясь выбраться, сорвал левую гусеницу и пережег двигатель. Танк даже не успели подорвать или поджечь, поскольку немцы были в двух шагах. Ладно, хоть сами успели слинять. Другим и это не удавалось...

— А-а! Теркин! — объявил Дерзилов, узрев мое появление. — Специалист! Давай выручай!!

— А что случилось, товарищ полковник?

— Поломка шестерней в коробке перемены передач! — отрапортовал выступивший вперед Чернопятко.

— И что тут можно сделать? — поинтересовался я. — Танк первых выпусков, «сырой»... — Не буду же я распространяться о том, что еще в августе 1940 (!) года бывший военпред Кировского завода военинженер Каливода накатал наркому народного контроля СССР товарищу Мехлису совершенно справедливую «телегу» о конструктивных недостатках танка КВ. А также о том, что проверка эти факты подтвердила полностью, а «гениальный конструктор» Жозеф Котин до 1942 года не устранил ни один из них (!), несмотря на подпись Сталина под документом... А чинить сами весь этот заводской брак танкисты не умели. Они вообще пока еще мало что умели. Чего хотеть от людей, которых призывали быть готовыми к бою, «если завтра война». А война взяла да и случилась сегодня, прямо сейчас... И все эти «завтраки» вышли боком...

— А что, ничего нельзя сделать? — изумился Дерзилов. Он явно косил под дурачка.

— У почти всех этих танков неустранимые конструктивные и производственные дефекты, — сказал я как можно спокойнее. — И об этом знали еще до войны. Единственный вариант — брать КВ на буксир и тащить в тыл, где есть оборудование и запчасти для основательного ремонта...

— Чем мы эту дуру можем буксировать, тупая твоя голова?! — задал Дерзилов явно риторический вопрос.

— Ну, вашим командирским КВ, «тридцатьчетверкой», или по инструкции, двумя тягачами «Ворошиловец», — ответил я, стараясь сохранять каменное выражение лица.

В этом месте Дерзилов сказал длинную, витиеватую фразу, которую я бы никогда не смог повторить при всем желании. Общий ее смысл сводился к предложению Генштабу, Автобронетанковому управлению РККА, командующему Западным фронтом конструкторскому коллективу Кировского завода и всем собравшимся у аварийного КВ заняться взаимным мужеложеством в особо извращенной форме... Говорили, что в Гражданскую наш комбриг был балтийским матросом и ездил на бронепоезде «Бела Кун». Похоже, эти словесные перлы были из тех времен. Теперь такого уже не услышишь...

— Где я тебе возьму два «Ворошиловца», умник?! — поинтересовался Дерзилов угрожающе-ласково. — Здесь тебе не большие Киевские маневры 1935 года. А за снятие с позиции танка мы все под трибунал пойдем...

— Может, рванем его, товарищ полковник? — спросил толкшийся тут же командир роты капитан Сорокин.

Предложение было очень своевременное, но не решавшее проблемы.

— Чем взорвать? — спросил Дерзилов угрожающе. — Где взрывчатка? Кто потерял? И потом, угрозы захвата танка противником не было. А значит, надо эвакуировать... Мать вашу етти!!

В этот кульминационный момент из-за поворота дороги выскочил кое-как закамуфлированный белилами легкий плавающий танк Т-40. Не глуша двигатель, «поплавок» остановился возле нас. Из башенного люка показалась чумазая рожа в ребристом танкошлеме.

— Товарищ полковник! — заорал чумазый. — Немцы!!!

— Где? — задал заведомо идиотский вопрос Дерзилов.

— Километрах в трех! — выдохнул чумазый танкист. — Танки и бронемашины с мотопехотой, а нашей пехоты впереди нет!!

— Как так — «нет»?!

— Отошла еще ночью, а немцы это сразу не прочухали!!

— Блядство, — вздохнул наш бравый полковник и приказал чумазому: — Стариков, давай пулей в деревню и всех в ружье! А то спят, долбоебанцы!

Стариков козырнул в ответ, и плавающий танк рванул с места.

— Поджечь или рвануть не успеем, — сказал Дерзилов. — Надо что-то делать... — И здесь в моей больной, разбитой голове снова возник раскольнически-междоусобный голосок. Голосок убеждал, что, чем жить с такой невыносимой головной болью, лучше мне сдохнуть, не откладывая дела в долгий ящик, здесь и сейчас. И он же почему-то шептал мне, что подобная эскапада только улучшит мое положение здесь. Не все же время отступать и есть похлебку...

— Товарищ полковник! — подал я голос.

— Чего тебе, Теркин?

— Разрешите мне остаться в аварийном КВ. Я придержу немца, на сколько боезапаса хватит!

Повисла пауза. Делая подобное предложение начальству, я прекрасно понимал одну уже усвоенную мной истину — намеренно подставляя свою голову под топор, нельзя спасти чужую... Усвоил это я в декабре 1995-го, когда остатки нашего «батальона» зажали в угол. Выход был только один — прорываться. И прорываться надо было через разрушенный «поселок городского типа» Фролькино, где сидело до полка исламистов, с тремя десятками танков и прочей техники, а также с ПТУРами, РПГ, «безоткатками» и прочими «прелестями». Зачем-то тогда мы, четверо молодых и уже осиротевших (у нас в городе все погибли под первым ударом) придурков, вывалились «первыми на амбразуру». Сели в самый старый среди наших танк (это был Т-62) и рванули в атаку головными. Наше начальство тогда рассудило, что первой машине должно достаться больше всех. Возможно, они и не ошиблись. Вот только прорвались тогда наш Т-62 и одна БМП-2. БМП, кстати, подбили-таки, но уже «на выходе», и девятнадцать человек, ехавшие на ней, остались живы. На нашем танке после прорыва обнаружилось две глубокие каверны от снарядов крупного калибра на башне, с десятков вмятин поменьше, а в лежащих на лобовой броне мешках с землей застряла неразорвавшаяся «Малютка» с расплющенной головной частью. Взрыватель почему-то не сработал... Но ни одной сквозной пробоины — дуракам везет. Добавлю, что восемьдесят пять человек, восемь танков и пять БМП так и остались там, в, так сказать, полосе прорыва... Так что мое безрассудство здесь вряд ли оттянет чью-то смерть надолго.

— Сам вызываешься? — искренне удивился Дерзилов, выходя из минутного ступора. — Добровольно? Что ж... Приказать я такого никому не смогу, но раз ты сам... Тогда держись до конца, понял?

— Так точно? Только одно уточнение: боекомплект-то в танке есть?

— Снарядов двадцать есть! — доложил Чернопятко, поймав вопросительный взгляд Дерзилова. Как мне показалось, в его голосе слышалась радость, переходящая в злорадство. Ведь теперь-то он ни за что уже не отвечал.

— Возьмите, — протянул я Дерзилову свои комсомольский билет и красноармейскую книжку и уточнил: — На сохранение.

Тот посмотрел на меня как на восставшего из гроба Карла Маркса и, не найдя, что еще сказать, слегка обнял меня. Боже, как несло у него изо рта! Интересно, сколько дней он не чистил зубы?

Мне протянули разношенный танкошлем и пожелали удачи. Затем последовала команда «По машинам!». Личному составу не надо было повторять дважды, и через минуту оба Т-60 и пикапчик рванули к деревне. Мне отчего-то очень захотелось, чтобы в этот момент налетели «Штукасы», но небо было низенькое и серое. На поля и перелески с него сыпалась снежная крупа. Не для пикировщиков такая погода, да и не для авиации вообще. И что же я сделал? Обеспечил себе шанс быть убитым или попасть в плен? Дикая головная боль склоняла меня ко второму варианту. Хотя, как говорил товарищ Сухов, «лучше, конечно, помучиться»... Здесь мне стало казаться, что я различаю недалекий металлический шум. Дождя... Ну, что же, дураки умирают по пятницам. Поторапливать меня не требовалось, и я с великим проворством забрался на башню КВ. Танк стоял, как избушка в сказке, к деревне передом, к противнику задом. Деревня на горизонте неплохо просматривалась, даже несмотря на снег. Я представил, как Дерзиков будет разглядывать мой последний бой в бинокль или стереотрубу, и грязно выругался про себя. Напялив вместо ушанки шлемофон, я залез в башню, закрыл за собой защелку люка и осмотрелся. В танке было полутемно и очень холодно — изо рта шел пар. И немудрено, КВ стоял заглушённым довольно долго и успел выстудиться почти до наружной температуры. Пришлось, наморщив мысль, припоминать известное мне в основном по справочной литературе расположение членов экипажа, прицелов и прочего. Пошурудив в темноте боевого отделения, я наконец перелез на место наводчика, слева от пушки. Прицел, если пользоваться ленинской терминологией, был «архипрIMITивный». Хотя в данном случае чем проще, тем лучше. Попытка найти электропривод поворота башни и какие-либо признаки радиооборудования ни к чему не привела. Стиль каменного века... Пришлось довольно долго крутить рукоятку, разворачивая тяжелую башню стволом назад. От праведных трудов и злости я изрядно вспотел. Будь в этом КВ хоть немного горючего (а его то ли слили накануне, то ли оно закончилось еще вчера), я бы не счел удачной мысль встречать противника задницей (имея в виду не свой геморрой, а танковую корму). Однако, раз в баках было сухо, или почти сухо, двигатель и прочие расположенные в кормовой части причиндалы могли сыграть роль дополнительной бронезащиты...

Дальнейший осмотр машины на предмет наличия боекомплекта привел меня к явному пониманию того, что конструкторы КВ были если не шизофрениками, то как минимум вредителями (собственно, в 1942-м товарищ Сталин высказал эту мысль вслух самому Жозефу Котину — и тому стало нехорошо. Во всех смыслах, и надолго). В боеукладке, на полу боевого отделения (какая сволочь придумала лазить туда в бою? Хотя, пардон, см. выше), обнаружилось аж целых двадцать четыре снаряда, из которых только девять были бронебойными — Чернопятко, похоже, обсчитался. С патронами к пулеметам было хуже. Танк был первых выпусков, с пушкой Л-11, и, соответственно, курсовой пулемет в лобовом листе корпуса у него отсутствовал изначально. Задний башенный, «Ворошиловский», пулемет кто-то (может, тот же Чернопятко) успел спонерить. А к оставшемуся в наличии, спаренному с пушкой, ДТ оставалось всего два диска. И не исключено, что неполных. Перспектива беречь каждый патрон меня совсем не радовала, хотя, честно говоря, слабо верилось в то, что на меня по глубокому снегу ползет немецкая пехота, у которой практически нет «противоядия» против КВ. Разве что взорвут или подожгут...

А металлический шум между тем стал отчетливым до невероятия. Пока то да се, я перетащил с десятков снарядов в пустые до этого гнезда на стенках башни, отдав предпочтение бронебойным. Не соваться же на днище каждый раз... Я заранее загнал в пушку фугасный снаряд и разместился на сиденье наводчика. Надо сказать, что если что-то и не менялось в русских танках с времен той, очень давней, войны, так это сиденья экипажа. Как были, так и остались — мелкие и жесткие.

Мои размышления прервало какое-то движение, возникшее на дороге, за кормой КВ. За редкими, заснеженными деревьями замелькало что-то темное, резко выделявшееся на общем фоне. И через минуту пред мои светлые очи, как черт из коробочки, выскочил неровно заляпанный белилами поверх основной серой краски легкий танк Pz-II. Видимо, немцы сочли засыпанный снегом КВ, с повернутой назад башней, брошенным. С ошибочкой вас, граждане гитлеровцы... Ну, железяка ржавая, не подведи... Наведя перекрестие прицела точно в середину лобовой брони немецкого танка, я, затаив дыхание, дернул за спусковой рычаг. Шестым чувством я уловил, как казенник пушки за моей спиной откатился назад, и по днищу звонко брякнула стреляная гильза. Кисло завоняло порохом.

Броня у «двойки» была совсем никакая, и фугасный снаряд легко проломил лобовик этой «спичечной коробки». По немецкой машинке будто вдарили гигантской кувалдой. Взрыва я не увидел. Была какая-то светлая вспышка, после которой «двойку» заволокло темным дымом. Из подбитого танка никто не выскочил. На дороге за дымом маячили какие-то полугусеничные машины — то ли бронетранспортеры, то ли тягачи. Я выдернул из укладки второй, теперь бронебойный, снаряд, но когда дослал и запрыгнул обратно на место наводчика, увидел, что полугусеничники исчезли из поля зрения и вообще дым от подбитой «двойки» застилает панораму «баталии» все гуще. Ладно, «коробка» у меня надежная, и сейчас главное — не спешить. И тут словно кто-то прочитал мои мысли, невысоко над моей головой прошелестел и взорвался метрах в сорока от танка снарядик калибром не менее 75-мм. «Кэвэшку» обсыпало снегом и комьями мерзлой земли — вслед за первым «гостинцем» прилетело еще десятка полтора подобных «подарочков». По счастью, ни один не упал ближе чем в десятке метров от моего танка — мазал неизвестный наводчик, или дым ему мешал.

Но перевести дух мне не дали. Р-Р-Р-Ды-Ды-Ды-Т-Т-Тытых-Дзинь-Блям-Дрр!!! Откуда то из дыма в мою сторону полетели трассирующие снаряды малокалиберной пушчонки — видимо, на каком-то из полугусеничников стояла-таки зенитка. Танк завибрировал от прямых попаданий и взрывов мелких снарядиков, вряд ли способных нанести КВ серьезный ущерб. Но за этими разрывами я услышал в дыму отчетливый лязг гусениц и стал разворачивать башню влево, на звук, не обращая внимания на малокалиберную пальбу по мне. Нет, все-таки одному, без заряжающего — это не жизнь... Так я подумал, когда увидел, что дым от горящего легкого танка сходит на нет и на меня в весьма резвом темпе движутся целых четыре средних Pz-III. Это уже был противник посерьезнее. То есть, может, немецких машин было и больше, но в узком секторе, доступном с места наводчика, я узрел четыре. И, судя по стрельбе за моей спиной, меня уже обошли и бой шел где-то возле самой деревни. До немецких танков было метров пятьсот, и, пока я выбирал цель, по мне выстрелили сразу два танка — снаряды упали с близкими недолетами. Я совместил перекрестие прицела с крайней слева «трешкой» и дернул спуск. Поднятый взрывом снег на минуту скрыл от моих глаз немецкую машину. А когда он осел, я увидел, что танк стоит на месте и за ним тянется перебитая гусеница, а из люков выскакивают черные фигурки танкистов. Я перезарядил орудие. За это время немецкие танки несколько раз попали в КВ. Поднялся жуткий звон и

дребезг, но сквозных пробоин вроде бы не было. Я выстрелил в ближний танк — на сей раз получился эффектный взрыв. Немецкая машина вспыхнула, словно бочка с керосином. Из башни вывалились два танкиста. На одном, по-моему, горел комбез. И здесь я осознал, что два оставшихся танка в этот момент ушли с линии огня. А значит, надо было не перезаряжать, а... Короче, я упал с сиденья на пол боевого отделения и залег мордой вниз, прикрыв голову руками. И здесь в башню КВ ударило с невоспроизводимым визгом и ревом. Удар был такой силы, словно треснула броня. На меня сверху посыпались выбитые из башенных гнезд снаряды и еще какие-то железки. Потом ударило еще пару раз, но такого эффекта уже не было. Я приподнял голову. В танке было сизо от пороховой гари, но в то же время ничего вроде бы не горело. Присмотревшись, я увидел, что в башне, в аккурат напротив места наводчика, образовалась лишняя дырка, через которую на казенник пушки криво падала узенькая полоска дневного света. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что один из немецких танков сблизился на пистолетную дистанцию и шараянул по мне в упор, из своей 50-миллиметровки бронебойным или даже подкалиберным. Ну и пробил, естественно... С чем его и поздравляю... Казалось бы, следовало что-то предпринимать, но... Инстинкт говорил мне, что надо лежать в этой позиции и дальше. А инстинкт — это такая вещь, которой стоит доверять. Это я еще раз понял, когда через несколько секунд услышал над своей головой тоскливый свистящий шелест тяжелых снарядов.

Уже упоминавшийся поэт Твардовский, который назвал в честь меня, здешнего, знаменитую поэму, считал, что солдат, услышав за чужим огнем свою артиллерию, должен испытывать энтузиазм и подъем чувств, переходящий в оргазмические позывы. То есть, по его понятиям, у солдата при этих звуках должны быть полные штаны от счастья. И я действительно чуть не натрухал в штаны, но совсем по другой причине — от искреннего ужаса. Слов нет, хорошо слышать свою артиллерию. Но только если она работает не по тебе...

Я, конечно, было дело, вызывал на себя минометный огонь, но это уже как-то забылось. А сейчас по мне не «ахнула полковая с недалекой огневой», и не «ухнул дивизионной, доброй матушки снаряд». По мне хреначили из калибра не менее 122-мм, и стреляло не меньше дивизиона. Я не знаю, кто это придумал. Может, Дерзилов решил-таки посодействовать мне в нелегком деле геройского отдания жизни за родину, а может, какой-нибудь «Зевс-громовержец» в генеральских чинах додумался до огневого удара по наступающему противнику. Черт их разберет... Во всяком случае, я матерно «поблагодарил» сквозь зубы Дерзилова, пожелав ему чего-то подобного, на всю катушку. Пожелал, как оказалось впоследствии, не зря. В мае следующего года Дерзилов, будучи уже генерал-майором, угодит под бомбежку и попадет в плен — дело будет под Керчью. Через два месяца он умрет в плену, а его имя будет забыто на полвека. И только в 1992-м, когда вместо неправды о войне у нас начнут говорить и писать (правда, ненадолго) полуправду, его имя вспомнят, с тем чтобы через десять лет снова забыть...

Когда лег первый залп, я словно оглох. Когда лег второй, мне показалось, что КВ подлетел метра на три над грешной землей. Потом вдарило в третий раз, и все стихло. На мое счастье, Красная Армия в тот год не страдала избытком боеприпасов. Я высморкался и перелез обратно, на место наводчика. Не знаю, чья это была работа — немецкого подкалиберного снаряда или наших дальнобойных, но прицел был покрыт сеткой трещин и разом помутнел. Опаньки... Правда, через него было видно, что снег вокруг истыкан

глубокими воронками, а Рз-III, не загоревшийся от моего попадания, разбил вдребезги — сорванная башня улетела метров на десять. Я подергал рукоятку поворота башни — без толку. Заклинило. Вообще от близкого гаубичного попадания КВ скособочило. Ну вот, кажется, и все...

Я перелез на место командира танка, где был целый перископ. Открывшаяся картинка была нерадостной. Один из немецких танков стоял вплотную к моему КВ, нацелив пушку мне прямо в лоб. Судя по звукам стрельбы и лязгу гусениц, немцы давно меня обошли и бой, видимо, шел уже в самой деревне. Помирать мне что-то расхотелось, несмотря на большую голову, а вот лапки поднимать... И тут в голове опять возник ехидный голосок, предложивший пошарить вокруг себя. Дескать, тогда в плену веселее будет... В плену и веселее? Не исключая вариант, что я все сильнее слетаю с резьбы, я тем не менее пошарил по днищу перед собой. Руки нащупали тряпку. Поднял, поднес к глазам — не тряпка. Вовсе даже наоборот — командирская гимнастерка, на черных петлицах танки и капитанская шпала. А на груди — мать моя женщина... Золотая Звезда Героя, орден Ленина и какой-то монгольский орден, смахивающий на елочную игрушку. А в нагрудном кармане — удостоверение и партбилет. Чиркнул спичкой — Путилин Семен Васильевич, капитан.

И, что интересно, фото очень похоже на мое, только я на нем чуточку старше выгляжу... Не иначе опять «ббб-го» шуточки. Кто же, кроме него, мог мне такое подбросить. И зачем, кстати? А вот тут все логично. Я попадаю в плен под чужим именем. Что это значит? Все верно — это какая-никакая «свобода выбора», поскольку сержант Теркин не отвечает за то, что делал в плену капитан Путилин... Выходит, это такое нежное, ненавязчивое приглашение в плен?!? Дескать, будучи на той стороне, я снова должен сделать нечто зубодробильное. А что именно — наверное, подскажут, в своей обычной шизофренической манере. В конце концов, почему бы и не в плен? Все равно до «известного мне дня» весны еще далеко... Ох, что-то легко я соглашаюсь на все и сразу. И там, у моста, и здесь...

В общем, переодеться в тесном, холодном и полутемном танке — занятие не для слабонервных. Свою гимнастерку я скомкал и засунул в один из пустых ящиков из-под снарядов. Пока застегивал полушубок, снаружи жизнерадостно заорали:

— Рус, сдавайс!! Рус, капут!!!

Повторного приглашения я ждать не стал.

— Рус, сдавайс!!! — заорал тот же голос. Я скинул шлемофон, напялил ушанку и открыл защелку люка. Возле танка обнаружилось человек десять немецких пехотинцев в белых маскировочных куртках и штанах. У одного за спиной висели баллоны ранцевого огнемета, а еще двое держали по целой охапке ручных гранат. То есть они бы меня выковырнули, как ту черепашку из панциря. Хотя... Я посмотрел на танк, и мне стало нехорошо. Гаубичный снаряд почти попал в цель. С правой стороны КВ словно пожевали и выплюнули. Надгусеничной полки не было, а катки и порванные траки разбросало далеко в стороны — любо-дорого посмотреть...

— Я выхожу! Не стреляйте! — заорал я, высовываясь из люка.

Мать вашу так... Ни фиги себе... Опять, как в Англии, в голове словно включился «синхронный переводчик», и я выдал эти две фразы на, похоже, довольно чистом немецком. Фантастика...

— О-о-о?! — восхитился один из пехотинцев (судя по биноклю, пистолетной кобуре и портупее, это был их командир). — Русский офицер говорит по-немецки?!

— Да! — ответил я, слезая с башни. Ко мне подошли двое солдат, которым я

добровольно сдал свой ТТ, из которого так ни разу и не выстрелил. Я было испугался, что немцы начнут меня линчевать, мстя за своих, погибших в недавнем бою партай- и просто геноссен. Но в глазах солдат не было ничего, кроме любопытства. Так началась моя вторая нынешняя жизнь. А головные боли и сны, непохожие на сны, отпустили меня только через три недели. Причем совершенно внезапно.

Зарекалась свинья говно есть...

Украинская народная пословица из новейших времен

О великой силе убеждения. То, о чем не хочется вспоминать. 21 декабря 1941 года. Офицерский концентрационный лагерь № 1041-45. Район Лодзи. Восточная Польша. Зимний вечер, который трудно назвать добрым.

Условия содержания в этом лагере были довольно сносные. Даже кормили не так чтобы очень плохо. Повара танковой бригады, в составе которой я аж целых пять дней имел честь защищать Москву, кормили подопечных в основном сваренной на воде перловкой. Не скажу, что здесь было хуже. У меня даже не отобрали полушубок, шапку и сапоги. Ох, непростые это были сапоги. Еще чуднее были две пары носков, которые тоже входили в мою «экипировку» и которые я таскал с собой. По виду носки были как тонкие шерстяные, но в холод они грели, в тепле ноги в них не потели, и, самое главное, они не рвались. И стирать их надо было всего несколько минут, в холодной воде, без мыла. По сути, замочил, и через десять минут они уже сухие и чистые... Мечта любого вояки или туриста. Хоть чем-то полезным меня догадались снабдить, уроды... На допросы меня водили часто, но нельзя сказать, чтобы эсэсовским «электрикам» с молниями на петлицах я оказался сильно полезен. Конечно, меня много спрашивали о технических вещах, особенно о конструкции советских танков Т-34 и КВ, их недостатках, серийном производстве и прочем. Я отвечал, как умел, благо специальной литературы я по этой технике прочитал изрядно. При этом я вдруг обнаружил, что мои танкистские навыки куда-то делись. Словно все, даже то, что со мной было раньше, я усвоил из книг, а не видел сам. Эта неуверенность в себе проявилась, когда меня отпустили головные боли и странно-страшные сны. Блин, подведи меня сейчас к Т-55, попроси демонтировать двигатель или хотя бы показать, как это делается, я же облажаюсь на все сто...

В общем, зычный вопль охранника поднял меня с нар на очередной допрос. Между прочим, тринадцатый по счету. В этой связи я резонно предположил, что вот-вот может последовать «предложение, от которого невозможно отказаться», — зря, что ли, они со мной почти месяц нянькались? И, как оказалось, я не ошибся.

В допросной меня ждал, уже знакомый мне по прошлым встречам, капитан вермахта по фамилии Гендель — симпатичный молодой человек с белобрысыми, прилизанными волосами, зачесанными на косой пробор. По техническим вопросам меня обычно допрашивал именно он. У другого стола сидел за пишущей машинкой хозяин этого кабинета, начальник «оперчасти» лагеря, мрачный темноволосый унтерштурмфюрер Бодикер в распоясанном сером кителе. В углу торчал мускулистый молодец в серой нательной рубашке и галифе с подтяжками. Фамилии его я не знал, но звали этого костолома то ли Ханс, то ли Ханни, и был он в чине шарфюрера СС. Использовали этот типичный образец нордического «сверхчеловека» в основном как средство грубого и очень грубого физического воздействия на допрашиваемого. Короче говоря, для нанесения побоев и физических увечий. Ко мне его

по прямому назначению до сего момента не применяли, поскольку я не имел привычки запираяться или вести прокоммунистическую агитацию, корча из себя пионера-героя... Но, как видно, этот «счастливый момент» наступил-таки...

— Приветствую вас, герр капитан, — встретил меня Гендель. — Присаживайтесь. — Благодаря открывшемуся лингвистическому дару общался я с ними по-немецки, хотя Гендель с грехом пополам умел балакать и по-русски. Я сел на предложенный жесткий стул, справедливо ожидая подвоха. Мне сразу бросилось в глаза, что пишущая машинка зачехлена. Обычно все допросы велись под протокол, и на них присутствовал рядовой эсэсовец-стенографист. Выходит, сегодня допрос не для протокола?

— Итак, — сказал Гендель. — Мы с вами уже неоднократно беседовали в этом кабинете, герр капитан. О многом. Не скрою, вы произвели на меня впечатление вполне здравомыслящего человека. Поэтому разговор у нас с вами сегодня будет короткий. Я получил на сей счет четкий приказ из Берлина. Либо мы с вами придем к обоюдной договоренности, либо вы будете отправлены в обычный концлагерь, где, будем реалистами, вы весьма недолго протянете...

Я молчал и делал оловянные глаза невинного идиота.

— Капитан, — продолжал Гендель. — Вы наверняка в курсе, что нами этим летом и осенью захвачено большое количество ваших новых танков Т-34 и КВ в технически исправном состоянии. Мы с вами об этом уже говорили, поэтому вы, я думаю, улавливаете мою мысль. В общем, сейчас тысячелетнему рейху очень нужны специалисты по боевому применению этих танков.

Сказать бы этому олуху царя небесного, что его «тысячелетний рейх» на самом деле протянет всего неполных двенадцать лет — то-то он удивится...

— И против кого ваш тысячелетний рейх собирается эти танки применять? — усмехнулся я.

— Против врагов рейха и фюрера, естественно, — ответил Гендель с милой улыбочкой. — Против кого же еще?

— Я не собираюсь воевать на трофейных танках против Красной Армии, — заявил я твердо. — Во-первых, пойманных за этим «почтенным занятием» расстреливают на месте, без суда. А во-вторых, не забывайте, что я давал присягу...

— Вы в этом уверены, герр капитан?

— Уверен.

Гендель невесело усмехнулся и как-то особенно посмотрел на Бодикера.

— Ханс, приведи, — бросил Бодикер, словно ни к кому специально не обращаясь.

Жлоб по имени Ханс вышел через вторую боковую дверь допросной и через минуту вернулся, толкая перед собой явного моего соотечественника — тоже пленного. Это был явный красноармеец из запасных — мелкий, плюгавый мужичонка лет пятидесяти, из числа тех полутора миллионов, что прошедшим летом остались в многочисленных «котлах» и «мешках». Пленный был без шинели, в грязной, разлезшейся по швам гимнастерке и натянутой глубоко на уши пилотке. Его отощавшие, заросшие густой щетинистой бородой щеки тряслись от страха и холода, а красные, ввалившиеся глаза слезились. Он явно не понимал, где находится и что его, скорее всего, уже фактически нет на свете...

— Мютце аб! — заорал на пленного Бодикер. Тот заученным движением сорвал с головы пилотку и, встав, как мог, по стойке «смирно», подобострастно уставился на унтерштурмфюрера.

— Ире наме! Фамилья! — потребовал Бодикер. Он, как и Гендель, говорил по-русски еле-еле, с чудовищным акцентом. Но для допросов ему подобных поверхностных познаний вполне хватало.

— Военнопленный Микешин! — выдохнул несчастный мужичонка сухими губами.

— Зольдат?

— Так точно, герр офицер!

— Вифиль яре? Сколько тибье льет, зольдат?

— Пятьдесят один год, герр офицер, в июле призвали, а в сентябре в окружение... —

Пленный понял, что сболтнул лишнего, и сглотнул слюну. На его шее мотнулся туда-сюда волосатый кадык. Мне это кино нравилось все меньше и меньше, тем более что финал мне был известен...

— Дъети есть?

— Так точно, герр офицер!

— Вифиль?

— Четверо, герр офицер!

— Гдье твоя семья, Иван?

— Я с Пензенской губернии, герр офицер.

— Ну, капитан, — сказал мне Гендель по-немецки. — Перед вами солдат вашей армии.

Он, конечно, недочеловек и дерьмо — попал к нам, убегая по лесам и болотам. И оружие бросил. Подозреваю, что вам он столь же противен, как и мне. Но ответьте мне, капитан, вам не страшно оставить без кормильца несчастную женщину, а детей без отца?

— Мне жалко семью этого дяденьки, — ответил я как можно спокойнее. — Но что-то я не уверен в том, что вы его не убьете. По-моему, вы, капитан, танатофил...

— О-о-о!!! Вы читали Фрейда или нечто подобное?! А, кстати, что такое «танатофил»?

— Это, капитан, человек, влюбленный в тематику, связанную со смертью, такой некрофил-мазохист. А в более узком смысле — тот, кто получает сексуальное удовлетворение от фантазий на тему собственной смерти и погребения... И, кстати, Фрейд вашего я не читал...

— Нарываетесь? — спросил Гендель зловеще. — Ну-ну...

Возникла пауза. Пленный при этом бросал на меня и Генделя испуганные взгляды. Он ни слова не понимал из нашего диалога, но спинным мозгом чувствовал, что речь идет о нем. Я при этом не покривил душой — у Генделя появилось какое-то особенное выражение глаз. Такое я видел только у нашего «самооборонного» контрразведчика Вити Батюшкова во время допросов. По моим понятиям, Батюшков был законченным садистом, хотя... Когда-то он был погранцом, замначальника заставы где-то в Таджикистане. Когда все началось, заставу после жестокого боя вырезали душманы, а Витя попал в плен. Там ему переломали ребра, отрубили два пальца на левой руке и вырезали на спине пятиконечную звезду (я сам видел этот чудовищный фигурный шрам). Однако он как-то сбежал и через четыре месяца добрался до фронта. Помню, как он допрашивал пленного летчика со сбитого Су-17. Летчик этот весьма технично нанес по нам РБУ, а на крыльях «сушки» были намалеваны цветастые эмблемы Казахского исламского халифата. Ну да, «Шилки» и не таких приземляли. Звали того летчика Леня, и был он откуда-то из-под Полтавы. Типично славянская была морда... И Батюшков тихо и лениво спрашивал, хочет ли Леня жить. И Леня кивал в ответ. А в глазах Батюшкова было то самое странное выражение — такой недоперебродивший напалм... А сутки спустя я видел этого Леню еще раз. Висел Леня на перекладине ржавого турника вниз

головой, и не было у него ни кистей рук, ни ступней, ни глаз, ни гениталий. Был он голый и холодный, и крови под ним натекла ну очень большая лужа...

— Ханс! — коротко, словно сплюнув сквозь зубы, приказал молчавший до этого момента Бодикер.

— Не надо!!! — заорал благим матом пленный, приседая и закрывая руками лицо. Здесь я увидел в руке Ханса здоровенный «люгер», он же «парабеллум». Как видно, пистолет он достал из кармана — кобуры при нем не было... Выстрел треснул как-то тихо, и я его не сразу услышал. Я только увидел, как пленный мешком упал на пол, а по дощатой стене барака позади него стекают карминовые брызги.

— Вы животное, Бодикер!! — взвизгнул Гендель. — Я же просил делать это на улице, а вы опять загадили весь кабинет!!

— Так нагляднее, — усмехнулся Бодикер. Стоявший с опущенным пистолетом Ханс довольно улыбался, павиан... На выстрел в допросную с улицы всунулся рядовой эсэсовец из внешней охраны, в шинели и каске, с автоматом и изготовленной к ближнему бою рожей. Увидев, в чем дело, кликнул еще одного подобного себе, и они за ноги выволокли убитого через заднюю дверь. На полу остались большая багровая лужа и мятая пилотка без звездочки.

— И какая необходимость была в том, чтобы его убивать? — поинтересовался я, когда труп убрали. — Хотите, чтобы я чувствовал за собой какую-то вину? Думаете, измены Родине мне мало?

— А никакой, — ответил Гендель честно. — Просто вы должны понять, что сейчас вы нужны Великой Германии и до ваших психологических экзерсисов мне дела нет. Наш метод очень действенный, это проверено. У нас тут, по соседству, есть обычный пересыльный лагерь для военнопленных. И, скажу вам по секрету, за дверью ждут еще девять человек, которых коллега Бодикер привез сюда заранее. Все они такие же пожилые, обремененные семьями люди. Всего их было десять. Как сами понимаете, патронов у Ханса хватит. Собственно говоря, мы можем не умничать далее, а просто отвести их к колючей проволоке и расстрелять скопом из пулемета. А вас поставить рядом, на предмет любования, предварительно объявив казнимым, что причина их смерти — вы, капитан. А потом Бодикер может съездить за еще одной партией расходного материала, как вам такой вариант? Будем и дальше дурака валять?!

— А если и будем, тогда что?

— Да неужели, капитан? Что-то я так не думаю. Кстати, могу вас успокоить. Пока что трофейные танки мы собираемся использовать в Северной Африке, а отнюдь не на Восточном фронте.

— А сразу вы не могли об этом сказать, капитан?

— А что, смена театра военных действий что-то изменит в вашей жизненной позиции? О-о, да вы, капитан, как я погляжу, не любите англичан с американцами?!

— Допустим, не люблю. И что из этого?

— А с чего бы это, а, капитан? Ведь этот полуеврей Рузвельт и старый алкаш Черчилл сейчас ходят в лучших друзьях у вашего усатого азиата. У них вроде даже «коалиция» против нас...

— Это пока война, а там — кто его знает...

— Вы считаете, что война скоро кончится?

— Даже раньше, чем вы думаете, капитан...

— Ладно, довольно, эта пикировка никому не нужна, — повысил голос Гендель. — Вы будете сотрудничать или нет?

— Ваше неверие меня обескураживает, — в тон ему усмехнулся я.

— Неверие во что? — опешил Гендель. Он-то это кино не видел...

— Неверие в скорое окончание войны и в то, что победа, с большой долей вероятности, будет не за вами...

— Вы мне надоели, чертов идиот!!! — заорал Гендель, теряя терпение.

— Да черт с вами, — ответил я как можно спокойнее. — Давайте, что там у вас полагается подписывать в таких случаях...

Гендель, довольно ухмыляясь, пододвинул мне лист бумаги — стандартный бланк «обязательства о сотрудничестве», куда заранее впечатали все мои данные. Подмахивая «папир», я подумал, что эти парни, как ни крути, профессионалы. Куда там Карбышеву с его холодным душем на морозе... Впрочем, все-таки всплыла одна аналогия — шпион Скорин (он же Олег Даль) из древнего совкового сериала «Вариант Омега» (если что в этом сериале и было хорошего, то это песня в исполнении того же О. Даля в конце каждой серии, а так кино было довольно бредовое). У него на глазах злой гестаповец Калягин (уже смешно) пытал какого-то то ли пленного, то ли партизана. И одно дело пытки, а совсем другое — когда из-за твоей несговорчивости убивают живых людей, совершенно в этих делах посторонних. И я не знаю, выдержали бы нервы у настоящего капитана Путилина (если он, конечно, существовал на самом деле), попади он в этот переплет вместо меня. Хотя там, откуда я пришел, этот метод не прокатил бы. У нас люди отчего-то быстро стали закоренелыми эгоистами, и убить собственную немощную бабку, дабы освободить место в кузове грузовика для жратвы или тряпок, считалось в порядке вещей. Там и я вел бы себя по-другому, но на этой войне я был человеком посторонним, живущим под чужой личиной и используемым «втемную» непонятно кем. По идее, при таком раскладе можно выделять что угодно, но... Убитый мужичонка был не абстрактный, а один из тех самых не то двадцати, не то двадцати шести миллионов. Нет, ребята, не надо на меня чужую кровь вешать, не нужна мне такая честь...

— Подписали? — спросил Гендель ласково и подмигнул Бодикеру. Тот вроде бы не сделал ни одного резкого движения, но за стенкой барака коротко татакнул MG-34 с вышки... Я почувствовал, как у меня на глазах закипают злые слезы бессильной ярости. Эстет... Чистоплюй фигов... Думал, что они тут люди тонкой душевной организации... Не с людьми воевали тогда наши деды, ребята, ох не с людьми...

— Не везти же их было назад, этих девятых... — пожал плечами Гендель.

Подозреваю, что смотрел я на него в этот момент мутным взглядом серийного убийцы. Уже потом, чуть позже, когда я имел удовольствие стрелять в арийцев из разных стволов большого и малого калибра, мне очень хотелось, чтобы пуля или болванка «благословили» именно Бодикера, Генделя или Ханса. А еще позже, в следующем веке, я отправил-таки запросы относительно Генделя и Бодикера в немецкий Бундесархив, благо их имена-звания-возраст я запомнил. Как выяснилось, Гендель до нашей победы, которую я ему предсказал, не дожил. За месяц до высадки союзников в Нормандии его легковушку издырявили, словно дуршлаг, английские истребители-бомбардировщики. Стрелять пилоты «Спитфайров» умели, и из машинешки никто не спасся. Дело было в районе Кале. Внучка и какие-то правнуки Генделя проживают в Дуйсбурге. Бодикер до нашей победы дожил, но ему это ни капли не помогло. Чем-то он там отличился осенью 1944-го при подавлении Словацкого

национального восстания. То ли убил народу сверх нормы, то ли деревеньку-другую спалил... И, хоть сдался он в плен к янкесам, те его осенью 1946-го передали чехам. А те бывшего гауптштурмфюрера СС Бодикера Курта Ульриха судили и 3 января 1947 года, с плохо скрываемым удовольствием, повесили в тюрьме города Братислава, о чем в архиве обнаружился соответствующий отчет с подробностями. Сведений о родне и потомках Бодикера я найти не смог. Что касается Ханса, то этот индивид для меня остался неизвестным, поскольку я не знал ни его фамилии, ни отчества. Может быть, его подвесили на подвернувшемся суку какие-нибудь балканские или белорусские партизаны, или суровый военный трибунал воздал ему за все его художества. А может быть, он до сего дня коптит небо — кушает протертую кашку на молоке в каком-нибудь германском доме для престарелых и жутко негодует по поводу того, что эти гады русские попирают права человека и не желают строить демократию... Бог ему судья...

— Ну, вот и славно, герр капитан, — сказал Гендель, убирая подписанный документ в папку. — Я лишний раз убедился, что некоторые большевистские офицеры не лишены совести и кое-каких принципов. Кстати, капитан, скажите, почему подобные методы совершенно не действуют на ваших генералов и этих, как их...

— Комиссаров, — подсказал Бодикер.

— Вот-вот, комиссаров. Почему смерть собственных солдат их в большинстве случаев нисколько не трогает. При этом стоит Хансу с десяток раз вдарить им по обнаженным ягодицам куском резинового шланга или посадить на недельку в карцер без жратвы, и они тут же ломаются, как сухие поленья. Почему так, капитан?

— А разве у вас полагается брать в плен комиссаров? — искренне удивился я. — Ваш фюрер вроде бы приказал их шлепать без суда!

— Ох, капитан, ну и вопросы вы задаете. Если бы мы шлепали всех коммунистов, то начали бы с Тельмана, — невесело усмехнулся Бодикер. — А он, да будет вам известно, сидит в тюрьме Шпандау. И потом, в вашей армии такое дикое количество этих самых комиссаров, что их планомерная ликвидация повлечет за собой совершенно недопустимый бесполезный расход боеприпасов. Да и солдаты наши, увы, либеральничают и берут в плен кого попало... Я уже не говорю, что каждый третий солдат у вас — коммунист, а каждый второй — так называемый комсомолец...

— И чему вы удивляетесь, господа? Наш нынешний генералитет чертовски здорово подготовлен именно к таким вещам, будучи не подготовлен ко всему остальному. Слышали про 1937-й и последующие года? Чем вы хотите испугать людей, которые обрекали на смерть и пытки своих товарищей? Тот же маршал Блюхер сначала судил Тухачевского, а позже его самого забили до смерти на допросе по совершенно аналогичному обвинению (я умолчал о том, что в СССР был человек, который судил всех подряд начиная с середины 30-х. Звали его Василий Ульрих, и был он главным прокурором Красной Армии. Самое смешное, что он умудрился умереть своей смертью...). Эти люди, если их можно так назвать, и от собственных жен с детьми отрекались без малейших угрызений совести. А жены с детьми, соответственно, от них. И вы хотите, чтобы на них произвела впечатление смерть нескольких простых красноармейцев? Да они этого в изобилии насмотрелись на Карельском перешейке, или еще раньше, на Перекопе, или на Кронштадтском льду. А вот пинок по своей любимой, жирной заднице — это для них весомый аргумент. Свое, знаете ли, сильнее болит... Хотя я подозреваю, что вам удастся сломать далеко не всех. Кстати, а откуда, собственно, здесь советские генералы и комиссары в генеральских чинах? Я в этом

лагере видел разве что каких-то «сентябрьских» польских генералов или «маршалков» в опереточных мундирах...

— Вы правы, капитан, ломаем мы не всех, но генералы ваши тут есть и, думаю, еще будут. И согласитесь, что когда единственной альтернативой является Аушвиц, лучше все-таки пойти на сделку с совестью, а, капитан?

— Идите вы к бую, унтерштурмфюрер, — сказал я по-русски, и Бодикер явно меня не понял.

На лагерный двор я вышел уже без конвоира, уже не как пленный, а как «добровольный помощник» оккупантов. Мне предстояло собрать нехитрые манатки и поутру ехать с Генделем куда-то под Бреслау, на какой-то их бронетанковый полигон. На душе было гадостно. С темного, беззвездного неба сыпался ленивый снежок, покрывая крыши бараков, вышки, колючую проволоку на изоляторах и окрестные картофельные поля. У проволоки лежали десять еще неостывших тел. Один из них, видимо, тот, убитый первым, торчал чуть в стороне. Меня, конечно, трудно удивить большим количеством трупов. Почему-то вспомнился райцентр Зерибашево после химического удара. Ох, сколько там было народу... Кроме жителей, еще беженцы и наши вояки — они лежали так густо, что объехать их было нельзя, и траки ПТ-76 чавкали прямо по трупам, скрюченным на проезжей части. Газ был новейший, быстродействующий, и мы были уже без ЗК и намордников. Хотя намордники от этой импортной пакостной химии не спасали... Так вот, там ничем не пахло, только кровью от раздавленных тел. И мне начало казаться, что этот запах начинает чувствоваться и здесь. Ощущение это было, конечно, ложное, но я понял, что начинаю нешуточно заводится. А делать глупости было еще рано. Хотя мне, конечно, оставалось только отомстить за этих десятерых. Больше я им ничем не мог помочь — даже похоронить не имел возможности. Что ж, всему свое время.

Что же мне, век по этой пустыне мотаться?!

Товарищ Сухов. Из к/ф «Белое солнце пустыни»

Африканский крюк. Непонятно прибавляется. 23 февраля 1942 года. Северная Африка. Где-то в Западной пустыне. +40 градусов в тени. Очень жарко.

Я сидел на обломке глинобитной стены, посреди бескрайних песков, озирая в бинокль окрестности, и дивился сюрреализму происходящего. Позади меня, замаскированный среди каких-то руин библейского возраста, стоял покрашенный в желтые цвета немецкого Африканского корпуса советский танк Т-34 с черно-белым балочным крестом и белой пальмой роммелевских частей на броне. Рядом с танком умывались из канистры два загорелых фрица в одних плавках и пилотках. На горизонте поднимались к знойному синему небу столбы черного дыма, но никакого движения в пустыне не было. Видимо, главные силы англичан прошли стороной или вообще заблудились по дороге.

Однако обольщаться не следовало, тем более что ехидный голосок под моей черепной коробкой уже дня три советовал мне готовиться к чему-то эпохальному и одновременно нехорошему. Списывать голосок на жару, переутомление и общий дебилизм мне не хотелось. А, собственно, что мы тут делаем? Наш «штурмовой взвод» из двух Т-34 и одного КВ сформировали еще в начале января. Командовал этим балаганом капитан Вансовский, а русских в нем, кроме меня, числилось аж двое. Какому такому гитлеровскому штабному гению пришло в голову посылать это «сверхмощное» формирование на усиление корпуса Роммеля, я, наверное, не узнаю никогда. Надо полагать, английские джентльмены, уже получавшие от доброго дядюшки Рузвельта «Гранты» и «Стюарты» тысячами, должны были громко пукнуть и разбежаться от одного нашего вида. Тем более что до Бенгази доплыл только один Т-34. Остальные потонули вместе с транспортом — и «штурмовому взводу» пришел кирдык. При одном танке осталась команда в шесть человек (включая меня и Вансовского), а командование Африканского корпуса явно не знало, что с нами делать. Мы в основном гоняли наш танк туда-сюда, причем в основном ночами, из соображений секретности. Вот и сейчас нас за каким-то послали в разведку. Хотя, по-моему, какой-нибудь легкий броневик тут был бы более уместен. В общем, пока что голосок в моей голове посоветовал мне зарядить пушку и быть начеку. Обдумав это предложение, я неспешно полез в танк. Там было особенно жарко и душно, никто из моих немецких «коллег» там старался не засиживаться без особой надобности. Зарядив орудие, я услышал, как ожила рация.

— Герр капитан, вас на связь! — заорал я, высунув голову из башенного люка. Из библейских руин выскочил капитан Вансовский, подтягивая ремень модных офицерских шорт. Он схватил радионаушники, несколько раз каркнул в микрофон «яволь» и приказал экипажу занять места по боевому расписанию. В экипаже, кроме нас, было двое — механик-водитель Фосс и «специалист широкого профиля» ефрейтор Розенхайм. Еще два «героя» из нашего взвода отдыхали в госпитале по причине дизентерийной дристини.

— Иван, — приказал мне Вансовский (Иваном меня здесь именовали исключительно

для удобства). — Сядешь за наводчика.

— Яволь! — ответил я, и танк тронулся, давя эти самые библейские руины гусеницами. А может, они и не были библейскими. Просто в этих местах все отчего-то выглядит или древним, или очень старым.

— И куда мы, господин капитан? — поинтересовался Розенхайм, размещая свою задницу на сиденье заряжающего.

— Передали данные авиаразведки, — отозвался Вансовский с места стрелка-радиста. — На северо-восток от нас обнаружено несколько английских броневиков и колонна автомашин. Приказали перехватить.

При ремонте над местом наводчика нашего Т-34 поставили командирскую башенку от Pz-III, что отчасти улучшало круговой обзор. Почувствовав некоторое беспокойство, я полез в командирскую башенку. Приподнявшись в ней, я увидел сквозь грязный стеклоблок песчаные дюны, пыль из-под гусениц и какие-то старые автомобильные колеи впереди нас.

— Наводчик! Противника не видно? — поинтересовался Вансовский.

— Никак нет! — ответил я ему.

После этого минут на двадцать установилось молчание. Минут двадцать мы ехали по старой колее, а потом она вдруг оборвалась.

— Внимание!! — вдруг сказал голос под моей черепной коробкой. Это был уже не голосок, а нормальный мужской голос. У меня внутри все упало — именно этот голос я тогда слышал на зимней дороге. Выходит, это тот самый странный тип, который говорил, не открывая рта. Выходит, это он здесь в игрушки играет?

— Слушай меня, — сказал голос. — Это не бред от перегрева и не последствия черепно-мозговой травмы. Все вопросы потом, а сейчас четко делай то, что я тебе говорю. Минут через пять слева в твоём секторе обстрела покажется небольшая глинобитная постройка. Ее нужно уничтожить, и желательно с одного выстрела.

И голос отключился. Поскольку времени уже не было, я начал поворачивать башню влево.

— Иван, ты чего?!? — спросил удивленный Розенхайм. — Англичан увидел? — Ему не терпелось повоевать по-настоящему. Англичан он пока что видел только пленных.

— В чем дело, наводчик? — услышал я голос Вансовского. — Я ничего не вижу!

— Там что-то есть!! — возразил я уверенно.

— Да где??? — удивился Вансовский. — Я отсюда ни черта не вижу!!

И тут я явственно увидел свою цель. В перекрестие прицела всплыло нечто, похожее на глинобитную башенку, без малейшего намека на окна или вход. Это квадратных очертаний сооружение приткнулось к склону холма и было почти неразличимо на общем окружающем фоне. Словно кто-то подал мне команду «Огонь!». Я дернул спусковой рычаг, наблюдая, как вспышка разрыва заволакивает постройку. Попал-таки, с первого выстрела.

— Иван, мать твою!! — заорал снизу Вансовский. — Ты куда стреляешь, раздолбай славянский!!

Я открыл было рот, но тут произошло нечто невообразимое. Там, где еще не осела пыль от разрыва, вдруг полыхнуло. Это было абсолютно беззвучно, но... Не знаю, с чем сравнить мощь этой вспышки — все равно что тебе в глаза направили и неожиданно включили мощную лампу. Очень мощную... Сетчатку моих глаз мгновенно заволокло красной пеленой.

На мгновение в танке стало тихо, только ревел двигатель. Т-34 продолжал ползти

вперед. А через секунду и механик, и Вансовский истошно заорали. Немцам, конечно, далеко до русского мата, но тем не менее... Их вопли в основном касались взрыва и сопутствующего ему славянского тупоумия, а также моих близких родственников и половых отношений между ними. Понять всю подлость случившегося было нетрудно — механик смотрел на вспышку в свой перископ, а Вансовский — в прицел пулемета. То есть из четырех членов экипажа трое мгновенно лишились зрения. А может, и четверо — у заряжающего тоже есть перископ... Видимо, оценив ситуацию, Вансовский заорал:

— Все с машины!!!

Я, ничего не видя, откинул крышку башенного люка и ощупью скатился по борту и надгусеничной полке на горячий песок. Сквозь рев двигателя (танк остановить никто не догадался!) я слышал, как, похоже, оставшийся зрячим заряжающий пытается вытянуть из машины Вансовского. Механик, судя по воплям, застрял, выбираясь через свой передний люк.

В последующие несколько минут я лихорадочно тер глаза, слушая нецензурные крики арийцев и удаляющийся рев танкового дизеля. Было слышно, как Вансовский поносит механика за то, что тот не остановился. А потом где-то за пределами моей бедной черепной коробки рвануло. Глухо, но очень сильно — раз, другой, третий... А потом рвануло еще раз, но с такой силой, что ударная волна ощутимо тряхнула меня. Чисто инстинктивно, спинным мозгом, я ощутил, как надо мной пролетают какие-то железки. Стало жарко. По-видимому, меня слегка оглушило. Но, когда слух вновь прорезался, я не услышал ни воплей, ни шума движка. Зато явственно завоняло горелой резиной и соляжкой.

Не знаю, долго ли продолжалась моя слепота, но скоро застилавшая глаза багровая пелена начала светлеть, а потом пейзаж начал обретать прежние очертания. Зрение возвращалось. Будьте вы прокляты, сволочи! Атомную бомбу вы тут заховали, что ли? Сквозь слезы я увидел, что все вокруг застилает дегтярно-черный дым. Не надо было долго соображать, чтобы понять, что это горит наш танк, а точнее, то, что от него осталось. По песку тянулась сорванная гусеница, чуть в отдалении лежали два катка и еще какие-то куски. Башню взрывом боекомплекта выдрало с мясом из корпуса и отшвырнуло метров на сорок. Искореженный внутренним взрывом корпус весело полыхал метрах в пятидесяти от меня. И горел он столь весело, словно был не танком, а большой бочкой с бензином. Осмотрев «пейзаж после битвы», я понял, что случилось. По-видимому, вокруг расстрелянной мной непонятной построечки имело место быть минное поле. После того как мы попрыгали с машины, неуправляемый танк, тупо ползя вперед, последовательно наехал на три противотанковых мины сразу, после чего в нем сдетонировал боезапас.

Здесь я вспомнил наконец о своих арийских «коллегах» по экипажу. «Коллеги» обнаружили неподалеку, и по неестественности их поз можно было понять, что смерть нашла-таки немецко-фашистских захватчиков. А значит, бог не ф्राер. Фосс лежал ближе всех ко мне, лицом вниз, широко раскинув руки. На его бритом черепе даже издали был виден солидный пролом, из которого на песок текла густая черно-красная субстанция. Видно, мозги ему осколком перемешало... Вансовский лежал шагах в десяти от Фосса, на боку, с открытыми глазами. Видимых ран на его мундире (и когда он его успел надеть? В танк садился в одних шортах...) не было, но из ушей на воротник тянулись спекшиеся струйки крови. Я пощупал ему пульс — пульса не было. Дальнейший беглый осмотр подтвердил полное отсутствие сердцебиения и дыхания. Вансовский был мертвее мертвого. Третий труп — Розенхайма — лежал навзничь, в непосредственной близости от горящего

корпуса «тридцатьчетверки». Видимо, он, вняв воплям Вансовского, бежал за танком, пытаясь его остановить. Чем и куда именно его убило, понять было невозможно — мундир на нем тлел, а лицо и руки были покрыты сплошной черной коркой. Видимо, его обдало горящим топливом...

В изнеможении я сел на песок. Сволочи... Все сволочи... Оказаться одному среди этой долбаной африканской пустыни и не иметь ни фляги с водичкой, ни даже банального пистолета, дабы застрелиться, — все наличное стрелковое оружие разнесло вместе с танком. Вравили меня неизвестно во что. Здесь я подумал о том, что взорвавшееся «нечто» могло иметь атомную начинку, и мне здорово поплохело. Хотя, если бы взрыв был атомным, мы бы зажарились в своей коробке, как те шкварки. Но если там было, скажем, ядерное топливо, и не банальный уран-235, а какой-нибудь кобальт с периодом полураспада не 50-100, а всего каких-нибудь жалких 2500 лет... Черт возьми!!! И ведь определить ничего нельзя — здесь еще слова такого «радиоактивное заражение» не выучили и элементарных приборов не придумали пока... Н-да... Пока ощущения обычные, но когда волосы полезут, что-то соображать будет уже поздно... Да и фиг с ним... И здесь у меня вдруг возникло отчетливое подозрение, что все мое появление здесь, плен и эта африканская одиссея под знаменами вермахта были всего лишь ради того, чтобы я оказался в нужном месте в нужное время и разнес-таки эту неизвестную хреновину. Впрочем, понять, что я такое взорвал и зачем, мне было явно не дано. Оставалось решить, что делать дальше. А то я сам себе напоминал пушкинскую старуху у разбитого корыта... В актив себе я мог записать только отрадный факт — в вермахте, вследствие моих художеств, стало на трех человек списочного состава меньше. То есть можно считать, что я на этой войне побывал не зря...

Сплюнув сквозь зубы горькую слюну, я еще раз окинул взглядом «поле брани». Остатки танка продолжали дымить и вонять. Солнце начинало садиться за край земного круга, ставя передо мной во весь рост проблему ночевки в открытом поле без шинели. Начал я с того, что решил устроить этим фашистским нелюдям нечто вроде похорон. Правда, у меня даже штык-ножа не было, не говоря уже про лопату... Я забрал у Вансовского документы и согласно немецкой традиции забрал у всех убитых половинки нашейных посмертных медальонов (у меня, кстати, такого жетончика не было). После этого я отволоч тела в оказавшуюся поблизости то ли яму, то ли старую неглубокую воронку. Там я кое-как засыпал трупы песком и камнями, образовав над ними некое подобие небольшого, но радующего глаз курганчика. В курганчик я воткнул оторванную взрывом с корпуса танка штыревую радиоантенну. На антенну сверху нацепил пилотку Вансовского. Подозреваю, что братская могила получилась не ахти какая, но это все-таки было лучше, чем ничего. Стянув с головы кепи тропического колера, постоял с минуту над курганчиком. Много кого мне приходилось хоронить, но вот чтобы немцев из вермахта — это точно в первый раз. Кажется, еще Константин Симонов писал, что у танкистов одна машина на всех, а вот судьба и смерть обычно разные. Золотые слова... Этим троим не повезло. Они могли бы вообще остаться в живых, если бы не мой снайперский выстрел... Ладно, сказал я себе, в конце концов, это были враги, и не фиг над ними сопли распускать. Они могли и на Восточный фронт попасть. Может быть, я кого-то из своих предков от верной смерти спас?!

Я натянул кепарь и побрел восвояси по нашей колее. Интересно, что подумают англичане, найдя в пустыне горелый Т-34? Хотя, скорее всего, никто его не найдет, эти пески прятали и не такие тайны... А лет через тринадцать в этих местах появится такое количество советской техники, что ржавый остов Т-34 уже никого не удивит...

Я брел по закатной пустыне и думал о том и сем, о чем придется. К примеру, о том, что все байки англичан насчет грандиозной африканской кампании гроша ломаного не стоят. В боях за какой-нибудь райцентр Котельниково или станицу Тацинская на дальних подступах к Сталинграду обе воюющие стороны задействовали больше сил и средств, чем здесь, на всем протяжении кампании. К тому же за те деревни под Сталинградом драка шла от силы несколько недель, а значили они в истории Второй Мировой войны больше, чем все эти трехлетние африканские ковыряния союзничков в песочке. Зачем Роммель вообще сюда приперся? Спасать итальянцев от полного разгрома. И спас-таки, пустив своих людей в бой с колес, не имея времени переокрасить танки в желтый цвет и переодеть танкистов в тропическую форму с шортами... Спас он дуче — и что дальше? Что он должен был делать? И что он мог, имея в лучшие дни под своим командованием штук 7–8 дивизий, из которых 4 были облегченно-колониальными, «легкого» типа? И, что интересно, никто не задумывается о том, что вся война в Северной Африке шла на узкой, прибрежной полосе, так сказать, на пляже, а также о том, что там не было ничего решительно интересного для захватчиков. Промышленности и сельского хозяйства там нет. Важных промышленных центров — тоже, здесь французские Алжир с Марокко куда интереснее (почему, кстати, янки высаживались именно там). Там была разве что парочка второсортных портов, и все. Стратегический интерес, скажете вы? Может быть, только никому отчего-то не приходило в голову, что Роммель, даже взяв Каир и оседлав Суэцкий канал, не мог их долго удерживать и развивать успех. Не с его хилыми силами... Он потому и не углублялся в Западную пустыню, что у него элементарно не было людей и транспорта хотя бы для того, чтобы посадить мелкие гарнизоны в оазисах, возле колодцев. Чтобы у Роммеля что-то получилось, нужно было, чтобы все шло иначе. К примеру, если бы вслед за Критом пали Мальта и Гибралтар, у Гитлера был бы свой (а не импотентный итальянский) флот на Средиземном море. Или японцы дошли бы до берегов Африки, высадив десант на Мадагаскар... Но ничего этого не случилось, и Манштейн с Паулюсом не подгребли навстречу Африканскому корпусу со стороны Кавказа. Конечно, «Лис пустыни» был талантливым импровизатором, но не более того. На одной выдумке далеко не уедешь... А на него навалилось все Британское Содружество, а впоследствии еще и американцы. Англичане, похоже, совсем не понимают, придурки, что, расписывая свои тяжелые и кровавые победы над Роммелем, они выставляют себя на посмешище. Тут достаточно просто вникнуть в терминологию. У Роммеля был Африканский КОРПУС, а у англичан против него 8-я АРМИЯ. Разницу чувствуете? И хороши же их «героические» вояки, с «гениальным» Монтей во главе — воевать при пяти- и десятикратном превосходстве не накладно, тем более что танки-самолеты им оптом везли из-за океана. Так что не надо стопроцентно верить голливудским фильмам о подвигах лихих командос в песках Африки и книжкам в ярких обложках. Бывают, знаете ли, враки и поинтереснее...

Я не заметил, как вышел к «библейским» развалинам, откуда мы выехали. Здесь меня и застала ночь. На экваторе темнота приходит внезапно. Вроде только что солнце было над горизонтом, вдруг бах — и сразу все погружается в черноту. Над пустыней сразу же повисли яркие звезды — созвездия тут расположены не так, как у нас, в России, да и Луна тут выходит откуда-то с другой стороны — это я за время пребывания здесь успел заметить. И куда мне было вострить лыжи дальше? Хотя где-то у горизонта я различил цветное мельтешение, видимо, от автомобильных фар. Немцы, англичане, да какая, на фиг, разница? Если немцы — доложу, как было, с вычетом некоторых подробностей, а если инглишмены

— сдамся. Мне уже не привыкать в плен попадать...

С тем я и двинулся в сторону огоньков на горизонте, топча песок своими диковинными сапогами. Удивительно, но и в Африке они показывали себя с лучшей стороны... Пейзаж вокруг был самый что ни на есть непрезентабельный. Что, скажите, хорошего в ночных барханах и холмах? Поэтому я снова глянул на звезды. Эх, хреново я астрономию учил, не знаю, где какое созвездие... Отчего-то вдруг вспомнился старый советский фильм «Безымянная звезда» с молодыми Вертинской, Козаковым и Костолевским. Вот уж герой Костолевского точно знал все созвездия. Он же там, кажется, какую-то темную звезду открыл методом вычисления? Или нет? Красивая была история, из предвоенной румынской жизни... Кстати, а вы никогда не пробовали додумать этот сюжет дальше? Советские фильмы, кстати, очень способствовали этому. Они порой обрывали сюжетную линию в совершенно непредсказуемом месте. Возможно, виной тому «гениальность» режиссеров или исчерпание лимита отпущенной на ту или иную «нетленку» пленки. Во всяком случае, этот «творческий прием» здорово развивал воображение... Что же касается меня, то сюжет «Безымянной звезды» я для себя давно додумал. Хотите, поделюсь? Только вот на откровенные сцены у меня фантазии не хватит — лезет в голову пошлость из плохих копий фильмов Тинто Брасса... Так вот, ничем хорошим в моем представлении герои «Безымянной звезды» не кончили. Потому что у них впереди были война, диктатор Антонеску и прочее. Учитель астрономии Марин Мирою наверняка, как в те времена полагалось, был офицером запаса и летом 1941-го уехал на Восточный фронт в качестве лейтенанта румынской артиллерии. Последняя весточка от него пришла в ноябре 1942-го из-под Калача-на-Дону... С тех пор его никто не видел. Правда, вернувшийся осенью 1946-го из советского плена бывший путевой обходчик Яким говорил, что весной 1944-го видел учителя Мирою на пересылке под Котласом, и, по его словам, учитель вступил в дивизию имени Тудора Владимиреску. Правда, судьбу учителя это несколько не прояснило... А с красавицей Моной Мирою больше не виделся никогда — весной 1943-го она уехала в Париж с каким-то майором, офицером связи из люфтваффе. Что с ней стало потом — не знает никто. Ее «папик», которого звали Григ, исчез из Бухареста еще раньше — в конце 1940-го его видели в Стамбуле, а потом — в Каире. Говорили, что он потом уехал в Южную Америку и стал миллионером, где-то в Рио или Монтевидео... Мадемуазель Куку, которую Григ дразнил Эсмеральдой, была функционером по вопросам просвещения и потом, уже при Антонеску. Это ей потом и припомнили — в 1949-м ее осудили как «пособницу старого режима», и в середине 1950-х она умерла на строительстве канала Дунай — Черное море... А гимназистка Элеонора Зенфиреску, которую мадемуазель Куку хотела исключить из гимназии, позже вступила в компартию и доросла до немалых высот. Вот только умерла она в начале 1990-х, в нищете и безвестности, как «последовательница и соратница кровавого диктатора Николае Чаушеску». Вы спросите, а как же остальные? Да ради бога, только не ждите хеппи-энда, городок-то, где происходило действие «Безымянной звезды», стоял на железнодорожном маршруте Бухарест — Синая. А это, ребята, одна из основных артерий, по которой в войну гоняли цистерны с нефтью — кровью войны... Ну и, соответственно... Короче, в декабре 1941-го одиночный советский ночной бомбардировщик типа ДБ-3Ф сбросил на городок и станцию несколько бомб. Особого ущерба этот налет не принес, но одна из бомб попала в универсальный магазин господина Паску, похоронив под руинами его самого и всю семью. А в апреле 1944-го «Либерейторы» 15-й воздушной армии США пробомбили город и станцию днем и более основательно. Было снесено полгорода, погибло

много жителей, в числе которых были начальник станции Испас с семьей, учитель музыки Удря и другие. Такой вот правдивый, но мрачноватый финал этой истории я для себя придумал, пока брел по ночной пустыне. Скажете, я сгущаю краски? Ни фигя подобного, ребята, это же происходило в Восточной Европе, а там обычно по-другому не бывало, что румын возьми, что венгров с поляками...

Я не знаю, как долго я шел. Тем не менее набрел я вовсе не на англичан. В свете фар передо мной обнаружились броневики разведбата 5-й легкой дивизии «родного» Африканского корпуса. Дальнейшие разбирательства были недолгими, и через три дня все, что осталось от «штурмового взвода» (меня и двух немчиков в обдристанных мундирах), транспортным бортом отправили в Европу. Тех двоих надо было лечить от амебной дизентерии, а меня, как подозрительное лицо неарийской расы, оставлять на фронте было никак нельзя — вдруг убегу? В общем, очень скоро я опять оказался на полигоне под Бреслау, понимая, что, похоже, моя служба в вермахте подходит к концу. А в воздухе уже пахло весной...

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ № 1.

Потом я много раз рассматривал это фото, его часто публикуют — товарищ Гитлер осматривает один из первых серийных танков Pz-IV с длинноствольной 75-мм пушкой. Обычно подпись к этой фотке гласит, что дело происходит в Берлине. А на самом деле было это вовсе не в Берлине. Фото было сделано на полигоне в районе Бреслау, а точнее, в одном из цехов ремзавода при этом полигоне, 22 марта 1942 года. Скажу больше — чаще всего публикуют слегка увеличенную центральную часть снимка, где геноссе Адольф Алоизович в белом, парадном кителе, окруженный отеснившей толпу эсэсовской охраной, слушает объяснения каких-то военно-промышленных шишек. В числе них, помимо прочих, угадывается Альберт Шпеер (интересно, что в наших фильмах вроде «17 мгновений весны» он выглядит почему-то престарелым и молью траченным, хотя на самом деле герр Альберт был довольно моложавым дядькой, да и вообще, нацистские лидеры были мужичками, далекими от мазама. Может, цензоры из Политбюро, принимавшие фильм, действительно равняли Гитлера и компанию по себе? Черт его знает...). Так вот, если взять «полную» версию этого снимка, с необрезанными краями, слева, в отдалении, не совсем в фокусе, за спинами вырядившихся по поводу приезда фюрера в лучшие костюмы сотрудников испытательного центра, можно в числе прочих рассмотреть голову в пилотке. Так вот, это был я, в тот момент носивший фамилию бывшего капитана РККА и предателя Родины Семена Путилина. Я, в свежестыранном комбинезоне и новой пилотке без кокарды, стоял, как последний идиот, в толпе ликующих врагов и почти в упор разглядывал самого главного врага... Ощущал я себя при этом как минимум шукшинским Бронькой Пупковым... Действительно, было верхом идиотизма стоять в двадцати шагах от самого натурального Гитлера, имея из личного оружия только горсть завалившихся в кармане гаек... Н-да, это было невыносимо... Казалось бы, один выстрел — и войне конец. Но что-то подсказывало мне, что война бы от моего выстрела не кончилась. И, коль скоро ствола или гранаты у меня с собой не было, у меня на этой войне были иные цели и задачи. Так оно и оказалось.

Кто-то поставил на мне пробу. Знать бы только, кто этот «кто»...

Вячеслав Бутусов, «Берег»

Тот самый день весны. Обрато под красные знамена. 9 мая 1942 года. Окрестности полевого аэродрома люфтваффе в районе города Кардымово, Смоленская область. Солнечно. Время обеда.

Тот, кто написал песню про то, что «все стало вокруг голубым и зеленым», как видно, имел представление о предмете. Ранней весной сквозь зеленый дым свежераспустившейся листвы действительно еще проглядывают серо-голубые стволы деревьев. Это потом зеленый цвет в лесу забивает все прочие — и так до осени. Именно такой ранневесенний лес был вокруг меня сейчас. Правда, лес был еще сырой, и в дорожных колеях под подошвами моих диковинных сапог (воду они, кстати, не пропускали совершенно) хлюпала жидкая грязь. Припекало солнышко, комары и прочая летуче-кровососущая сволочь еще не вылупилась, и оттого на душе было хорошо. Хотя, по большому счету, радоваться было нечему.

В самом начале апреля меня зачем-то перевели в подразделение, занимавшееся постройкой и реконструкцией аэродромов. Тодтовская строительная шарашка тогда сформировала немало подобных подразделений из всевозможных «неполноценных», вроде поляков или русских пленных. Причина была проста (я-то это знал наверняка) — гитлеровцы начали испытывать дикую нехватку буквально во всем. Поэтому они сочли, что рыть канавы вдали от линии фронта может и не вполне лояльный «спецконтингент» — лишь бы копали как надо... Официально наш «стройбат» подчинялся люфтваффе, и занимались мы расширением и реконструкцией бывшего советского осоавиахимовского аэродрома, где теперь базировались транспортные «Юнкерсы». В батальоне было около двухсот человек, все из бывших советских. Большинство из них подались в «добровольные помощники», имея перед собой только одну реальную альтернативу — сдохнуть. Народ был разный, в том числе и такой, который еще искренне верил в победу немцев. На меня, как на бывшего командира и коммуниста, пошедшего на службу к врагу, большинство смотрели косо. А что сделаешь, если после недолгого африканского «анабасиса» я был у немчиков на хорошем счету?

Вообще мысль перебежать обратно, к своим, уже неоднократно приходила ко мне в голову, но... Прибыли мы сюда в апреле, когда вокруг была не просто грязь, а грязища. А до фронта отсюда было километров двести с лишним и, как говорили в одной книге, «все лесом»... Да и фронт еще в конце зимы остановился. И я-то точно знал, что до весны будущего года на этом участке фронта перемен не будет. Так что дотопать до линии фронта две сотни верст по майской грязи, да так, чтобы не поймали, — это вы меня увольте... Был шанс (об этом говорили те, кто занимался аэродромными работами прошлой осенью), что, когда дороги подсохнут, немцы начнут активничать. А значит, нас должны будут послать строить полевые «аэродромы подскока» в непосредственной близости от линии боевого соприкосновения. Вот оттуда уже, наверное, можно будет свалить «без шума и пыли». Но

когда это будет — большой вопрос.

А пока что нынешний день был до боли похож на предыдущие. После завтрака (половинная норма техсостава люфтваффе, лишенная «приварков», сахарина к желудевому эрзац-кофе и других элементов истинно арийского рациона) мы копали канавы по сторонам дороги, километрах в пяти от основной площадки аэродрома. Наступило время обеда. Нашу бригаду землекопов (а точнее, грязекопов) погрузили в грузовик, но тут мне крупно не повезло. Приехавший на грузовике обер-фельдфебель Пинкель вдруг приказал начальнику нашего конвоя выполнить один приказ. Оказалось, что идиоты-связисты потеряли в лесу две катушки с кабелем и шест. Проблема была в том, что проезжей дороги возле телефонной линии (она шла по деревьям и шестам-подпоркам) не было — только пешеходная тропа. Понятно, что связисты, не желая чапать по грязи, в последнее время объезжали линию на идиотской полугусеничной таратайке, именуемой «Кеттенкрад» (в общем-то, мотоцикл-внедорожник, официально считавшийся у немцев однотонным тягачом). Именно разъезжая на этой таратайке по кустам, они и потеряли где-то возле линии свои причиндалы. Хватились они, только приехав в расположение, и тут, как назло, в их таратайке что-то сломалось. Идти пешком им не хотелось (тем более обед, а это в любой армии святое), и они вышли из положения подобным образом. В общем, наш конвойный начальник ефрейтор Аршбрехнер приказал рядовому Кауфману взять с собой в качестве носильщиков одного-двух «этих скотов» (он кивнул на нас) и идти искать означенный кабель. Аршбрехнер не любил Кауфмана, а Кауфман недолюбливал меня за то, что я, прекрасно понимая немецкий, прикидывался идиотом или глухим (смотря по обстоятельствам), но один раз все-таки обложил Кауфмана «тупой задницей» на прекрасном баварском диалекте. Достал он меня тогда... Понятно, что при таком раскладе Кауфман взял с собой меня.

В общем, все уехали, а мы потащились месить грязь. Искать драгоценные катушки с кабелем предстояло вдоль всей линии (место пропажи эти идиоты, естественно, не запомнили)... А значит, нам предстояло гулять по сырому майскому лесу несколько часов. Радовало то, что снег уже сошел полностью и лес был не болотистый. Партизанами здесь тоже не пахло, что должно было особо радовать Кауфмана.

Так что мы гуляли. Кауфман (как и все в здешнем батальоне аэродромного обслуживания) был пожилой, отдышливый и сивоносый. Спотыкаясь в колдобинах, он вполголоса ругал последними словами Аршбрехнера, меня и свое невезение. Ему очень не хотелось есть свой обед остывшим и запивать его остывшим желудевым кофе. Мне бы его проблемы... Тропа возле телефонного кабеля оказалась вполне проходимой, только связисты изрядно разъездили ее своей тарыхтелкой. Там и сям тропу пересекали довольно глубокие следы гусениц. Однако, по моим российским меркам, это было более чем ничего. Катушки с кабелем и шест мы нашли довольно быстро, думаю, и часа не прошло. Они валялись довольно далеко от тропы, но, поскольку кабель был оранжевого цвета, заметить потерю среди молодой зелени было нетрудно. Я слазил за казенным имуществом, а Кауфман якобы страховал меня, даже не удосужившись снять с плеча свою маузеровскую винтовку. Навьючив на меня катушки и шест, он погнал меня вперед, поминая в спину разными поносными словами, самым приличным из которых было «русская свинья». Так мы и шли некоторое время. А потом я поймал себя на мысли, что уже несколько минут не слышу позади себя ебуков Кауфмана, его тяжелого дыхания и чавканья грязи под подошвами его сапог... А потом у меня за спиной лязгнуло. Уж не затвор ли? Что-то не хотелось мне расставаться с жизнью в этом лесу, в солнечный майский день... Инстинктивно я встал как

вкопанный. И правильно...

— Руки! — сказали у меня за спиной по-русски, тихо, но сурово. Я сронил висевшие на спине катушки с кабелем в грязь и поднял руки.

— Повернись!! — потребовал тот же голос. Я медленно повернулся. Блин, прав был дедушка Гайдар (который Аркадий Петрович): Красная Армия никогда не ждет, пока ее позовут. Она всегда приходит сама... Пятеро оказавшихся передо мной личностей, несомненно, принадлежали именно к данному формированию. Тот, кто отдавал мне команды, был невысокого роста, с небольшими усиками, в немецкой офицерской форме и пилотке, поверх которой он напялил камуфляжную рубашку эсэсовского образца (так что его погон я не видел), в наших сапогах и с немецким автоматом MP-38/40 на изготовку. Еще трое, стоявшие за его спиной (при этом один смотрел в противоположную от меня сторону — страховал тылы), выглядели как-то стандартно — здоровые, коротко остриженные, плечистые парни. Выражение лиц у них было тоже довольно стереотипное, я бы сказал, «одноразовое» выражение посланных на задание нижних чинов ВДВ (на них я в свое время насмотрелся). Двое были в таких же, как у командира, камуфлированных рубашках. Двое в немецких куртках-штормовках горнострелкового образца — и при этом в совершенно «левых» штанах (или это у них были прыжковые комбезы?) и сапогах. Двое с MP-38/40, двое с ППД. Все с рюкзаками. Один из этой троицы, состроив на лице что-то вроде улыбки, вытирал о сапог лезвие длинного ножа, а на левом плече у него болталась винтовка Кауфмана... Но интереснее был пятый член команды — невысокая темноволосая девушка с короткой стрижкой, в такой же, как у других, немецкой штормовке и свитере. Автомата у нее не было, зато была кобура на поясе и зеленый ящик рации за спиной. Как все стереотипно... Во времена моего детства был такой тупой совковый псевдобоевик «Ответный ход» (прославленный тем, что в нем впервые явили публике доселе жутко секретный перехватчик Су-15). Так вот, там три орла-разведчика, здоровые мужики, Галкин, Спиридонов и Волонтир, взвалили самый тяжелый предмет своей экипировки (рацию) на плечи бедной девки-радистки (фамилию актрисы, увы, запамятовал), а сами шли налегке и строили всевозможные планы. Здесь, похоже, была та же картина. Я присмотрелся к радистке. А ничего фемина, симпатичная. Было в ней что-то от голливудской актрисы Аннет Бенинг, только эта была моложе и глаза не синие, а какие-то зеленоватые... Потом радистка повернула голову, и я понял, что поторопился сравнивать ее с заезжей американкой. Почти идеальное «в фас» лицо при взгляде в профиль уже не казалось столь правильным — подбородок маловат, губы, наоборот, великоваты, нос короткий, курнос и вздернут. Короче, не голливудское личико, увы...

— Руки опусти! — скомандовал командир разведгруппы (а что это именно разведгруппа, я уже ни капли не сомневался), покончив с моей «игрой в гляделки». — Ты русский?

— Русский. А с кем имею?

— Капитан Козлов.

— Капитан кого?! — Повисла секундная пауза. Один из бритых гоблинов за спиной капитана явственно хихикнул.

— Капитан Козлов, — повторил капитан твердо. — Армейская разведка. А ты, петух мохноногий, из приклатенных, что ли?

— Если Родина прикажет, у нас приклатенным или даже блатным становится любой!

— А без байды?

— А без байды и метафор — старший сержант Теркин.

Девка с рацией усмехнулась, видать, видела-таки этот дурацкий мультфильм... И кто меня за язык тянул, мог бы и Путилиным назваться...

— Не Василий случайно?

— А как вы догадались?!

— Блин, вот с кем познакомиться пришлось... И где... Ты, Василий, как в плен попал и когда?

— Как попадают...

— А чуть подробнее?

— Прошлой зимой, под Москвой. Танкист я, а теперь вот канавы копаю, во славу ихнего фюрера...

— Нравится?

— Что «нравится»?

— Ну, канавы для оккупантов рыть.

— Да все лучше, чем в концлагере сдохнуть. Вы лучше скажите, зачем вы дяденьку кокнули?

— Какого такого «дяденьку», фигов ты племянничек?!

— Ну, того, что за мной шел, с винтовкой.

— Конвоира, ты хочешь сказать? Так нет его более, вон он, в кустиках валяется... А тебе что — его жалко?!

— Да господь с вами, капитан. Я просто подумал, что вам его для начала надо было допросить, а уж потом кончать...

— Ну, извини. Мы решили, что русский нам в этой ситуации больше поможет. Да и в немецком мы не очень...

«Кто же вас за линию фронта послал, оболдуев этаких», — подумал я. И мысленно поблагодарил бога за то, что сегодня был правильно одет. На мне была поношенная советская форма без петлиц и пилотка без звездочки в сочетании с моими диковинными сапогами и замызганной донельзя спецовкой черного цвета. А вот если бы я напялил на себя предписанный уставом рабочий комбез общелюфтваффовского образца, меня тоже могли бы подколоть, не задавая вопросов...

— И в чем я вам должен помочь? Может, я не хочу?

— А ты думаешь, у тебя выбор есть? Поможешь — возьмем тебя с собой, к своим, и замолвим словечко. А нет — положим рядом с твоим «дяденькой». Как тебе такой вариант?

— Я смотрю, капитан, Москва по-прежнему в своем репертуаре?

— В смысле?

— В смысле — бьет с носка под дых и плакать не велит... Ладно, спрашивайте, чего вам там надо...

— Аэродром далеко?

— Если идти по кабелю — километра три. В обход леса по дороге — дальше.

— И что там есть, на вашем аэродроме?

— Наш стройбат, батальон аэродромного обслуживания, рота охраны и батарея малокалиберных автоматов по периметру. Столовая, склады, бензохранилище. Из самолетов утром было штук двадцать Ю-52. Они через нас всякую фигню к фронту возят, от запчастей к моторам до пассажиров. Ну и было несколько «Шторьхов» и прочая мелочь. Плюс к этому тягачи да бензовозы...

— Наших на аэродроме много?

— А вы никак хотите восстание поднять? — спросил я предельно ехидно, вспомнив почти дословный вопрос, заданный О. Бендером в «Двенадцати стульях» на заседании «Союза меча и орала». И тут же пожалел об этом — судя по выражению лица капитана, это был тот самый момент, когда я мог схлопотать от него автоматную очередь. На этот раз не в спину, а в грудь. И правильно, не стоит болтать всякую чушь перед нервными людьми с оружием. Не фиг...

Накал обстановки разрядили вдруг раздавшиеся вдалеке длинные пулеметные очереди.

— А это что такое? — удивился капитан.

Здесь надо оговорить, что километрах в пяти от основного аэродрома находилась еще одна грунтовая ВПП, ранее, видимо, принадлежавшая санитарной авиации. Там даже ангар с довоенных времен сохранился... Так вот, все время, пока я тут находился, почти каждую ночь одиночные советские ночные бомбардировщики (наши «знатоки» определяли в них по звуку ДБ-3) бомбили аэродром и находившуюся километрах в десяти узловую железнодорожную станцию. Правда, они все время мазали, но на психику давили здорово. Поэтому еще до нашего прибытия на эту соседнюю площадку посадили пару тяжелых ночных истребителей Ю-88. Немецкие «ночные волки» неплохо там обустроились, даже импровизированный тир для наземной пристрелки вооружения оборудовали (именно эту стрельбу мы и слышали). Немцы летали на перехват почти каждую ночь, но на моей памяти пока что никого не сбили. И слава богу...

— Это «ночники» фрицевские оружие пристреливают, — пояснил я. И коротенько объяснил капитану, что тут, почему и зачем.

— Вот их-то нам и надо, — сказал капитан, едва дослушав. — Ты на их площадке бывал?

Здесь я понял, что крупно влип. Тон капитана, равно как предстоящая боевая задача, оптимизма мне почему-то не внушали...

— Взорвать, что ли, чего хотите? — спросил я. — Только для этого у вас, на мой взгляд, взрывчатки маловато. В трех рюкзаках много не унесешь...

— Ты смотри, еще один «специалист» по диверсиям выискался на мою голову!

— Почему «еще один»?

— Да за линией фронта, в штабах, таких теоретиков хоть попой ешь. Все всё знают, а как до дела доходит... — и капитан сплюнул.

— Что поделывать, в армии бюрократов всегда больше чем достаточно. Так что взрывать будем, гражданин капитан?

— А на фига нам чего-то взрывать? — усмехнулся капитан. — Наша задача — угнать ночной истребитель из-под носа фашистов.

— Всего-то делов?! Я думал, вы Гитлера собираетесь выкрасть... А можно маленькое уточнение, гражданин капитан?

— Ну, какое такое «уточнение»?

— Давеча вы тут пообещали, если помогу, взять меня с собой...

— Ну, обещали, и что?

— А то, что в ихний Ю-88 влезает от силы четыре человека. Тут и вам-то мест не хватит... А мне значит финку в бок, а тело в кустики?

— А ты далеко не дурак, товарищ Теркин. Однако могу тебя утешить. Для нас идеальный вариант — угнать оба их истребителя. У нас здесь трое пилотированию обучены.

И вообще, неизвестно, как там все сложится...

Здесь я понял, что со своим вопросом попал в самую точку. Капитан, похоже, был вполне готов положить всю свою группу, выполнив это задание. Психология армейских разведчиков во все времена одинакова...

— Так что посоветуешь? — спросил меня капитан. — Ты на той площадке давно был?

— Недели полторы тому назад. Ящики с патронами разгружал.

— И как там?

— Ну, попасть туда легче, чем на основной аэродром. Заборчик вокруг хилый, подходит проселочная дорога. На въезде шлагбаум и караульная будка, куда подведен телефон. Охрана — два-три человека. Обычно они ни хрена не делают и толкуются возле будки. Смена караула — раз в сутки. Кроме них, там обычно находится человек десять авиаторов, в том числе один летный экипаж.

— Почему один экипаж?

— Насколько я понял, у них одна машина стоит в ангаре, в полной боевой готовности, а на второй в это время ведутся регламентные работы. Судя по пальбе, они сегодня поставили один из «Юнкерсов» на пристрелку оружия. Хотя, по-моему, у них бывает и наоборот — боеготовая машина стоит на улице, другая — в ангаре. В любом случае летают они поодиночке. Пару «ночников» я здесь в полете ни разу не видел...

— Как туда лучше попасть?

— Вам прямо сейчас или как?

— Желательно.

— Так, часы у вас есть? Сколько сейчас на ваших чугунных?

— Четырнадцать часов тридцать шесть минут, — четко объявил капитан.

— Так. На базе обед начинается в два — два десять. И мы с моим покойным «дядей» на него опоздали. Но «ночникам» жарчку возят в термосах, на машине. Пока наполняют, пока погрузят, пока довезут. В общем, обед у них там начинается где-то на полчаса позже, чем на основной площадке. И судя по тому, что они только что стреляли, обед им еще не привезли...

— Ну и какой из этого вывод?

— А такой, что с минуты на минуту им привезут хавчик, и они на час прервут все занятия — сядут у ангара или в ангаре — жрать и пить свой эрзац-кофе. Все, исключая, наверное, одного часового, который будет сидеть в караульной будке у телефона...

— И что?

— А то, что лесом мы до них за полчаса дочапаем. А там уж дело ваше. Надеюсь, вы достаточно круты, чтобы завалить десяток фрицев. Кстати, их пристрелочная стрельба вам только на пользу — на основном аэродроме на выстрелы обратят внимание далеко не сразу. Так что?

— Веди, — усмехнулся капитан. — Раз короткую дорогу знаешь...

И я повел. Порядок следования был такой — впереди я, за мной тот гоблин, что зарезал Кауфмана, потом капитан, радистка и еще двое гоблинов. Судя по тому, что я производил в лесу больше шума, чем эти пятеро, ребята были очень неплохо подготовлены. Перебежками я довел их до дороги. Услышав шум автомобильного мотора, мы залегли. Из-за поворота, в сторону основного аэродрома, протрюхал пятнистый грузовик-полупотроха французской марки «Пежо» — в кузове среди пары термосов скучал зольдатык в поварской белой куртке поверх мундира. Значит, обед привезли и раздали. Что ж, кажется, мы вовремя... Перейдя

дорогу, мы пошли дальше вдоль ее обочины, и, наконец, за деревьями стала видна цель нашего марш-броска. У опущенного въездного шлагбаума никого не было видно, дальше виднелся ангар, развернутый хвостом к нам «Юнкерс» и грузовик-бензозаправщик. Людей видно не было — как видно, все обедали в ангаре. Капитан жестами приказал нам залечь и послал одного из гоблинов к шлагбауму. Тот вернулся минут через десять, не больше...

— В будке один часовой, — доложил гоблин громким шепотом. — Чего-то жрет из котелка. Остальные в ангаре — слышно, как они там гомонят. Но сколько их там точно — определить нельзя...

Капитан сделал какой-то невыразительный жест рукой, и двое гоблинов бесшумно ушли вперед. Мы двинулись за ними следом, стараясь не шуметь. Подойдя почти вплотную к будке, мы снова залегли. Через минуту капитан сделал успокаивающий жест рукой. Можно, дескать...

Проволочное ограждение вокруг этой ВПП, похоже, поставили еще в прошлом году, как попало и до морозов. С того времени столбы и вовсе перекосило, а редкая колючая проволока (2–3 вертикальных ряда) проржавела насквозь и провисла. Во всяком случае, под нижним рядом колючки можно было спокойно проползти. Даже не по-пластунски, а на четвереньках. Что мы и сделали.

Как именно и когда эти гоблины успели снять часового, мне было совершенно непонятно. Но результат был налицо — часовой без каких-либо видимых повреждений организма мешком лежал в углу караульной будки. И был он явно непоправимо мертв. Его винтовка осталась стоять прислоненной к стенке, возле телефонного аппарата, а на хилом подобии стола (скорее это была просто доска, прибитая к стене караульной будки в виде полки) еще стоял котелок с чем-то желтоватым и ложка. В котелке, как я понял по запаху, был любимый местными гитлеровскими кулинерами гороховый суп-пюре с мелко покрошенным копченым беконом. Жратва еще не остыла. Я вспомнил, что с утра был не жрамши, и у меня заурчало в желудке. Хотя до еды ли было, теперь-то?

Нет, часового ребята, безусловно, сняли технично. Не то чтобы я по жизни сильно уважал профессиональное людобойство как «достойное джентльмена занятие», но и в этом ремесле (как и во всяком другом) попадают мастера своего дела. Я-то в этом смысле всегда был любителем. И не скажу, что контактное убийство кого-то голыми руками или, скажем, холодным оружием может доставить мне удовольствие. Со мной такие досадные казусы случались всего несколько раз. Причем убиенные были сами кругом виноваты, а я при этом был, говоря культурно, «не в себе» и никаких подробностей потом вспомнить не мог — мне об этих моих «подвигах» со вкусом и деталями рассказывали друзья-сослуживцы...

— Останешься здесь, — сказал мне капитан зловещим шепотом. — На случай чего...

И он со значительным видом (дескать, амнистия вам, гражданин Теркин) протянул мне маузеровскую винтовку убиенного Кауфмана. Я открыл затвор — патроны были на месте. На полке в будке завалилась пара запасных винтовочных обойм. Их я тут же переправил в карман своей спецовки — мало ли... Между тем орлы-разведчики живенько скинули свои рюкзаки и сложили их у стены караульной будки. Туда же отправилась и рация.

— Охраняй, — приказал мне капитан. — А если кто чужой из ангара выскочит — стреляй.

— Так точно! — ответил я шепотом, воистину ощутив себя служебной собакой. Пристроив ствол винтовки на бревно шлагбаума для удобства при стрельбе с упора, я присел

на приступочку у будки. А разведчики уже ломанулись к ангару, из полуоткрытых ворот которого был слышен разноголосый гомон. Капитан и гоблины двигались двумя парами. Радистка с массивным «парабеллом» в руке держалась позади них, страхуя тыл. Все вроде шло по плану (если таковой у них, конечно, вообще был).

И тем не менее момент, когда бравы ребятаушки разом вломились в ангар, я как-то упустил. Они почти мгновенно исчезли из поля моего зрения. Все, включая радистку. А через секунду в ангаре ударило сразу несколько автоматов и захлопали одиночные выстрелы. А еще через какие-то три-четыре секунды из ангара выскочили трое. И я сразу увидел, что это, увы, не разведчики. Впереди бежал молодой офицерик, в фуражке и серо-голубой служебной форме люфтваффе. Он был без оружия. Следом за ним бежали двое в синих рабочих комбезах техников. У одного из них в руке был «вальтер», а у замыкающего «процессию» — автомат. Впрочем, из ангара, в спину «автоматчику», тут же слитно хлопнули три одиночных выстрела. И он неуклюже рухнул навзничь, не успев сделать и десятка шагов. А вот двое оставшихся героев люфтваффе кинулись в мою сторону. Явно торопились добраться до телефона. Ну, «Теркин, друг, не дай осечки...»

И знаете, не дал. Где-то могу этим даже гордиться. Задержал дыхание и первым выстрелом снял того, что был с «вальтером». Он кувыркнулся на землю. Я передернул затвор, выбросив стреляную гильзу и следующим выстрелом «успокоил» офицера, который, видимо, так и не успел ничего понять в происходящем. Видя, что эти двое лежат и не двигаются, я поднялся из-за будки, дослал патрон в патронник и, взяв винтовку наперевес, двинулся к ангару. При ближайшем рассмотрении оказалось, что офицеру я умудрился угодить прямо в лоб, под козырек фуражки. Специально так хрен попадешь... У технаря с «вальтером» еще мелко подергивалась нога. Ему моя пуля попала в горло, явно перебив что-то жизненно важное. Кровищи с него успело натечь весьма изрядное количество... Из ангара не доносилось никаких внушающих оптимизм звуков, и я, онемев от нехороших предчувствий, вошел внутрь.

Ну, сказать, что внутри была бойня, я бы, пожалуй, не рискнул, но... В общем, немецких гадов оказалось значительно больше, чем я предполагал. Среди поваленных скамеек, технических стремянок и складных столиков в лужах крови, их чертова горохового пюре и эрзац-кофе (или это было какао?) лежали в неестественных позах три немца в полетной форме (в кожанках), четверо в служебной офицерской и одиннадцать в комбезах и спецовках техсостава. Плюс к ним трое на улице и часовой. Итого — аж 22 вражьих трупа. Минус четверо наших... Капитан и все три гоблина тоже лежали на полу ангара, абсолютно без признаков жизни.

Эх вы, «парни, которым будет вечно по двадцать»... Те, «кто прославил десант», мать его за ногу... Сколько раз я уже видел, как погибают вояки из ВДВ, и ну никак не могу к этому привыкнуть. По-моему, эти парни никогда и нигде не осознавали, что служат в самых мифологизированных войсках. Ведь наши советские ВДВ ни разу (!) за всю их длинную историю не смогли применить так, как это было написано в уставах и отражено в военной доктрине. У тех же немцев, по крайней мере, были Крит и Голландия, у американцев — Нормандия, у англичан — их убудочная Арнемская операция (где они тем не менее высадили на парашютах и планерах целую дивизию с частями усиления). А у нас? Несчастливая Вязьма — громкая, надолго оставшаяся в военной истории неудача. Днепровский десант — тоже стопроцентный, совершенно идиотский, провал, хотя, конечно, менее громкий... А потом, и во взбунтовавшейся Венгрии в 1956-м, и в не хотевшей ходить

строим Чехословакии в 1968-м, и в бессмысленном Афганистане, нашу десантуру всегда высаживали только посадочным способом. Парашюты у нас существуют для больших учений и прочей показухи. Вообще в советских ВДВ, если кто не помнит, в реальных боевых условиях никогда не высаживали с парашютами больше батальона. Есть, конечно, полумифические истории про Анголу и прочую Эфиопию, но это все явные сказки и пьяные байки. А успешно наш десант отчего-то воевал только там, где использовался как самая обычная пехота (в Афгане, например), на обычных БМП, в обычных касках и тяжелых бронеках. Без понтов и прочих голубых беретов (там, откуда я пришел, голубой цвет беретов был изрядно скомпрометирован недолженными псевдовояками из войск ООН и их действиями, к тому же сей головной убор был поводом для ускоренного отстрела его носителя). Вообще на моей памяти десант всегда посылали в самое что ни на есть пекло, словно их отцы-командиры не осознавали, что войны все-таки обычно выигрывают нормальная пехота и танкисты. И что без их успеха, а равно и без артиллерии, ВДВ — ничто, звенящая пустота, мыльный пузырь. Потому что броня у них (все эти их пресловутые БМД и БТР-Д) даже против пуль всегда была никакая, ПВО и собственная артиллерия — тоже. Снаряжение у них всегда было скорее прыжковое, а не пехотное. Боеприпасов они при себе обычно таскают до обидного мало — отсюда и гибнут пачками. Зачастую — героически, как их и учат. Собственно, это — как раз главное, чему их учили и учат. Но реально я ни разу не видел, чтобы батальон ВДВ со штатным оружием устоял в поле против такого же числа обычных пехотинцев, усиленных, скажем, батареей минометов и взводом танков. На моей памяти подобные эксперименты всегда очень плохо кончались... Хотя что это я? Может, эти ребята вовсе и не из ВДВ, а, скажем, работают по линии ГРУ? Черт его знает... Ладно спите себе, братцы... За вас теперь можно разве что отомстить.

В ангаре я неожиданно узрел еще один повод для удивления. Позади тел убиенных стоял двухмоторный самолет, но это не был знакомый мне уже Ю-88. Эта машина, окрашенная в стандартные «ночные» черно-серо-зеленые цвета, была несколько других очертаний и с двухкилевым хвостовым оперением. Из носовой части пилотской кабины торчали наружу металлические «веточки» тонких антенн. По-моему, это был какой-то вариант ночного истребителя с РЛС на базе «Дорнье-215» или «217». Дела... Интересно, откуда он здесь взялся?

Между тем единственным уцелевшим бойцом разведгруппы оказалась радистка. Она, как оказалось, сидела в неудобной позе на каких-то ящиках у самолета и явно пыталась мне что-то сказать.левой рукой она с силой зажимала живот в области пряжки поясного ремня, и пальцы этой руки были залепаны красным. Закинув винтовку на плечо, я подошел к ней.

— Н-наши как? — спросила она заплетающимся языком.

— Вашим, то есть нашим, кирдык, — ответил я, наклоняясь над ней. — Полный и окончательный. Ихним, впрочем, тоже. В общем, полное Ватерлоо под Полтавой... — Она всхлипнула и замотала головой.

— Ремень расстегни, краса моя ненаглядная, — потребовал я.

Она сняла ремень с кобурой и расстегнула куртку. Задрал ее свитер на животе, я понял, что хорошего тут, похоже, мало и я опять влип. Сушите весла, сэр... Девочку ранило в живот. Одна, скорее всего, пистолетная, пуля, левее и ниже пупка. Аккуратная такая дырочка, крови, в общем-то, мало. Фигово... Спросил ее, есть ли чем перевязать. Она достала из кармана куртки индивидуальный перевязочный пакет.

«Ох, и не везет же мне с бабами на войне», — подумал я, бинтуя радистку. Как только

они получают кусок рваного железа в мякоть и начинают плача и икая помирать в страшных мучениях, я тут как тут оказываюсь в свидетелях и, я бы даже сказал, непосредственных участниках очередной трагедии. Сплошная долбаная танатофилия вперемешку с некрофилией... Какой-нибудь маньяк-извращенец на моем месте был бы только рад. А мне от всего этого только дурные сны и ворох воспоминаний, которые так и хочется стереть из памяти...

Ни к селу ни к городу я вспомнил нашего «лейб-медика» Светлану Дитлову. А точнее, ее смертельное ранение во время последнего ночного налета. Случай, кстати, чем-то похожий на нынешний. И ведь орал же ей, когда началось, дура, чтобы легла и не мельтешила. Но она меня, похоже, не услышала, тем более ее санитарный КУНГ загорелся чуть ли не первым... И, вместо того чтобы залечь и по возможности отстреливаться, она начала играть в военно-полевого хирурга Пирогова (было такое древнее черно-белое кино). Она бегала, пыталась командовать, доставала народ из горящих машин, требовала оказывать помощь раненым и еще много чего. И все эти бабские истерические прыжки и ужимки происходили в момент, когда вокруг нас вилась самая натуральная стальная вьюга из этих суббоеприпасов. Я потом в импровизированном санбате увидел целый тазик этих игольчатых стрелок из начинки вертолетных НАРов. Толщиной они были со стержень от шариковой ручки, только оперенные и из какого-то очень твердого на ощупь металла. Потом выяснилось, что при разлете их скорость была чуть ли не сверхзвуковая и эти «иголочки» пробили бортовую броню БТР-70. Сколько этих стрелок наша энергичная Дитлова в конечном итоге поймала себе в живот — не знаю, не считал. Когда после окончания налета опомнились, стали считать убитых и тушить технику, она вдруг обнаружилась сидящей на корточках. Живот свой она намертво обняла обеими руками, но кровь из него буквально струилась по ее сапогам на снег. Никогда такого не видел... Когда мы стали ее перевязывать — Рустика стошнило. Н-да... Живот ей тогда изодрало, как картонный лист при попадании дробью. Все смешалось — живая плоть, ватная подкладка куртки, дерьмо из кишок... Внутренности почти что свешивались наружу, а уж какой запах был... Знаете, как пахнет содержимое распоротого живота, да еще в тесном, замкнутом объеме бронетранспортерного боевого отделения?! Я бы тогда тоже блеванул, да было нечем... А когда мы Дитлову перевязали, ей стало больно уже по-настоящему. Шутка ли, у нее в кишках засело несколько таких офигенных «подарочков». Пока мы ее везли по колдобинам, на нашей КШМ, был сплошной театр ужасов. Мы тогда долго искали какую-нибудь медицину и извели на Дитлову весь наличный запас обезболивающих средств. И хоть бы хны, даже промедол ее, похоже, не брал. И до самого операционного стола в этом сраном санбате она была в полном сознании и страшно мучилась. А уже на столе вырубилась и в сознание не приходила, только стонала и кричала в забытьи. Мы ей и в этом состоянии кололи что-то, но тоже, похоже, без толку. Задерганный хирург студенческого вида сразу сказал — умрет... Но это «кино» я до конца, слава богу, не досмотрел...

Или другой эпизод, из более ранних времен. Была у нас в «батальоне» такая танкистка Маринка Швец. Она с еще одной девкой (Иркой ее звали, кажется, а вот фамилию я запомнил или вообще не знал) составляли «образцовый женский экипаж». Благо в Т-80 автомат вместо заряжающего стоит — не обязательно пудовые снаряды самому туда-сюда перекидывать. Все, что я (да и все у нас в части, похоже) знал о прошлой жизни Маринки — у нее папа белорус. А вообще ничего девка была, неглупая. Рыжая. Высокая, почти красавица. И воевала поначалу тоже неплохо. Вот только как-то на шоссе у

Курбангулиева пришлось нам вести совершенно идиотский встречный бой с какими-то «независимыми» на таких же, как у нас, «восьмидесятках». Один танк Маринка тогда подбила, но не заметила второй и схлопотала два прямых попадания подряд. В общем, Ирка, видимо, сгорела вместе с танком. А Маринку то ли выкинуло из башенного люка, то ли она смогла сама выползти. Но, увы, не целиком. Ее левая нога выше колена в наличии отсутствовала... Ну, перетянули мы ее культю жгутом, перевязали... Хотя понятно было, что крендец... И повез я ее на БМП к медикам. И самое поганое — обезболивающего у нас не было совсем. Она была в сознании, и я ей всю дорогу плел разную душеуспокоительную чепуху. Чего я ей только не наобещал тогда, вплоть до женитьбы и трех детей... Но померла она, едва попав на стол к хирургу, как сказали, от кровопотери... А ногу ее Сашик Дмитриев потом нашел почему-то далеко в стороне от сгоревшего танка. И принес нам показать, идиот... Дескать, «чей нога»? Ох, как я ему тогда в табло засветил, думал, руку сломаю. И ничего, ни себе я руку не сломал, ни ему челюсть. Он и не обиделся даже... В общем, похоронил я тогда Маринкину ногу отдельно от тела. Стройная была нога, в аккуратном сапожке... И самое грустное, где Маринкина нога похоронена, я помню, а вот где то госпитальное захоронение, где ее саму схоронили, находится, я не знаю. Где-то даже обидно...

Пока бинтовал радистку, увидел, что девочка «сомлела». Может, от боли, а может, от кровопотери. Я, подложив ей под голову найденный тут же брезент, опустил ее на ящики. Пусть полежит пока...

Оставалось решить для себя один маленький вопрос — дальше-то что? Я в их разведгруппе не числюсь. Соответственно, как вариант можно дожидаться арийцев и прикинуться шлангом. Разыграть дурачка, который ничего не видел и не знает. Но этот вариант не прошел бы. Почему Кауфмана зарезали, а меня нет? Да к тому же я из винтовки убиенного положил двух чистокровных немчиков... Вот и выходит, что в этом случае я мог ожидать только виселицы и веревочки с мыльцем. Стало быть, возвращение на службу к оккупантам можно было не рассматривать всерьез. Оставалось второе — грузить радистку в самолет и рулить через фронт, ко всем чертям. Вот только тут возникали еще два момента. Вдруг я радистку не доведу? Умрет по дороге, и что тогда? Доказывать особистам, что я не верблюд? Кто мне поверит, без свидетелей-то... И самое главное — о пилотировании самолета и полетах вообще у меня были самые общие представления. А вдруг оба самолета неисправны? «Юнкерс»-то точно к быстрому взлету непригоден — у него под хвостом «козелок» и моторы раскапотированы. Топлива в баках тоже наверняка нет... Остается «Дорнье». А если и он не заправлен и в их бензозаправщике пусто? Куда ни кинь — всюду клин...

— Эй, Теркин!! — позвал вдруг мужской голос откуда-то из-за ворот ангара. Я чуть не подавился воздухом. Голос-то был знакомый... Тот самый, памятный еще с зимней дороги. Ошибиться я не мог. Взяв винтовку наперевес, я выглянул из ангара.

— Какой ты нервный, малыш, — сказал тот же голос насмешливо и добавил: — Ну, здравствуй, что ли, Иван Пирамида.

Как пел некогда классик, «тут вообще началось, не опишешь в словах...». Никогда не думал, что память может вернуться мгновенно. Ощущение было пьяно-похмельное, помноженное на удар по голове чем-то тяжелым...

И все почти мгновенно стало вдруг становиться на свои места. Иван Пирамида. Герой-авиатор из фильма «Пока безумствует мечта» по пьесе Василия Аксенова. В главной роли —

молодой Караченцов... Я этим псевдонимом подписываю свои публикации в газетенке «Губернский Вестник». Потому что реально я никогда не мог быть и не был военным. А стал провинциальным журналистом средней руки... И с чего мне быть танкистом — войны-то никакой не было... По крайней мере, там, где я действительно живу... А на тех войнушках, что случились, я бывал опять-таки в роли репортера, и не более того... В своем времени я не мог стать танкистом в принципе. Потому что когда-то, классе в девятом, плотно поговорил «за жизнь» с одним словоохотливым дедушкой-ветераном, который в памятном ноябре 1956-го был в Венгрии. И он тогда поведал мне очень много интересного. Особенно про летящие с крыш и балконов на моторное отделение гранаты и бутылки с бензином и про ошметки плоти на траках тяжелого ИС-3... Кто бы мог подумать тогда, что история повторится как кровавый фарс и под новый, 1995 год я все это увижу-таки воочию. Сначала по телевизору, а позднее — когда выбью себе журналистскую командировку, по линии «Независимых Военных ведомостей» — и лично. На улицах другого города, называвшегося Грозный. Того самого, который Юрий Шевчук позже в одной песне назовет не иначе как «Мертвый Город». Какая горькая ирония... Да и с чего мне было вдруг становиться танкистом или самоходчиком, если у нас там были объявлены «мир — дружба — жувачка»?

И под полное отсутствие «потенциального противника» нашу военную кафедру сначала сделали необязательной для посещения, а осенью 1992-го разогнали совсем, так сказать, за ненадобностью. Чего плодить за казенный счет «имперскую военщину»...

Ох, тяжело это — разом вдруг вспоминать свою жизнь, пусть и недлинную. Я, как пьяный, обхватив голову руками, уронил винтовку и сел прямо на землю. А выходит, мы все-таки это сделали... И несколько об этом не жалели, вовсе не считая, что были у страны другие, менее уродские, варианты. Что же, выходит, ребята, что мы в 1991-м поступили почти как господа французы в июне 1940-го. Решили, что можно поступиться малым ради чего-то большего. Французы тогда легко променяли свой суверенитет и национальную гордость на относительно спокойную жизнь. Только ведь не надолго. Через четыре года война к ним все равно пришла. И англо-американцы со своими танками и ковровыми бомбежками прокатились-таки по Франции, не оставив кое-где камня на камне. Что, скажете, у нас было как-то иначе? Да то же самое, отличие лишь в мелких деталях. Решили, что наш противник нам больше не противник и хочет нам только добра. А значит, уже можно разом спустить в нужник 73 года жизни, статус сверхдержавы, все кровавые завоевания всех наших последних войн, а заодно жизни целых поколений, логику и здравый смысл. Зато в обмен — сладенькие идеалы демократии и та самая «спокойная сытая жизнь для отдельного маленького человека» (этакого среднестатистического пейзажиста-обывателя). Потом выяснилось, что наши «демократические» вожди банально и пошло купились на красивую упаковку, поверив на слово тому, кому верить не надо. Потому что, как оказалось, и у них демократия — понятие относительное (Североамериканские Соединенные Штаты в начале XXI века на поверку оказались вульгарным полицейским государством, просто раньше они эту свою настоящую суть тщательно скрывали). А у нас слово «демократия» сразу стало отождествляться с такими терминами, как «вседозволенность», «беспредел», «абсурд» и «коррупция». Причем даже за отдельные элементы этой «демократии» (для того чтобы внедрить ее целиком и полностью, мы, видите ли, оказались «не готовы») мы заплатили такую кровавую цену, что через десять лет сами ужаснулись. Не слишком ли дорого достались нам «Макдоналдсы», «Кока-кола», Интернет, мобильная связь и весь этот пресловутый «гламурный образ жизни»? Именно все

перечисленное один из отечественных «светочей демократии» (тот самый внук, которого в известном анекдоте убивал Аркадий Гайдар) с какого-то перепугу счел теми самыми «символами победы демократии». Вот только страна-то за пятнадцать лет обезлюдела от всех этих продолжительных опытов в духе нацистского концлагеря. А «маленького человека», ради которого все это якобы и затевалось, у нас так и не придумали. Неоткуда ему было взяться... Потому что у нас не бывает, чтобы всем или хотя бы большинству было хорошо. У нас только меньшинству может быть хорошо за счет большинства, причем меньшинство это явно ублюдочно, ущербно и нище духом в своих убогих потугах изображать из себя «элиту». Ну не графья вы и даже не Голливуд, чего уж там. Потому и не образовалось у нас того самого «маленького человека» и даже «мелкого хозяина» (о котором тоже мечтали господа демократы как о символе своей «победы»), а есть либо зажавшиеся, абсолютно «потерявшие нюх» нувориши (и неважно, кого они из себя изображают — чиновников, олигархов или поп-звезд), либо вообще полные маргиналы алкашно-наркотического типа, которые ничего никогда не хотят, не умеют и не будут, лишь бы в кармане набиралось на очередной флакон или дозу (пример — мой абсолютно бессмысленный сосед по подъезду Ванюша). Выходит, все затевалось затем, чтобы одни скончались от излишеств, а другие от порции стеклоочистителя? Атомная война была бы в этом смысле куда гуманнее... И хуже всего у нас там тем, кто между ними. А вдвойне хуже тем, кто при этом понимает неправильность, несправедливость и ирреальность всего происходящего... Здесь отчего-то приходит на ум еще один пример. Генерала де Голля в вишистской Франции держали максимум за эксцентричного отморозка. А всю его «Свободную Францию» (со всеми ее героями-генералами Леклерками и эскадрильями «Нормандия-Неман») считали чем-то вроде цирка шапито. И вспомните, ребята, как у нас называли вильнюсских и рижских омовцев, генерала Лебеда с его несчастной 14-й армией, тех, кто сражался в Таджикистане и Абхазии, или тех, кого послали в Чечню — на убой, в первую еще войну... Слова были другие, а смысл-то тот же... Долг и совесть оказались не в чести. Зато наличные стали очень цениться, даже на войне... Я как вспомню, что в той, другой, реальности я воевал НЕ ЗА БАБКИ, — слезы наворачиваются... Хотя там мне хоть было за кого мстить... А за кого и кто пойдет воевать, если никому ничего не надо? И к чему мы с такой жизненной философией пришли в итоге? Как говорится, уперлись в дно. Через пятнадцать лет, после того как случилась «победа демократии в России», политики, от ультралевых до ультраправых, вдруг разом заговорили о том, что «спасти нас может только большая война», поскольку нет никакого иного способа найти управу на всю эту расплодившуюся в немереном количестве шваль и погань. За что боролись, на то и напоролись... И при этом у рядовых граждан набралось друг к другу столько претензий, что они готовы друг друга поубивать по любому поводу... А если бы американцы начали ломать Москву авиабомбами да «Томагавками», как в 1999-м Белград, все остальное население России село бы у телевизоров и, прихлебывая пиво, с гадливым удовольствием (так им, сволочам зажавшимся, и надо!) смотрело бы это супершоу в прямом эфире. Как смотрели в 1993-м расстрел парламента, сожалея, что «Просто Марию» в тот день отменили... И, как закономерный итог, к власти у нас совершенно законно (без дурацкой пальбы, лишней болтовни и переворотов) пришли представители спецслужб. Знали бы те, кто в августе 1991-го получал психотравму, деря глотку на «баррикадах» у Белого дома, чем все в конечном итоге кончится. Они бы дружно повесились, утопились бы в помойной Москве-реке или добровольно легли под гусеницы того танка, с брони которого нес ахинею «наше все» —

«первый демократический президент демократической России»... Оно, конечно, наши доны Рэбы спохватились, только не поздно ли? Ведь у нас там до сих пор нет ответа на пошлый вопрос: а зачем все это нужно? Нет ни государственной идеологии, ни военной доктрины, ни экономической политики. Есть только отдельные благоглупости (типа «Плодитесь и размножайтесь» или «Боритесь с терроризмом»), в которые не очень верят даже те, кто их сочинил. Да и не могут они не понимать, что нельзя ругаться в пух и прах с теми, на чью Федеральную резервную систему работает ваша экономика. Не может быть «потенциальным противником» тот, кого вы снабжаете нефтью и в чьих банках лежат все ваши финансовые активы в их, вражеской же, кстати, валюте... Правда, на наше счастье (или горе?), «потенциальный противник» окончательно оборзел от безнаказанности и надорвался. На ровном месте, кстати, наступив в очередной раз на все те же Корейско-Вьетнамские грабли и подорвав разом и военную мощь, и экономику, и доверие к себе... Так что сейчас у нас там жуткие сценарии, где злые оккупанты из US Army и НАТО приходят к нам, все разносят, отключают свет, газ и воду, после чего россияне тиходохнут и едят друг друга, уже, похоже, не проходят. Они и на меньшем обломались — не потянут... Зато наклеваются качественно иные сценарии, не менее жуткие. Так что — в страшно интересное время мы там сейчас живем. Но не скажу, что меня это радует...

— Что, тяжело? — поинтересовался знакомый насмешливый голос.

Только сейчас я оторвался-таки от перебалтывания содержимого своих извилин и решил рассмотреть того, с кем я говорил. Доводилось вам в зеркало смотреть? Только в такое зеркало, которое показывает вас не в нынешнем состоянии, а, так сказать, «чуть-чуть раньше»? Назовите меня как хотите, но передо мной, шагах в десяти, стоял я. Тот самый, из «неправильного сегодня» — в танкошлеме, комбезе, серой куртке. Небритый и с кобурой «стечкина» на поясе. Стоял и довольно усмехался...

— Бывало и лучше, — ответил я.

— Память вернулась? — спросил мой собеседник.

— Смотря что памятью считать...

— Ну-ка давай проверим. Давай, я буду спрашивать, а ты отвечай.

— Да ради бога...

— В каком году было тридцатилетие фильма «Звездные войны»?

— В 2007-м.

— Сколько в этом цикле серий?

— Шесть.

— Как называется эпизод первый?

— «Скрытая угроза».

— Кто в главной женской роли?

— Натали Портман.

— Хорошо. Кто автор известного книжного цикла «Дозоры»?

— Лукьяненко.

— Кто снимался в главной мужской роли в экранизациях «Дозоров»?

— Хабенский.

И здесь я понял, почему он спрашивает у меня именно об этом. Дело в том, что одним из видов журналистской поденщины, которой я занимался в своей реальной жизни, были рубрики «Новинки видеорынка» и «Книжные новости» в нескольких местных газетках. И еще я сотрудничал с кабельным телевидением на предмет обзора новинок видеорынка... Так

что мой собеседник знал, о чем спрашивает. Кстати, голос у него был абсолютно не мой. Да и сам он, на мой взгляд, был какой-то неотчетливый. Прошлогодня травка под его подошвами абсолютно не была примята. Точь-в-точь как снег под подошвами его «клона» там, на зимней дороге. Решив проверить эту догадку, я достал из кармана запасную винтовочную обойму и кинул в него. Как и следовало ожидать, обойма пролетела сквозь него, словно это был не человек, а нечто из дыма или тумана...

— Да голограмма это, успокойся, — усмехнулся мой собеседник и добавил: — Еще о чем-нибудь тебя спросить?

— Спасибо, не надо...

— Вот и славненько. Тогда поговорим о деле?

— Поговорим...

— Замечательно. У тебя вопросы ко мне есть? Только не жди сильно развернутых ответов. У нас с тобой на все про все полчаса, не больше...

— Ладно... Скажите, а почему у меня такие ощущения, что я сплю и мне все это снится? И при этом уже совершенно по-дурацки кажется, что я заснул во сне и вижу еще один сон. Сон во сне! Это как?!

— Ну, все правильно. Ничего тут сложного нет. Все достаточно тривиально, хотя я сомневаюсь, что ты меня в этом вопросе правильно и до конца поймешь... В общем, в случае с тобой мы применили комбинированную систему взаимодействия психоматриц. Сначала твоя базовая психоматрица находилась в «точке А», на той временной линии, где ты Танкист. Тебя подключили к блоку перемещения и управления, после чего твоя случайно выделенная функциональная психоматрица переместилась в «точку В», где была оккупированная немцами Англия. Из-за твоих действий там временные линии оказались разделены, и, чтобы создать равновесие, твою функциональную психоматрицу переместили в «точку В-2», где ты находишься и сейчас и где происходит привычная тебе Великая Отечественная война. Пребывая здесь, ты совершил ряд действий, которые привели к тому, что твоя базовая психоматрица переместилась в «точку А-2», оказавшись на одной временной линии с твоей функциональной психоматрицей. Таким образом, сейчас ты — журналист в «точке А-2». И когда работа твоей функциональной психоматрицы будет прервана, ты просто проснешься. Таким образом, реально все твои действия займут одну ночь, и никто из посторонних ничего не заметит. А Танкист и оккупированная Англия — просто ложные воспоминания.

Уже на середине этого его монолога у меня зверски заболела голова. Да, нельзя сказать, чтобы я понял хотя бы часть этой головоломки...

— Это какие такие действия я совершил?!

— А ты не понял? В ту, неправильную, Англию должен был отправиться другой человек. Но с ним произошел несчастный случай...

— Это-то я как раз понял. И что?

— А то, что там все должно было идти совсем по-другому. Те двое из ирландской труповозки были агентами Соппротивления. Один — членом подполья, а второго купили за деньги. Они должны были подобрать человека с радиомаяком и вывезти его из гетто, спрятав среди трупов...

— Стоп. А почему он, то есть я, появлялся именно на территории гетто?

— А потому что это в тамошнем Плимуте самое безлюдное место. Ни полиции, ни патрулей, только по периметру броневики ездят. Ну, их-то ты видел... А в остальной части

города слишком много служивого народа. Не успеешь очухаться после переброски, как тебя повяжут... В общем, за пределами гетто человека с радиомаяком ждала другая машина с боевиками из Сопротивления. И менее чем за час маяк был бы на месте и работал. Но вместо подготовленного человека оказался ты, и все сорвалось. А бомбардировщики были уже на подлете. В итоге им пришлось наносить удар фактически по пустому месту. И конечный итог оказался прямо противоположен задуманному...

— Ладно, это там... А здесь?

— А здесь — неужто ты не догадался? Напряги извилины и вспомни — в том мире, где ты был Танкистом, были известны 28 героев-панфиловцев и их подвиг у разъезда Дубосеково?

Я напряг извилины и вспомнил. Оказалось, не были. О них не писали и не говорили. Там были известны другие герои битвы за Москву. А вместо Панфилова в большинстве исторических трудов вообще значился некий генерал Хохряков. Вот это номер, блин...

— Черт возьми! — сказал я вслух. — А значит, история с пленом — тоже ваша выдумка?

— Естественно. Надо же было уничтожить неучтенный энергонакопитель, причем желательным простым и дешевым способом. Что ты и сделал.

— А по-другому было нельзя?

— Можно, но не сработало. Один раз квадрат бомбили английские «Бленхеймы», два раза его штурмовали «Киттихауки» и Ю-87, но все без толку — с воздуха объект нельзя было обнаружить. А на земле вокруг него натывали мин. В общем, послав тебя, мы рискнули и выиграли...

— Если бы я еще знал, что меня куда-то посылают...

— Предпочитаешь всех посылать сам? Кстати, еще одна деталь. Тот офицерик, которого ты застрелил у ангара, — и мой собеседник показал рукой в ту сторону, — это капитан фон Шмальшлегер из ставки Геринга.

— И что из этого?

— А то, что, не погибни он сегодня, летом 1944-го он оказался бы на месте Штауффенберга в ставке фюрера. Кто такой Штауффенберг, еще не забыл?

— Не забыл, ну и что из этого?

— А то, что если бы Гитлера убивал Шмальшлегер, вероятность успеха равнялась 45 %. В случае со Штауффенбергом — 5–6 %. В общем, недопустимо большой шанс на гибель фюрера, сепаратный мир с союзниками и очередной излишний вариант Второй Мировой войны. Но ты это благополучно пресек в зародыше. Кстати, часики у покойничка хорошие, швейцарские. Возьми себе, а то ты без ходунцов давно мучаешься...

Я последовал совету. Действительно, «котлы» были знатные. Кажется, «Филип Патек».

— Крутая у вас контора, — сказал я, застегивая ремешок трофея на своей руке. — Всех развели, а меня даже припахали в роли заезжего киллера... Кстати, кто вы такие и насколько верно то, о чем мне плел «ббб-й»? Он, кстати, из ваших?

— Отчасти то, что говорил тебе «ббб-й», верно. Например, о некоторых твоих способностях и трудностях с перемещением во времени...

— Он там что-то плел про какой-то институт.

— Это он был из института, а мы — нет.

— И откуда вы?

— Представь, что способ перемещаться во времени изобретен-таки и пресловутая

Машина времени построена. Как думаешь, мало найдется мерзавцев, которые начнут крутить всякие комбинации со временем в своих целях?

— Вероятно, немало...

— Вот-вот. А для того, чтобы их пресекать и контролировать, и существуем мы — единая всемирная спецслужба, занятая исключительно этими вопросами. Да, на нас работают некоторые гражданские структуры. И твой знакомый «ббб-й» работал как раз в одной из таких организаций. Но он, как водится, заигрался. Решил, что он умнее всех, и начал проводить собственные неконтролируемые эксперименты. Атомная бомбардировка Плимута — как раз одна из его «гениальных» идей. В детали вдаваться не буду. Скажу только, что подобные опыты нечеловечески дороги, поскольку на них затрачивается чудовищное количество энергии, а все используемое оборудование уникально. И уже за одно это твой знакомый будет надолго изолирован. А ты с самого начала работаешь на нас. Уж не знаю, радуется это тебя или нет...

— И я не знаю. Вы лучше скажите, как мне быть дальше?

— Дальше? Как говорили в одном вашем старом фильме: «Дальше война будет». Ты у нас в штате пока не состоишь, соответственно, тебе никто конкретных задач ставить не будет и отчета о проделанной работе от тебя не потребуется... В общем, основную свою задачу ты, считай, выполнил. И наша встреча произошла в известный тебе день весны...

— А почему именно 9 мая?

— Ну, про Первомай у нас уже никто не помнит, а это все же святое. Хотя на Западе этот праздник и отмечают на сутки раньше. Так вот, сейчас главная твоя задача — вернуться через фронт обратно и снова «влиться в ряды»...

— А прямо сейчас меня что, нельзя отсюда выдернуть?

— Пока это нецелесообразно. Ты понадобится еще для как минимум одного дела. Но по этому поводу наши люди тебя сами найдут. Думаю, это произойдет через несколько месяцев. А пока плыви по течению. Резвись.

— Это в каком смысле «резвись»?

— Ну, ты же знаешь об этих временах все или почти все. Ты же автор кандидатской по Корейской войне и соавтор пары книг. Если не ошибаюсь, про ленд-лиз и истребители Лавочкина военных времен?

— Не ошибаешься.

— Ну вот, можешь даже поиграть в пророка. Хотя, предупреждаю, толку от этого не будет.

— Почему?

— Ты не забывай, кто ты и кто мы. Думаешь, не было попыток вмешаться в историю с помощью пророчеств? Их были десятки тысяч. В той реальности, где ты находишься, было около двух десятков незаконных и несанкционированных проникновений. Сталину отправили три послания с предупреждениями о грядущей войне, Гитлеру — десять, Черчиллю — одно. До Сталина дошло только одно, да и то с опозданием почти на год. Гитлера и Черчилля о подобных документах вообще не проинформировали...

— Это почему?

— Во-первых, это у твоего друга «ббб-го» не было резидентуры, а у нас она есть и, если что, может подобные попытки пресечь. А во-вторых, в данном случае в этом не было нужды. Сталин и Гитлер были отчасти параноики, которые не верили никому и ничему, а Черчилль был дяденькой с истинно британским чувством юмора. Итог был таков, что у Гитлера

имелся свой штат прихлебателей. В виде всевозможных лжепророков. Им чужие пророчества (тем более плохие, ведь фюрер был тот еще психопат) были ни к чему. И они их сразу спустили в нужник. Послание Черчиллю было анонимным, и какой-то чиновник на «Даунинг-стрит, 10» счел, что это просто глупая шутка. А Сталин узнал обо всем, уже когда пророчество сбылось, а человек, отправивший его, исчез... Кстати, ты не представляешь, как ты огорошил товарища Кобу тем телефонным звонком. Не исключено, что он до сих пор под впечатлением... Вот так. Так что Кассандры из тебя не выйдет...

— Это почему?

— А ты попробуй убедить сильных мира сего в правоте своих предсказаний. Анонимкам, скорее всего, не поверят. Попробуешь подписать послание — с большой степенью вероятности окажешься в дурдоме. Доказательств-то у тебя нет, а на слово люди редко верят, это, брат, психология... В общем, можешь написать пророчества, к примеру, каким-нибудь частным лицам. Запечатать и сделать пометку: «Вскрыть после 9.05.1945»...

— А чего, снова День победы?

— Потому что твою функциональную психоматрицу мы выдернем из этого времени как раз в ночь с 8-го на 9 мая 1945 года, это уже решено. И не думай, что все бывает так уж легко. У вас там был один модный фантаст, который считал, что, если в тела Сталина и, скажем, генерала армии Жукова вдруг вставить сознание двух людей из 80-х годов (при условии, что эти люди имеют какое-нибудь начальное военное образование), да еще где-то в мае 1941-го, — все будет замечательно, СССР еще до войны перейдет к обороне, и Гитлера разобьют в 1942—43-м. Он же не понимал, что такие «хрононавты», знающие то время по плохим книгам и скудным личным представлениям о нем, не только не знающие всех реалий и резонов большой политики тех лет, но и не видевшие ни одного подлинного документа из «высших сфер», могут только наломать большую кучу дров, а спасти положение — увы... Точно так же подобные «внедренцы» не могли знать, о чем думал и чего хотел в тот момент реальный Сталин. И это еще один камень в их огород. Хотя книга была забавная. Местами не лишенная оригинальности. Это уже потом этот автор откровенно «погнал вал», запутавшись в собственных представлениях и сюжетных линиях. Да еще и наплел лажи о том, как белые побеждают в вашей Гражданской войне при условии, что их вооружат Су-100, БТР-80 и «калашами»...

— Помню, читал.

— Так вот, что я хочу сказать, — все надо анализировать и просчитывать заранее. Если гнать отсебятину — получится черт знает что. Поэтому сразу говорю тебе — не нарывайся, здесь шуток не понимают. Все свои познания из будущих времен проявляй в меру. Это будет выглядеть как здоровая доля сумасшествия, и не более того...

— Значит, еще три года в окопах? А как со всем остальным быть? К примеру, с интимными делами? А то переспшишь с собственной бабкой — и получится «нарушение пространственно-временного континуума»...

Мой собеседник захохотал.

— Это ты опять «Назад в будущее» вспомнил? Не бойся. Осторожность не повредит, но реально здешний Василий Теркин — это не совсем ты.

— Это в каком смысле?

— В таком, что здесь находится твоя психоматрица. А Теркин — просто физический объект со сходными параметрами (вплоть до внешности), пригодный для внедрения этой самой психоматрицы. Так что ты тут «не весь». Соответственно, радуйся — при таком

раскладе убить тебя целиком невозможно. Ты локально бессмертен, поскольку здесь твое сознание, и не более того. А Теркин — оболочка вроде скафандра. И за все физические вещи вроде поноса или половых сношений отвечает тот же «скафандр»...

— Ну, ты, блин, объяснил...

— Если объяснять подробно — ты с ума сойдешь. В общем, сейчас садись в самолет, грузи туда радистку и вали через фронт.

— Я же летать не умею?!

— Умеешь!

Я напрягся и вспомнил — да, умею, в общих чертах. Была у меня такая компьютерная игра-леталка «В огненном небе». Там, помимо прочего, был и ночной истребитель До-215. Только мне на нем летать не сильно нравилось. Инертный он, не то что «Чайка», Vф-109 или даже какой-нибудь финский «Брюстер В-239». А еще у одного моего приятеля были сверхпродвинутое игровые причиндалы. Не просто ручка управления с гашеткой, а весь набор приборов, включая сектора газа, педали и т. д. Так что с пилотированием я, наверное, справлюсь...

— А если я радистку не довезу? Вдруг помрет по дороге?!

— Не помрет, — и мой собеседник ткнул пальцем куда-то себе под ноги. — Тут две ампулы. Вколешь ей рядом с местом ранения...

Я поднял с земли то, на что он показывал. Ну, на ампулы это походило мало. Два маленьких матово-зеленых цилиндрика с непонятной маркировкой. Размером с патрон от мосинской винтовки. Иголок и прочего нет. Один конец слегка заостренный, другой — плоский. На ощупь — очень теплые, почти горячие.

— А как их колоть-то? Это ведь не шприцы!

— Господи, тоже мне, проблема! Подносишь к коже, рядом с местом ранения. Можно даже сквозь повязку или ткань штанов. Поднеся, слегка надавливаешь на тупой конец пальцем. Когда ампула станет холодной — убираешь. Все просто.

— Что, обе ей вколоть?

— Ей одну. Вторую вколи себе. Лучше всего в левую сторону тела — в руку, плечо или задницу.

— Это еще зачем?

— Тонус повысится. Состояние улучшится.

— А почему в левую сторону?

— Ближе к сердцу. Лучше усваивается. Что еще непонятно?

— Ты уверен, что я успею взлететь?

— Уверен. У убитого капитана Козлова в левом кармане карта, где нанесены ближайшие к фронту советские аэродромы. А еще у него в рюкзаке четыре магнитных мины с часовым механизмом. Установить их сумеешь?

— Сумею, дело нехитрое...

— Молодец. Кстати, на случай допросов в Смерше и прочих уважаемых «конторах» все подробности из жизни здешнего Теркина ты знаешь и отвечать будешь, что называется, в автоматическом режиме. Еще вопросы есть?

— Слушайте, а вам не кажется, что это свинство!

— Что именно?

— Засунуть меня именно сюда. Они здесь бьются зубами за эту победу, а я один знаю, чем все это через шестьдесят лет кончится! Сколько народу ляжет, а потом эту победу

отдадут. За просто так. Причем те же люди, которые ее добывали...

— Ну не совсем те же...

— Ой, вот только не надо! Что, маршал Дмитрий Язов не воевал? Конечно, он был Ванькой-взводным, но как эта победа досталась, должен был помнить... Ладно, хрен с ними, но я-то? Мне потом как жить? Я же ни себя, ни их уважать не смогу! Понимая, что знал и не повлиял...

— Ну, я тебе уже объяснил, чего ты можешь, а чего нет. А в остальном совет один — расслабься и получай удовольствие. Как говорят у вас там — не парься. Один человек не может изменить историю целой страны, даже если он очень много знает. В этом ты еще убедишься лично.

— Тогда последний вопрос. Мои сапоги — они что?

— Твои сапоги — одно «ноу-хау» из нашего времени. Их тебе выдали для испытаний. По окончании выполнения миссии отберем. Уж извини. Кстати, мы на тебе испытали еще одну методику. Раньше считалось, что при последовательном двойном перемещении функциональной и базовой психоматриц человек либо сойдет с ума, либо будет нуждаться в длительном восстановительном лечении. Ты успешно доказал обратное, спокойно перенеся подобные перемещения на ногах, хотя и не без последствий...

— Погоди-ка! Все эти странные сны, глюки и головные боли — это то, о чем вы тут только что говорили? Ну, вы и сволочи!!

— Какие есть. Могу выразить благодарность от лица всей темпоральной науки. Официальную.

— Забей себе эту благодарность знаешь куда?!

— Ладно, на этом пока закончим, — усмехнулся мой собеседник. — Повторяю, что мы тебя найдем. Будь жив. Действуй.

И он исчез, растворившись в воздухе. А я остался стоять с двумя дурацкими цилиндриками в руках. Пора было действовать.

Я вернулся в ангар, к радистке. Согласно рекомендации ввел ей нечто из ампулы. Забавно, но ампула через пару секунд стала ледяной, а еще через пару секунд без следа растаяла у меня в руке, оставив о себе «память» в виде нескольких капель воды. Вторую ампулу я ткнул себе в левое бедро, прямо сквозь казенные галифе. И ровным счетом ничего не почувствовал. Потом раздвинул ворота ангара пошире и полез через нижний люк в кабину «Дорнье». Самолет был исправен и, судя по приборам, с полными или почти полными баками. Слава богу, что во время стрельбы в ангаре в него не попала ни одна пуля...

Отбытие я начал с погрузки самого ценного — поволок в самолет радистку. Во время этого процесса она пришла в себя.

— Мы куда? — спросила она неживым голосом.

— Домой, к своим!

— Запомни, — облизнула она губы. — Сразу, как только сядем, зови ближайшего старшего командира. Пусть срочно передаст по ВЧ в Главное Разведуправление: «Срочно для Двадцать девятого. Восьмой задание выполнил». И координаты места посадки. Запомнил?

— Ага, — ответил я, затаскивая ее в кабину «Дорнье» и размещая на заднем сиденье.

— Там, слева на ящиках, — добавила она слабым голосом. — Секретная документация. Обязательно забери с собой...

— Всенепременно. Как хоть тебя звать-то, горе мое?

— Екатерина.

Блин, она еще и радистка Кэт! Вот сподобил господь...

— А фамилия твоя как?

— Васина.

Хорошо, что, сказав это, она опять впала в беспамятство. Не услышала, как я откровенно заржал над последней фразой. Не выдержал, поскольку такого точно нарочно не придумаешь...

Указанные ей бумаги (несколько папок и толстых технических руководств, помеченные имперскими орлами и надписями типа «Гехейм» и «Ферботен») я перенес в кабину и уместил под ее сиденье. Если умрет, то счастливой. Подумав, я перетащил в самолет рацию и рюкзаки разведчиков. Подумав еще, я так же поступил и с их личным оружием — как-никак казенное имущество.

Потом занялся минами. Поставил часовые механизмы на десять минут. Одну мину налепил на закрепленный в импровизированном тире (примерно в полукилометре от ВПП) была сооружена насыпь, где на шестах закрепили мишень — нарисованный на куске старого брезента красной краской условный силуэт вражеского бомбардировщика) Ю-88. Баки «Юнкерса», судя по показаниям приборов, не были пусты, да и оружие было заряжено. Вторая мина ушла на бензовоз, третья — на штабель каких-то бочек в ангаре, четвертая — на пяток авиабомб, сложенных там же. Большой бада-бум, как говорила героиня Милки Йовович в одном почти культовом кино...

Не теряя лишних секунд, я залез на пилотское сиденье, разложил на коленях карту геройски погибшего капитана и завел двигатели. После чего, прибавляя газ, порулил вон из ангара. Получилось, что я начал взлет прямо из его ворот. Почти сразу же оказалось, что меня тянет влево от центра ВПП, и я резко рванул «рога» штурвала на себя, дав моторам полный газ.

Было такое чувство, что полосы все же не хватит и я с разгону впилюсь в деревья. Но вражеская техника не подвела, и «Дорнье», едва не задев колесами верхушки елок, прыгнул-таки в майское небо. Заложив крутой вираж, я увидел далеко внизу основной аэродром с расставленными на стоянках маленькими Ю-52. Можно было их штурмануть, но я летчик не того качества. Не Чкалов. Поэтому я развернул машину на восток и на малой высоте потянул к линии фронта, не убирая шасси. Это в компьютерной игре шасси убирать просто — ткнул пальцем в клавишу, и все. А как их на самом деле убирать у этого «девятого золотых знамен именованного бомбовоза» — фиг его знает. Да и ладно... В любом случае, если меня атакуют истребители (без разницы, свои или чужие), отбиться я вряд ли смогу.

Через десять минут я вспомнил о минах и посмотрел назад. Видно было плохо (мешали переплеты фонаря кабины и заголовник сиденья), поэтому вспышек я не увидел. Но зато шикарный столб дыма на горизонте рассмотрел. И то ладно...

Дальнейшие полчаса или больше прошли в мучительном пилотировании с одновременными попытками сличить тянущийся внизу пейзаж с капитановой картой. Увы, погода была не такой идеальной, как мне хотелось бы, горизонт был затянут какой-то дымкой, да и облаков вокруг хватало. Перспектива сжечь все горючее и упасть не радовала. К счастью, спустя некоторое время самолет резко трянуло, и я увидел расцветающие прямо у меня по курсу сизые облачка зенитных разрывов. Похоже было на линию фронта. Чуть позже я сумел рассмотреть на земле речное русло, очень похожее на обозначенную на карте «р. Вазуза». Если верить карте, река была уже на советской стороне фронта.

Но окончательно меня в моем местоположении убедила только серия тупых ударов в левую руку, плечо и ногу. Секунду спустя до меня долетел треск, дребезг продырявленного плекса фонаря и визг пулевых рикошетов от броневого заголовника сиденья.

Через секунду над самым фонарем моей кабины мелькнул хищный остроносый силуэт. На его голубых крыльях снизу краснели пятиконечные звезды. В нем почти безошибочно угадывался МиГ-3. Ниже и правее скоро обнаружился второй «миг» — точная копия первого.

«Свои всегда больнее лупят...» — подумал я, чувствуя, как по ноге и плечу течет горячая влага. Слава богу, «миги» больше не стреляли. Тот, что меня атаковал, покачал крыльями. Я покачал в ответ. Похоже было, что они приглашали следовать за собой. Как видно, мой диковинный стиль пилотирования и неубранное шасси в чем-то убедили этих краснозвездных соколов... С некоторым удивлением я осознал, что раненые места не болели и вообще не было никаких неприятных ощущений. Как видно, сказалось вещество из таинственной ампулы...

В общем, некоторое время «миги» вели меня. Один летел чуть впереди, второй — справа, крыло к крылу. Потом передний закачал машину из стороны в сторону и выпустил шасси и закрылки. И здесь я увидел-таки внизу цель своего полета — грунтовую взлетную полосу, по краям которой в капонирах и на открытом месте стояли зеленые «ишаки» и «миги». Делать «пристрелочный» заход у меня не было ни времени, ни желания. Поэтому я пошел на посадку сразу следом за «мигом». При касании земли колесами «Дорнье» отколол офигенного «козла», тяжело застонав своими дюралевыми мощами. Но все-таки он не развалился. Шасси не подломилось, длины полосы хватило. Я никуда не врезался и не поставил самолет «на попа». В общем, все закончилось более-менее благополучно.

Первое, что я сделал после остановки самолета и выключения двигателей, — вывалился наружу и, размахивая ППД одного из убитых разведчиков, потребовал у подбегавшего со всех сторон разношерстного военного народа подать сюда старшего командира. Подъехала зеленая «эмка», из которой возник некто с тремя шпалами на голубых петлицах.

— Товарищ подполковник! — почти заорал я, чувствуя, что мне становится хуже. — Срочно передайте по ВЧ в Главное Разведуправление! Срочно для Двадцать девятого! Восьмой задание успешно выполнил! Передайте, что он здесь, на вашем аэродроме! — Я повторил это несколько раз, видя, как подполковник и все столпившиеся вокруг летуны и техники меняются в лице. Поняв, что дело, похоже, сделано, я наконец позволил себе потерять сознание.

Дальше память заволкло мутью. Очухался я, когда уже стемнело. Я понял, что лежу на носилках возле прогревающего моторы транспортного «Дугласа». Рядом со мной на повышенных тонах ругались дурноматом несколько голосов. Какой-то командирский бас орал, что они не имели права стрелять, раз он не убрал шасси и летел как пьяный... И если обнаружатся хоть какие-то серьезные повреждения, он их... Повторить дальнейшее не рискну, список возможных кар был длинен и весьма цветист.

— Ну что, очнулся? — спросил вдруг тот же командирский бас у меня над ухом.

— Так точно! — ответил я, силясь рассмотреть обладателя баса. Это оказался плотный мужик лет пятидесяти с грубыми чертами лица. В генеральской фуражке, кожаном реглане и кителе без знаков различия.

— Молодец! — объявил большой начальник и спросил. — Как самочувствие?

— А вы кто? — спросил я заплетающимся языком.

— Генерал-майор Васин, — отрекомендовался обладатель командного голоса. — Главное Разведывательное управление Красной Армии!

В эту минуту я понял, что меня опять, как давеча на вражеском аэродроме, душит дурацкий смех. Во попал...

— У него, похоже, шок, — сказал человек в белом халате, возникнув вдруг из сумрака надо мной, и добавил: — Грузите быстрее!

Носилки со мной поплыли по воздуху, и я опять отключился. Как потом выяснилось, для меня в той ситуации лучшей моделью поведения было именно это — изображать из себя полумертвого...

ЦИТАТА ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ № 2.

...В данное время в рамках изучения нашего курса выделяется 7 типов хроноопераций. Классификация хроноопераций приводится по Мушникову:

1. Полевые (естественно-научные и исторические исследования).
2. Оперативные наблюдения:
 - а) косвенные (по источникам);
 - б) бесконтактные (хроноскопия);
 - в) контактные (психоматрицы, прямой перенос).
3. Хронокоррекция (восстановление Status quo).
4. Изменение реальности.
5. Импорт материально-культурных ценностей.
6. Спасательные операции.
7. Комбинированные операции.

В свою очередь, выделяется 3 типа психоматриц (послойное размещение):

1. Базовые.
2. Функциональные.
3. Управляющие.

ЗАНЯТИЕ 1. Введение.

Еще до начала практических работ в области темпорального поля высказывались различные мнения о возможности хроноопераций (так называемых «путешествий во времени»). Большинство теоретиков (Юнгманн, Васильев, Слабкявичус) чисто умозрительно предполагали, что таковые невозможны, поскольку они несомненно приведут к полному или частичному нарушению причинно-следственных связей, которые изначально считались абсолютно детерминированными (например, раздавленный в мезозойскую эру мотылек приведет к изменению результатов президентских выборов во Франции в начале XXI века, см. Ж. Мишлен «Президентство Н. Саркази как следствие неуправляемого хронокатаклизма»). В то же время некоторые исследователи-практики (Мушников, Гонсалес, Красовски, Ким Ен Рок) не исключали возможности обратного движения во времени, хотя бы это касалось микрочастиц, для которых «закон причинности» может действовать с весьма значительными отклонениями.

Однако дальнейшие теоретические исследования (математический аппарат см. в части 1 курса «Основы хронофизики») показали, что основная посылка «закона причинности» была изначально неверна. В действительности причинно-следственные связи не являются

раз и навсегда жестко заданными, а подчиняются достаточно сложным закономерностям, обусловленным различными алгоритмами.

Одним из наиболее известных в этом ряду является «вероятность». Теория вероятности, как один из разделов классической математики, исходит из того, что эта характеристика является чистой абстракцией, не зависящей от физических свойств реальных объектов. Данный теоретический результат совпадал бы с практическим в случае отсутствия влияния на исследуемые объекты со стороны смежных объектов.

Но повседневный жизненный опыт, равно как и специальные исследования, свидетельствует о постоянно происходящем отклонении реальных событий от теоретически предсказанных результатов, вплоть до осуществления «совершенно невероятных событий». Ряд исследований показал, что взаимное влияние объектов на вероятность событий происходит не только в пространстве, но и во времени — как в прямой последовательности протекания процессов, так и по «обратному вектору». Это, собственно говоря, и послужило толчком к открытию темпорального поля.

Первоначально, разумеется, была отработана теоретическая часть проблемы, после чего появилась технологическая возможность создания специальной аппаратуры и технических средств. В первую очередь появилась техника для хроносканирования, обеспечивающая непосредственное наблюдение реального состояния темпорального поля. Выяснилось, что поле отнюдь не является равномерным, а имеет разного рода «сгущения» и «разрешения» с темпоральными потоками между ними. Это впоследствии позволило построить хроногенераторы, извлекающие энергию из разности потенциалов между различными областями пространственно-временного континуума. И, наконец, были разработаны хроноконверторы для изменения состояния Т-поля и другие спецсредства.

Таким образом, появилась возможность реального осуществления «путешествий во времени». Данная перспектива вызвала высочайший накал международной напряженности, главным образом из опасений о том, что произойдет вмешательство в «нормальный ход истории» со стороны как силовых структур государств, так и (что гораздо опаснее) частных лиц.

В результате контроль за всеми темпоральными исследованиями был сосредоточен в руках Комитета Темпоральной Безопасности, первоначально организованного при ООН (создание КТБ пришлось на последние годы существования этой эфемерной организации)...

ВНИМАНИЕ! Данная интерактивная обучающая программа предназначена исключительно для курсантов АКАДЕМИИ МЕГАИСТОРИИ в системе КТБ при изучении теоретической части вводного курса «ОСНОВЫ ТАКТИКИ ХРОНООПЕРАЦИЙ» (Кафедра прикладных темпоральных воздействий АМ КТБ). Для подтверждения правомочности использования данной программы введите индивидуальный номер и личный пароль **ВТОРОГО УРОВНЯ...**

*А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов...*

Владимир Высоцкий. «Баллада о борьбе»

Опять пришла на фронт весна — сон продолжается. 1 апреля 1943 года. Хутор Казачий, между Харьковом и Волконовкой. Сыро, тепло и грязно. Дело к вечеру.

Меня попросили сводить заезжего корреспондента «по местам баталий», что я и сделал. Благо идти было недалеко, а сама «баталия» закончилась под утро.

Два подбитых немецких танка стояли на окраине хутора. Ближе к нам, у самой околицы, стоял сгоревший Pz-IV со склоненной к земле длинноствольной пушкой. Некогда покрытый белой камуфляжной раскраской, танк сейчас был покрыт слоем жирной копоты. Из распахнутого башенного люка на борт свисал убитый эсэсовец. Обгорел он качественно — только подковки на ботинках блестели. А сам он был под цвет танка, и смердело от него соответственно. Жаркое из человечины пахнет своеобразно, особенно свежее. Поэтому, подойдя к горелому танку вплотную, журналист из «Красной Звезды» Кривицкий не стал задавать мне никаких дополнительных вопросов. Он просто согнулся пополам и шумно обрыгал закопченные траки немецкой машины.

Глядя на сиреневые разводы винегретной репортерской блевотины (хорошо они там, в штабе корпуса, живут, жрут или винегреты, или как минимум борщи с натуральной свеклой...), разлившиеся по грязи и талому апрельскому снегу, я думал — до чего же пошло устроен мир. Отчего-то на любой войне, в любой точке земного шара всегда найдется и горелый имперский бронеход, завалившийся носом в деревенский колодец, и вот такой вот дохлый крысоед, главное достоинство которого — обувь... Нет, все-таки нужные книги я в детстве читал. А вот капле датского короля я, вероятно, уже так и не найду... Хотя это все лирика.

Вывернув из себя последние остатки штабной трапезы, корреспондент долго икал. Понятно, что смотреть на второй танк, продырявленный в двух местах Pz-III, он не пожелал. А пока мы шли обратно, к нашим самоходкам, я вспомнил, чем для меня был памятен последний год. Оказалось, что практически ничем. По определению классика, это была «всяческая суета».

После истории с угоном секретного «Дорнье» я попал в какой-то хитрый госпиталь в ближнем Подмосковье. Точнее сказать, это был филиал Разведупра при госпитале — маленький одноэтажный флигелек на четыре двухместных палаты. Две из них вообще пустовали, в одной лежал какой-то то ли финский, то ли венгерский летчик, который, будучи сбит и пленен, согласился сотрудничать с советской разведкой. Ну, и в еще одной палате в гордом одиночестве лежал я. В «предбаннике» флигелька всегда дежурил огромный жлоб, который скучал у окна, сложив пудовые кулачища на коленки. Несмотря на белый халат, на ряшке этого типа можно было прочитать только одно слово: «Охрана». Ни на что большее этот псевдомедбрат с оттопыренными пистолетами карманами не тянул. Хотя

делать ему было особо нечего, разве что порядка ради обыскивать настоящих медиков, приходящих во флигель для процедур или с обедом для нас. Бежать я не собирался, а у финского венгра и вовсе были сломаны обе ноги — следствие неудачного прыжка с парашютом на лес...

Следствием же непосредственно занимался некто майор Смуров. Физиономия у него была, в общем, обычная, с белесыми глазами крепко поддающего человека. Скрещенные пушки на петлицах его полевой гимнастерки выдавали в нем махрового конспиратора. Он ни разу не предстал пред моими очами в гэбэшной форме, из чего я сделал вывод, что все это время мной занималось скорее ГРУ. Впрочем, я сам напросился.

Едва прибыв в этот госпиталь, я потребовал бумаги и чернил. Получив требуемое, я за месяц с небольшим исписал мелким почерком две общие тетради в серых холщовых обложках. Я расписывал ход Сталинградской битвы, боев на Северном Кавказе, прорыва блокады Ленинграда, Манштейновского контрудара под Харьковом, боев на «Голубой линии» и даже план будущей операции «Цитадель». Конечно, все это было голословно. И я после каждого слова добавлял «предположительно» и «вероятно». Упираться пришлось на то, что я служил на секретном танковом полигоне, куда приезжали все, включая Гитлера. Соответственно, по моим утверждениям, немцы не знали, что я понимаю немецкий язык, и потому не стеснялись разговаривать при мне на любые темы и оставляли где попало секретные документы. Тем же я объяснил и свои прорисовки «тигра», «пантеры», «Фердинанда» и еще кое-какой гитлеровской техники. Для всего этого «зверинца» я изобразил проекции, компоновку, расписал толщины брони и иные характеристики.

Понятно, что выглядело все это чистой филькиной грамотой, а я тянул в первую очередь на сумасшедшего. Оно и понятно. Я бы тоже не поверил, что какой-то пленный сержантишка мог быть в курсе планов имперской промышленности и генштаба. Расчет здесь был только на все ту же паранойю нашего Верховного главнокомандующего. Вдруг, если мои писания все-таки попадут к нему (я с пеной у рта доказывал, что это информация особой важности), он поверит хотя бы некоторым из них? В этом случае мое пребывание здесь сразу приобретало особый смысл. Но тетради у меня забрали, а особой реакции не последовало. Зато допрашивали много, нудно и детально. Слава богу, что я помнил все нужные мелочи...

Вообще здешний Вася Теркин оказался мальчишечкой с на редкость подходящей к ситуации биографией. Как видно, легендированием всех этих временных операций занимались отчетливые профессионалы. Мать Васи померла от туберкулеза, когда ему было два года. Отец — красный командир невысокого ранга погиб в первых боях с японцами у реки Халхин-Гол в мае 1939-го. В родном Первоуральске у Васи оставался один родственник — бабушка. Да и та умерла в сентябре 1941-го. На всем белом свете у Васи, таким образом, оставался только двоюродный дядя — работник ОСОАВИАХИМа из дальневосточного городка Самарга. К тому же дядя не видел племянника аж с 1934-го года... И со знанием языка тоже все было в порядке. В Васиной школе его изучали, можно сказать, углубленно, чему способствовал преподаватель немецкого — некий недобитый большевик-ленинец со скандинавской фамилией Татикайнен. А в остальном биография была типичная.

Я не думаю, что мне поверили на 100 %, но, проверяя, промурыжили в этом «госпитале» все лето 1942-го. Даже переломанный венгерский финн выписался раньше. Был, кстати, во всем этом и комический медицинский момент. Первоначально у меня в ноге вроде бы засели две шкассовские пули из числа выпущенных тогда «мигом». А потом рентген и другие обследования показали отсутствие этих пуль. Если они и рассосались, то,

вероятно, из-за той таинственной ампулы. Кстати, все дырки заросли так, что даже шрамов не осталось.

Все решилось в начале сентября 1942-го. Видимо, какие-то умники наверху решили, что я вывернулся уже до дна. Поэтому меня под конвоем отвели в столицу, где переодели в новую полевую форму с тремя треугольниками на петлицах (из прежнего гардероба при мне остались неизносимые сапоги с носками и швейцарские часы, которые я прятал чуть ли не в собственной заднице). Потом я предстал пред светлы очи майора Смурова, на столе перед которым лежала пара весьма толстых папок — видимо, мое дело.

Смуров торжественно объявил мне, что следствие в отношении меня окончено. Отныне я считаюсь прошедшим проверку как по линии разведки, так и Смерша. Соответственно, командование считает возможным вернуть мне мое воинское звание. Радость-то какая...

Вслед за этим Смуров подсунул мне подписать «страшную клятву» — подписку о неразглашении всех обстоятельств, связанных с угоном «Дорнье». Подмахивая бумагу, я подумал, доживет ли этот «вершитель судеб» до времен, когда его нынешними действиями заинтересуются как преступными? Хотя, возможно, он тогда сумеет доказать свою «полезность и непричастность». В этом случае он в начале 90-х будет вместе с другими «участниками В.О.В» толочься у прилавков магазинов «Ветеран» (который злые языки школьники младшего возраста назовут не иначе как «Спасибо Гитлеру»), чтобы купить со скидкой турецкие печенки или какую-нибудь аналогичную несъедобную гадость. В общем, я мысленно пожелал майору счастья в дальнейшей жизни. Благо я знал, чем эта самая жизнь для большинства таких, как он, обернется.

И все-таки Смуров тогда сумел меня удивить. Вдруг оказалось, что я числюсь погибшим с 22 декабря 1941 года. Более того, я не просто погиб, а «пал смертью храбрых» при обороне той треклятой деревни Щербинино. И наш комбриг Дерзилов, убежденный в моей героической гибели, наката на меня представление к правительственной награде. Смуров дал мне почитать это представление. Да-а, звучало оно сильно. Оказывается, я, «прикрывая товарищей, остался в подбитом танке» и «до последнего героически уничтожал живую силу и технику противника, уничтожив до десяти танков и большое количество солдат немецко-фашистских захватчиков». Там же было написано, что я своими героическими действиями обеспечил успех обороны, поскольку немцы в тот день деревню взять не смогли. Что же, все может быть... Хотя танков я лично подбил не больше трех. В общем, Дерзилов представил меня к ордену Боевого Красного Знамени. В штабе Западного фронта представление исправили, и в итоге 8 января 1942 года последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому я в числе прочих награждался орденом Красной Звезды. С пометкой «посмертно».

Этот самый орден Смуров и вручил мне у себя в кабинете с обычным постным выражением лица. Ясно было, что он не одобрял это награждение, но, как известно любому уголовнику, «закон обратной силы не имеет». А значит, вышел я из того кабинета не просто сержантом, но еще и орденосцем.

Кстати, решение о моей дальнейшей участи было предельно странным. Меня отправляли в Челябинское танковое училище для завершения обучения и присвоения командирского звания. О судьбе моих тетрадей Смуров не сказал мне ни слова. Из этого я сделал вывод о том, что мой «благодетель» из неведомой хроноспецслужбы прав на все сто процентов. Этот мир не переделать. По крайней мере, на моей должности и с моими возможностями...

Оставалось «плыть по течению». Что я и сделал. Правда, еще на вокзале я наметанным взглядом постперестроечного журналиста вдруг обнаружил за собой «хвост». И «пасли» меня практически до самого училища. Кому это понадобилось — черт его знает. Однако по опыту я знал, что «контора», прицепившись один раз, отстает не сразу и не навсегда...

В училище, где мы изучали хорошо знакомый мне Т-34, я прослыл как жлоб, отморозок и отчасти антисоветчик. Причина последнего была в том, что, вернув «в ряды», мне забыли выдать новый комсомольский билет. Документы, которые я сдал Дерзилову перед своим «последним» боем, как видно, сгинули с концами... На этом основании я игнорировал комсомольские собрания и отчасти политзанятия. Как оказалось, в те времена потеря партийного или комсомольского билета считалась страшным (где-то даже подсудным) проступком. Это там, где я живу, потеряв по пьяни паспорт, можно, не особо напрягаясь, выписать новый. А о том, что такое «комсомол» или «партбилет», у нас там давно забыли...

В общем, мое «персональное дело» дошло до начальника политотдела училища. Для выдачи нового комсомольского билета надо было писать кучу бумаг, отправлять запрос в «первичную организацию», где билет выдавали, и т. д., и т. п. А заниматься этим никто не хотел, поскольку я охотно рассказывал всем об обстоятельствах утери столь важного документа. Дескать, в танке сгорела «корочка», в последнем бою. Ну, перед тем, как я в плен попал. Последнее обстоятельство вообще действовало на командиров и политработников как красная тряпка на быка. Дескать, выискался на нашу голову хрен с горы, который отчего-то не скрывает, что был в плену и при этом почему-то попал не в штрафбат, а в приличное военно-учебное заведение...

Как бы там ни было, дело так и не сдвинулось до самого выпуска. А выпуск затянулся, поскольку в самом начале 1943-го объявили о создании нового рода войск — самоходной артиллерии. И нас отправили на дополнительное обучение (оно в основном касалось азов стрельбы с закрытых позиций, что нормальным танкистам никогда не требовалось). В конце концов на фронт я попал в марте 1943-го лейтенантом. Командиром взвода из двух самоходок СУ-122.

А нынешний «День Дурака» был памятен тем, что после обеда мне вручали вторую Красную Звезду. За месяц на фронте я со своим взводом много чего наворотил: подбил несколько немецких танков и штурмовых орудий, обеспечив взятие ряда стратегически важных деревень и хуторов. Последнего из них — предыдущей ночью. А после недавнего контрудара Манштейна на Харьков это было очень важно.

Кстати, вручал орден (не мне одному, понятно, всего нашему полку раздали два десятка наград) лично член Военного Совета фронта Хрущев. Принимая из его рук красную коробочку, я испытал странные чувства. То есть, с одной стороны, я мог рассказать ему о том, что будет со страной и им лично. На шестьдесят лет вперед. А с другой стороны — он бы стал меня слушать? Или читать мою записку? Вряд ли... Коммунисты вроде Хруща были не те люди, чтобы верить голословным пророчествам из уст непонятно кого. Тем более слышать это от меня. Подозрительного типа, который вернулся из немецкого плена целым и невредимым и у которого (по мнению политработников) не все в порядке с головой...

Поэтому я позволил себе только одну малую шалость. Уже после вручения, когда Хрущев со свитой собирался уезжать, я попался ему на глаза и громко, чтобы он услышал, пропел (якобы себе под нос):

— Ах шестидесятые, гордые, пузатые. Разбавляй проклятую песней блатаря!

Ну, Хрущев на творчество группы «Любэ» никакого внимания не обратил и даже не

задержался возле меня. Только замполит нашего полка, майор Мотовилин, нехорошо на меня посмотрел. А потом он, как видно, в качестве наказания велел мне сопроводить «по местам боев» столичного журналиста, который приехал со свитой Хрущева из штаба корпуса, но остался, чтобы «собрать материалчик». Ну, я и показал ему «товар лицом». Для меня первая поездка в Чечню тоже началась с вот такого осмотра обугленных трупов (правда, своих, а не вражеских), с очень похожим конечным результатом...

Между тем мы с журналистом дошли до наших машин. Полк готовился к ночлегу. Собственно, за последние три недели мы потеряли почти половину техники и личного состава, так что полноценным полком нас считать было нельзя. После последнего боя нам объявили, что нас отводят во второй эшелон. Это тоже было правильно. Экипажи вымотались до последней степени, снаряды и топливо закончились. Ну а пока над Украиной опускался вечер. Небо было удивительно чистое. Весна, она и на войне весна...

Ночевать нам предстояло (как и все предыдущие дни), скорее всего, в машинах. На хуторе осталось всего два целых дома и несколько сараев, но там уже угнездились на ночлег управление полка.

— Теркин! Тебя там спрашивают! — обрадовал меня попавшийся на глаза ординарец командира полка Капустин.

— Кто спрашивает?

— Не знаю. Иди к хате, где штаб, там увидишь...

Только этого не хватало... Попрощавшись с корреспондентом, я почапал в указанном направлении. В голове запульсировал явный сигнал беспокойства. Но беды мне эта встреча, похоже, не сулила. Наоборот, отдавало все это чем-то знакомым...

И точно — у штабной хаты я увидел два «Виллиса». И странноватые это были джипы — с самодельными утепленными кузовами и штыревыми радиоантеннами, торчащими сзади. А еще страннее были люди, стоявшие возле них. Во-первых, это были три парнишки гренадерского роста с почти одинаковыми физиономиями. Издали их даже можно было принять за братьев. Сходство усиливалось одинаковой экипировкой. Они были в канадских летных кожаных куртках на меху, летных же штанах-«ползунках» из того же материала, явно импортного происхождения унтах и неуставного образца ушанках из грязно-белой овчины. Я, в своих стеганых ватных штанах и расстегнутой трофейной немецкой штормовке, под которой была гимнастерка с погонями и двумя орденами, на их фоне смотрелся бледновато.

Но еще чуднее был четвертый приезжий. А точнее, приезжая. В кругу «трех близнецов» стояла и улыбалась Екатерина Васина собственной персоной. Она была в такой же, как у остальных, летной куртке и шапке со звездой, но в сапогах и полушерстяном форменном платье. Ее куртка была расстегнута, и на груди «радистки Кэт» я рассмотрел два ордена Красной Звезды, орден Ленина, медаль «За отвагу» и, наконец, Золотую Звездочку Героя Советского Союза...

— Привет моему спасителю! — приветствовала меня Васина. Она узнала меня первой. Хотя остальные, по идее, не должны были знать мою физиономию...

— Здравствуйте, — сказал я ехидно. — Товарищ Герой Советского Союза!!

— А почему таким тоном? — спросила она, запахивая куртку. — У вас какие-то проблемы с этим?

— Да никаких проблем, — усмехнулся я. — Только всем на фронте известно, за что дают Ваньке медаль, а за что Маньке орден...

— И за что?

— Ну, в вашем случае, краса моя ненаглядная, догадаться несложно. Не за «Дорнье» ли звездочка?

— За «Дорнье». А точнее, за его бортовое оборудование. Только это военная тайна!

— Могила! — пообещал я. Что-то настроение было специфическое, располагающее к стебу и хамству... Вообще, Васина в окружении этих ребяташек живо напоминала мне «посла доброй воли ООН» Анджелину Джоли во время ее визита в Чечню на вторую войну. Там импортную кинодиву Анджелку тоже было не видно за спинами спецназовцев из сопровождения. Но развить эту мысль и сказать какую-нибудь очередную сальность я не успел.

— Ну, здорово, что ли, Теркин! — сказал знакомый до ужаса голос за моей спиной. Я обернулся. В двух шагах от меня стоял незнакомый мужичок небольшого роста, одетый, как все прочие, в летнюю куртку, штаны и ушанку со звездочкой. На лице его выделялись пронзительно-черные сверлящие меня глаза. Так... Я заметил, как Васина и крупногабаритные ребяташки козырнули мужичку.

— Вы, товарищи, пока свободны, — сказал он им. — А вас, Теркин, я попрошу остаться. Мне с вами надо поговорить с глазу на глаз.

Радистка Кэт с мальчиками удалилась. Первое, что я сделал после этого, — схватил мужичка за рукав. Нет, на сей раз это был обычный человек из плоти и крови, да и куртка на ощупь была самая что ни на есть обыкновенная.

— Да не голограмма это, успокойся, — усмехнулся мужик. — Это обычная психоматрица. Только управляющая — чуть посовременнее твоей...

— Ты — это ты?! — задал я предельно дурацкий вопрос.

— Да, я — это я, — ответил мужик в тон мне и предложил: — Пойдем, пройдемся...

Когда мы немного отошли от хутора, чавкая подошвами по грязи, он достал из кармана какую-то бумагу.

— Ознакомься, — сказал он. — Пока светло...

В бумаге речь шла обо мне: «Откомандировать лейтенанта Теркина В. И. для прохождения дальнейшей службы в распоряжение командира специального подразделения „7-40“ майора Заруба Н. П.». Подпись: «Начальник 3-го отдела объединенной разведывательно-контрразведывательной службы при Коминтерне (ОРКСК), генерал-полковник Топорков П. Г.».

— Это ты, что ли, майор Заруба? — спросил я своего, как оказалось, старого знакомого.

— Да, здесь я майор Заруба Николай Петрович, командир указанного спецподразделения. В узких кругах я известен как «Заруба на Прикладе». Кстати, наше спецподразделение называют «Дважды краснозвездное», поскольку у всех, кто в нем служит, имеется минимум по два ордена Красной Звезды...

— Это замечательно, а я вам, таким крутым, зачем?

— Большие дела делать, если ты еще не понял.

— Погоди... Выходит, ваша резидентура легализовалась здесь под крышей Коминтерна?

— Ну, что-то вроде того...

— А я вам в каком качестве нужен? Опять как используемый «втемную» киллер?

— Нет. Просто раз уж ты сюда заслан, то грех тебя не использовать. Учти, что в моем подразделении все местные и об истинных целях даже не догадываются. Ты же более-менее посвящен в суть дела. А в каком качестве тебя использовать — тоже понятно. Например, в твою психоматрицу встроены адаптеры. А значит, для тебя не существует языкового барьера.

Ты можешь говорить и понимать сказанное хоть на суахили. Уже одно это превращает тебя в ценного кадра...

— Можно еще один очень глупый вопрос?

— Валяй.

— Твои здешние лицо и фамилия соответствуют реальным?

— А оно тебе надо? Меньше знаешь — крепче спишь...

— Понял. Больше вопросов не имею. А скажи, что тут делает эта моя протезе?

— Васина, что ли?

— Она самая.

— Сказал бы лучше девке спасибо. Если бы не она и ее папаша из ГРУ — сдали бы тебя смершевцам, а уж они бы из тебя слепили все, что угодно. А вообще-то Васина — весьма ценный спец. Она радист экстра-класса, умеет пилотировать несложный самолет, типа У-2 или Р-5, знает немецкий. Кроме того, у нее до вашей истории с угнанной «дорой» было семь забросок в тыл к немцам и финнам. С разными результатами, но каждый раз девочка успешно возвращалась.

— И только-то? Никогда не поверю, что дело тут только в этом!

— Ну, где-то ты прав. Эта чертова Васина уже после всего отчего-то начала вспоминать обрывки нашего с тобой разговора на том аэродроме. Почему — непонятно, она, вроде бы все время была без сознания. Человеческий мозг — загадочная штука... Слава богу, что у нее эти воспоминания раньше не прорезались. Если бы их занесли в протокол, ты бы, наверное, так легко не отделался. В общем, я ее от греха подальше перевел к себе, чтобы была на глазах, а то мало ли кому она захочет про это рассказать... Еще вопросы будут?

— Будут. Чем ваше краснозвездное спецподразделение вообще занимается и при чем тут Коминтерн?

— Коминтерн нужен постольку, поскольку работать приходится в основном за рубежом. Кроме того, Коминтерн через пару лет официально распустят. Это позволит надежно спрятать многие «концы» на вполне законных основаниях. А занимаемся мы в основном ликвидациями и изъятиями. Главным образом — людей, хотя иногда приходится работать и с документами. Отчасти действуем в интересах реального здешнего Коминтерна, отчасти — в своих. Личности, признанные «вредными», ликвидируются. Реже берем их живьем, но это всегда сопряжено с массой сложностей — надо тщательно легендировать исчезновение и т. д.

— Это в том смысле, что вы выкрадываете кого-то здесь и передаете «назад в будущее»?

— Именно.

— И что там с этими «возвращенцами» делают?

— Обычно судят и приговаривают к строгой изоляции. Иногда память стирают. А полностью их ликвидируют обычно прямо на месте — чего зря энергию тратить?

— Мне вы потом тоже память сотрете?

— Больно нужен ты кому. Все равно ты не в один «расклад» полностью не посвящен и ничего дельного в случае чего рассказать не сможешь...

— Ну, спасибо! Практически в козла меня опустили...

— Ты давай без обид. Это я тебе просто популярно объясняю, чего ты стоишь на этой грешной земле...

— И на том спасибо.

— Вещей у тебя много?

— Не-а, мне собраться — что голому подпоясаться...

— Тогда иди, собирайся.

— А может, я не хочу? Здесь вообще-то интересно, пострелять из крупных калибров дают. А дома что — жвачник смотреть или порники в Интернете... И вообще, я в здешней публике сильно разочаровался...

— До дома еще добраться надо. А чем тебе здешняя публика помешала?

— Уроды. Я им все планы немецкого командования на год вперед выдал. А они — ноль внимания! Счастья своего не понимают...

— Во-первых, насчет «ноль внимания» ты ошибаешься. А во-вторых, даже если бы через фронт к русским перебежал Йодль или Гальдер с аналогичными рассказами — им бы тоже не поверили на сто процентов. Так ты же не Гальдер... И вообще — кончай мне мозги компостировать, «незаменимый специалист». Твой комполка аж запрыгал от радости, узнав, что тебя переводят...

— А замполит небось вообще заплакал от счастья... С них станется...

Я сплюнул в грязь и пошел к своей самоходке за вещмешком. В небе загорались первые звезды, и я понял, что самое интересное, наверное, еще впереди...

Голоса за кадром — 3. ПОВЕЛИТЕЛЬ ОДНОЙ ШЕСТОЙ ЧАСТИ СУШИ.

Несколько ранее. Кабинет в Кремле.

Климов давно не видел Хозяина таким задумчивым. Сталин курил трубку и мрачно смотрел на стол перед собой. На столе лежали две толстые общие тетради в серых холщовых обложках...

— Это хорошо, товарищ Клымов, — сказал Хозяин, положив потухшую трубку, — что на сэй раз информация попала к вам раньше... Это замычательно...

— Так точно, товарищ Сталин!

— Что дала проверка изложенных фактов, товарищ Клымов?

— Проверка, товарищ Сталин, показала, что все изложенные в данных документах события действительно произошли. По крайней мере, то, что касается периода с июня по ноябрь нынешнего 1942 года...

— Это я и сам сумэл понять, товарищ Клымов. Что еще?

— Анализ документов показал, что совпадение с происходящим в действительности составляет не менее 80 %. Мистика какая-то, товарищ Сталин!

— Ви это бросьте, товарищ Клымов. Что еще показала проверка?

— Проверить предсказания, связанные с ближайшим будущим, мы, товарищ Сталин, по понятным причинам не в состоянии...

Эта фраза заставила Сталина усмехнуться в усы. Если бы Климов со своими головорезами умел еще и предсказывать будущее, Сталин был бы вообще всемогущ...

— Между тем, — продолжал Климов, — проверка личности автора документов показала, что, по крайней мере, большая часть его рассказов о пребывании в плену достаточно правдоподобна, товарищ Сталин!

— В каком смысла «достаточно правдоподобна», товарищ Клымов?

— В районе Бреслау, по оперативным данным разведки, действительно находится танковый полигон вермахта, где немцами испытываются как новейшие, опытные образцы своей техники, так и представляющие интерес трофеи. Проверка подтвердила, что на полигоне действительно работали советские пленные. По крайней мере, в тот период, о котором рассказывал автор документов. Подтвердилась и информация о постоянных визитах на полигон высших нацистских чинов. По оперативным данным, Гитлер в указанный период побывал там три или четыре раза, Геринг — два раза, Шпеер — не менее десяти. Про фельдмаршалов и генералов из ОКВ и ОКХ я не говорю. Они, товарищ Сталин, наезжают туда регулярно.

— То есть вы хотите сказать, товарищ Клымов, что этой информации можно верить?

— Видимо, можно, товарищ Сталин. Но с учетом того, что мы не можем проверить все 100 % полученной информации...

— Да, — сказал Сталин задумчиво, вроде бы специально ни к кому не обращаясь. — Пока все удивительным образом совпадает... Что, кстати, с автором документов?

— К счастью, им с самого начала занималось ГРУ. Они оперативно информировали нас, что позволило избежать ненужной огласки. Силовое воздействие я, по вашему распоряжению, запретил. За интересующим нас человеком установлен негласный контроль. Данные контроля подтверждают, что он тот, за кого себя выдает.

— Где он сейчас?

— После проверки он отправлен на учебу в одно из танковых училищ. После чего отправится на фронт, товарищ Сталин. Никаких вызывающих подозрение контактов у него до последнего момента не было...

— Хорошо, товарищ Клымов. Пусть все идет своим чередом. Наблюдение продолжайте, но аккуратно, чтобы никто ничего не заподозрил...

— Так точно, товарищ Сталин!

— Вы свободны, товарищ Клымов!

Все говорило Сталину о том, что эти материалы необходимо было использовать. И тут вождь скривился, словно от зубной боли.

Дело в том, что за год с лишним до этого имел место аналогичный случай. Началось все с того, что в Ленинграде вскоре после окончания «Зимней войны» с белофиннами в апреле 1940 года прямо-таки ниоткуда объявился некий «человек со странностями». Он привлек к себе внимание тем, что высказывал жуткие вещи. В частности, говорил о том, что летом следующего года начнется большая война с Германией, которая будет иметь для СССР самые неприятные последствия. Более того, он послал в различные инстанции письма, где детально расписывал эти свои пророчества.

Понятно, что неизвестный пророк быстро привлек внимание НКВД. Мало того что он производил впечатление сумасшедшего, так еще и порол стопроцентную антисоветчину. Поэтому в июле 1940-го его арестовали и достаточно быстро осудили «за подрыв советско-германских отношений».

Горькая ирония была в том, что Климов со своей структурой в это время был задействован в Мексике и не мог отслеживать информацию. А болваны из НКВД просто не сочли нужным проинформировать вождя... Все помнят жуткую депрессию, в которую впал Вождь всех народов на шестой день войны. Так вот, ее причиной были не только неудачи на фронтах, но и пухлое письмо, принесенное Хозяину Климовым 28 июня 1941-го. В письме вождь обнаружил детально расписанный план «Барбаросса» и нарисованную от руки карту,

где была обозначена точная расстановка сил на 22 июня и точные направления немецких ударов. Вождя привело в бешенство не столько письмо, сколько дата его отправки — 3 июня 1940 года. Как оказалось, Климов нашел письмо в сейфе секретариата, где оно лежало без движения. Срочно вызванный на ковер Поскребышев заявил, что Наркомат внутренних дел и товарищ Жданов не рекомендовали знакомить товарища Сталина с текстом письма, поскольку оно написано сумасшедшим. Якобы НКВД и Жданов получили дубликаты этого письма, отправленные тем же адресатом... В общем, Поскребышев с трудом увернулся от полетевшей ему в лицо настольной лампы...

По приказу Вождя провели проверку, которая выявила и вовсе поразительные факты. Оказывается, неизвестный пророк бесследно исчез, едва прибыв в пересыльный лагерь под Саранском 5 декабря 1940 года. Конвой сдал его в числе других этапированных, начальник оперчасти лагеря расписался в получении, а через час оказалось, что фигурант исчез. Из столыпинского вагона его выгрузили, но в лагерь он словно и не входил. Растворился. Сначала думали, сбежал. Искали две недели. Не нашли. А потом выяснились и вовсе смехотворные вещи. Из личного дела исчезли все фотографии арестованного. Более того, оказалось, что его фамилия осталась неизвестной. Арестован был некто В. Суворов, приговор вынесли В. Суворину, а в ГУЛАГ по этапу отправился некто В. Суров. Были ли это простые ошибки, опечатки и описки или чей-то злой умысел — так и не дознались. Хотя голов слетело много — Хозяин таких номеров не прощал...

Но эта история имела еще более длительное продолжение. Оказывается, соседом пророка по коммуналке был некий мальчишка-школьник. И, видимо, некоторое из услышанного от соседа он записал в свой личный дневник. Без лишних деталей, разумеется. Мальчишка позже ушел на фронт и погиб в 1944-м, а его дневник был неожиданно найден родственниками в 1986-м. К их удивлению, там была довольно точно названа дата начала Великой Отечественной войны, ее ход (особенно в первые два года), названы годы и месяцы «коренного перелома в войне» и «дня победы». Цитаты из этого дневника печатали в «Технике — Молодежи» и «Науке и жизни». Они наделали много шума — тогда опять пошла мода на провидцев и экстрасенсов. Вот только о бесследно исчезнувшем странном квартиранте никто уже не помнил...

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ № 2.

На фотографии было заснято несколько человек, на фоне «Дугласа» с эмблемами ВВС НОАЮ. Часть из них была в летных кожанках и маскхалатах, часть — в живописно-разномастном обмундировании и широких пилотках, что выдавало в них партизан.

— Вон тот, четвертый справа, с перевязанной рукой, — пояснил Божко. — Мой дед Драго.

— А полное его имя как было? — поинтересовался я.

— Драголюб.

— Занятные у вас, сербов, имена. И что твой дедушка?

— Он партизанил всю войну, а в 1944-м прикрывал отход штаба Тито и должен был погибнуть. Но его спасли советские парашютисты.

— И что?

— А то, что один из них потом предсказал деду ту войну, которая у нас идет сейчас. Дед

все хорошо запомнил и до сих пор поражается — откуда тот русский парень все знал... Вон он, кстати, на фото, второй слева от деда. Кстати, по-моему, он на тебя чем-то похож...

Я внимательно посмотрел на пожелтевший, но довольно четкий снимок. Черт знает, чем он на меня похож и почему Божко так решил. Обычный русский солдат, в пилотке и маскхалате...

— Дедушка жив? — спросил я Божко.

— Жив, недавно из Младеноваца приезжал...

Вся проблема была в том, что разговор этот происходил осенью 1992-го в Белграде. А память ко мне вернулась только после «дематризации», через пятнадцать лет. До того я напрочь не помнил всего, что было связано с той давней войной. И, естественно, свою физиономию на снимке я узнать не мог.

Вообще-то моего сербского (хотя тогда они все еще называли себя югославами) приятеля звали Божедар Калесич. И встречались мы по случаю моей командировки в «бывшую Югославию» — до этого Божко приезжал в Россию, где мы и познакомились. У Божко был брат Эмир — военный летчик, а его отец Любомир вообще был армейским полковником и воевал в тот момент где-то в Боснии. Так что материал я тогда собрал неплохой. Удалось даже съездить на авиабазу Батайница, поснимать сербские МиГ-29 и МиГ-21 и с помощью брата Божко даже покататься на «спарке».

Поскольку Божко сносно говорил по-русски, мы тогда много спорили. Мне почему-то с самого начала казалось, что дело сербов — табак. Я доказывал Божко, что додавить всех сепаратистов-соседей им не дадут, а если дело дойдет до серьезной войны с Западом, сербам насуют полную попу огурцов. Поскольку их несчастные пятнадцать МиГ-29 против хотя бы одних бундеслюфтваффе — тьфу... Ерунда на постном масле. А Божко отвечал, что «чем учить жить других, у себя дома разберитесь, демократы хреновы». И ответить ему мне, честно говоря, было нечего. Но тем не менее глотку мы драли азартно, особенно под местную сливовицу. Молодые были, глупые... В общем, уезжая, я напороочил Божко, что этот их в жопу изысканный Слободан доведет Югославию до полного распада и хаоса, если будет продолжать в том же духе. В ответ Божко аналогичным образом высказался о Борисе Николаевиче. На том и расстались. А в 2000-м мы с ним опять встретились в Питере и надрались до помороков. Мы же тогда на пол-литра спорили, чья страна раньше развалится, дураки. Честно говоря, жалко мне было, что Божко проспорил, но жизнь есть жизнь... «И откуда вы, русские, всегда все знаете?» — спросил меня пьяный вдребезину Божко. И заплакал. А утешить его мне было нечем. К тому времени его дедушка уже умер, отца потянули в Гаагский трибунал, за «военные преступления», а брат стал инвалидом — в 1999-м он сбил натовский «Торнадо», но и сам словил ракету в сопло. Катапультировался не совсем удачно — повредил позвоночник, со всеми вытекающими... Эх, да что говорить... Только спустя несколько лет, вернувшись из «близкого далека», я первым делом позвонил ему в Белград. «Через полтора десятка лет все изменится, — сказал я ему. — Для нас, братушка, русских и сербов, Вторая Мировая еще не кончилась. И рано или поздно ее закончат — не мы, так другие...» Почему я ему это сказал? А потому что знал. Если, конечно, Заруба мне не наврал...

А в 1944-м у нас все было как-то буднично. В общем-то, рядовая операция, если вдуматься... Прыгали в темноту. Сначала Катька Васина с рацией на длинном леере, потом тройка тех самых «гренадеров» (фамилии их были Рвякин, Жвакин и Мухин, и работали они у нас по силовой части). После них прыгали мы с Зарубой и замыкающая пара — Клепка и

Фельдман. Эти двое были умниками и полиглотами, знали языки и топографию и у нас, помимо прочего, занимались планированием операций.

Пилотировал «Дуглас» Славка Кинев (которого у нас, перевернув фамилию наоборот, почему-то дразнили Веником), летчик-универсал, симпатичный блондин мрачного вида. Кинев более всего возбуждал мой интерес. У него была какая-то нетипичная биография. Несмотря на молодость, он в середине 1938 года успел повоевать в Испании, потом сражался с финнами и летал в Полярной авиации. К июню 1941-го у него было четыре ордена, а это о чем-то да говорит. Летать он мог на всем, что имеет винт и крылья, что неоднократно доказывал на деле. Вообще, на нашем базовом тренировочном аэродроме в Северобайкальске была куча образцов разномастной авиатехники. И если наличие там итальянских «Макки» или американского Р-51А «Мустанг» я еще могу объяснить, то понять, откуда там взялся американский же палубный F4F «Уайлдкет», я был не в силах...

Десантировались мы в десятке километров от местечка, именуемого на картах то ли Купрешко, то ли Купресско поле (километров 80 юго-восточнее боснийского городка Дрвар), в ночь со 2-го на 3 июня 1944 года. В этот день немцы имели шанс захватить маршала Тито со штабом и нашу военную миссию. Сэр Рэндольф Черчилль (сын Уинстона и глава английской миссии при штабе НОАЮ) быстро бегать не был приучен и потому достался немцам в качестве «утешительного приза»...

— По меркам 1948 года мы совершаем чудовищное преступление, — сказал Заруба мне на ухо, пока мы летели. — Тогда нам бы приказали или не мешать, или даже помочь немцам. Но сейчас не 1948-й, и наверху решили, что Тито на этот раз должен сбежать...

На каком именно «верху» это решили (в Коминтерне или КТБ), я не решился спросить...

— Лепота! — сказал Заруба, когда бой закончился. Немецких десантников было человек пятьдесят, и у них был хороший проводник из местных. Пройдя по горным тропам, они почти перехватили желанную цель. У Тито и нашей миссии оставался неполный взвод прикрытия, и дело, казалось бы, было решено. Но тут с тыла возникли мы. Мы имели одно решительное преимущество: Заруба всегда и везде знал наперед, откуда зайти, когда и где...

В общем, за час я тогда расстрелял двадцать один рожок к ППШ. Немцев мы положили всех до одного. Из партизанского взвода прикрытия уцелел только один Драголюб Калесич, дважды раненный в руку и практически без патронов...

Дальше было не так интересно. К вечеру мы вывели Тито со штабом НОАЮ и ЦК КПС а также генерала Н. В. Корнеева с нашей военной миссией на подходящее в качестве импровизированной ВПП поле. Там мы соединились с партизанским подкреплением и стали ждать вечера.

Написать товарищу Тито записку я не успел бы, да и не на чем было. Единственное, что я успел, — это сказать ему «пару ласковых».

— Я не сомневаюсь, товарищ маршал, что вы создадите на Балканах весьма передовую державу, — сказал я ему на чистом сербско-хорватском. — Но обязательно позаботьтесь о преемниках!

— Зачем? — на царственном лице товарища Иосипа Броза отразилось непонимание.

— Не сейчас, а лет через тридцать, — ответил я, — потому что вы не вечны, как и все в этом мире...

На лице Тито проявилось еще большее непонимание... Слышавший наш разговор Заруба молча показал мне кулак..

Как подтвердил ход дальнейшей истории, мои слова товарищ Тито всерьез не воспринял, а может, просто забыл. А зря...

Ну а дальнейшее широко известно. Принято считать, что в ночь с 3-го на 4 июня из Бари прилетел советский С-47 с экипажем А. С. Шорникова, который и забрал всех «погорельцев» из Купрешко поле. Это все правда, только Шорников садился вторым. Первым на бомбардировщике В-25 приземлился Кинев, предварительно разбросав серик САБов, без подсветки которых Шорников не сел бы на это поле. В «Дуглас» Шорникова набилось больше двадцати человек, поэтому героического Калесича (едва теплого от кровопотери) мы затащили к себе на борт «Митчелла». Лететь было долго, и все время полета (мы с Калесичем сидели в пустой кабине кормового стрелка) я излагал сербу балканскую историю последующих шестидесяти лет. Я думал, что он лежит в полуобмороке и ничего не запомнит. А оказалось — нет. Ирония судьбы...

Наш В-25 теоретически должен был прикрывать С-47 Шорникова на маршруте до Бари, но ночных истребителей у немцев под рукой не оказалось. Так что долетели без приключений. А сфотографировались 4 июня 1944-го в Бари по инициативе того же Калесича. Правда, Заруба сниматься отказался. Не любил он этого...

За эту акцию всех нас наградили орденами Отечественной войны 1-й степени. Если сравнить это награждение с благами, свалившимися на головы экипажа Шорникова (они стали Героями Советского Союза и национальными героями Югославии), то это — почти ничего. Но, если вспомнить, какие неприятности ждали увенчанного лаврами Шорникова через три года, нам можно было только позавидовать...

Вернувшись из Бари, я понял, что самое интересное, похоже, только начинается. И не ошибся...

Голоса за кадром — 4. ПОВЕЛИТЕЛЬ ОБЛОМКОВ.

27 января 1945 года. Берлин. Разговор в узком кругу после совещания в бункере Гитлера.

— Мой дорогой Отто, — голос фюрера был слабым и скрипучим. — Надеюсь, вы согласны с тем, что нет более противоречивого союза, чем нынешний союз Сталина, Черчилля и Рузвельта?

— Да, мой фюрер! — ответил Скорцени, все еще недоумевавший по поводу того, что Гитлер вызвал его на это закрытое совещание, а потом и вовсе повелел задержаться после его окончания.

— Надеюсь, моя мысль о том, что нам необходимо как можно скорее стравить эту троицу между собой, высказанная сегодня, находит у вас понимание, Отто?

— Да, мой фюрер!!

— Так вот, нами получены весьма достоверные сведения о том, что в начале февраля Сталин, Черчилль и Рузвельт намерены собраться в Крыму. На конференцию, где эти самоуверенные мерзавцы намерены определить судьбу Европы на послевоенный период...

На лицах Скорцени и присутствовавших здесь же Гимmlера, Геббельса, Бормана и Бургдорфа после этих слов появилось выражение безнадежного ужаса...

— Помешать этому сборищу мы не сможем, — продолжал фюрер. — Но наша разведка

только что получила достоверные сведения о том, что русский Генеральный штаб уже разработал секретный приказ, или директиву, о неких «особых боевых действиях», «атаках особых целей» или «боевых действиях в особый период». Наши агенты совершенно определенно указывают на то, что приказ касается возможных вариантов действий русских войск в Европе против англичан и американцев и относится к моменту, когда рейх, по их прикидкам, будет окончательно разгромлен. Этот наглый азиат, не успев закончить одну войну, уже планирует другую...

Фюрер облизнул серые бескровные губы. Все собравшиеся благоговейно внимали вождю всех немцев.

— Так вот, — продолжал Гитлер. — Этот приказ секретный и шифрованный. И в ближайшие дни он будет разослан русским Генштабом в войска. Видимо, его получают все командующие русскими фронтами. Я решил, что нам необходимо любой ценой добыть подлинный экземпляр этого приказа. Расшифровать его и опубликовать, пока конференция в Крыму будет идти. И я не берусь предсказывать, как поведут себя Черчилль и Рузвельт, узнав о подобных планах своего русского друга! Возможно, это будет поворотным моментом в истории всей войны!!!

— Отто! — обратился фюрер к Скорцени.

— Да, мой фюрер! — гаркнул тот, вскакивая с места.

— Я решил, что добыть этот приказ для пользы нашего общего дела способны только вы! Вы лучший!!!

При этих словах вождя Скорцени довольно ухмыльнулся. Уродливый шрам на его левой щеке придавал этой ухмылке странное выражение. Скорцени знал то, о чем фюрер не догадывался. Он не был лучшим из лучших. Просто он всегда оказывался в нужное время в нужном месте. Все его громкие операции реально были хорошо срежиссированной работой на публику. В 1941-м Скорцени и ему подобные, планировавшие диверсионные операции в России, почти не повлияли на реальную обстановку на фронтах. Нашумевшее спасение Муссолини в действительности тоже было полной фигней. Достаточно вспомнить, что охраняли итальянского дуче КАРАБИНЕРЫ, а не армейские подразделения, а под командованием самого Скорцени находились десантники из УЧЕБНОГО парашютного батальона войск СС! Это выглядело, как если бы командир американских «зеленых беретов» во время операции в Панаме рассказывал всем об успешном разгроме какого-нибудь местного полицейского участка... В Венгрии Скорцени со своими людьми всего лишь обеспечил ввод немецких войск на территорию СОЮЗНОЙ страны, где никто и не думал сопротивляться вермахту. В Арденнах, командуя особой 150-й танковой бригадой, Скорцени не достиг ни одной из поставленных целей, поскольку эта операция планировалась явно «на коленке». Тем не менее ему и его мальчикам удалось нагнать невероятного страха на союзное командование. Раскрученный бренд «Скорцени» успешно работал, и при одном его упоминании Паттону и Монтгомери на каждом шагу тут же мерещились страшные и ужасные сверхподготовленные немецкие диверсанты. В итоге — ордена, почести и статус «любимца фюрера»...

— Во все детали, мой дорогой Отто, вас посветят, — продолжал Гитлер. — Помните, что от вас, возможно, зависят судьбы войны и тысячелетнего рейха! И имейте в виду, Отто, у вас очень мало времени. Поэтому не стесняйтесь в выборе средств и методов!!

— Да, мой фюрер! — ответил Скорцени. Так начиналась совершенно неизвестная впоследствии страница истории жизни «первого диверсанта Гитлера»...

Так встают на ступени, идущие в рай. Так живут все, кто умрет все равно...

Ольга Арефьева. «Дорога в рай»

Забытая операция — сюрприз для Адольфа. 5 февраля 1945 года. Высотка рядом с полевым аэродромом самолетов связи, в районе Бервальде. Восточный берег Одера. Полоса наступления 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта. Прекрасный зимний день. Настроение выше среднего.

— Кать! — сказал я нашей радистке Кэт. — Поклянись, что, когда эта война кончится, не будешь больше ходить в штанах и сапогах!

Фраза была сказана человеком из времени, где женщины давно не носят ничего, кроме штанов в обтяжку, которые непонятно как держатся ниже бедер и под которыми видно все, вплоть до... Короче, чем носить такое — лучше бы ходили вообще без штанов...

Она как раз нагнулась в окопе над своей рацией, приподнялась и удивленно посмотрела на меня.

— Интересно, а в чем же мне ходить после войны? — поинтересовалась она насмешливо. — И почему это я должна клясться в этом именно тебе?!

Вообще, Катька Васина была у нас в подразделении «7-40» скорее чем-то вроде талисмана, и отношение к ней среди личного состава было соответственное. Лично у меня отношения с ней были скорее дружеские. Большого мне и не надо было. В том смысле, что задушевных разговоров под чаек на базе вполне хватало...

— Ходи в чем угодно. В платьях, юбках, туфлях. Только мужикам больше не уподобляйся. Ты же красивая, у тебя ноги стройные, да и вообще... Грех все это прятать...

Комплимент насчет стройности был, наверное, не очень уместен. Мы сидели в замаскированном окопе, одетые в белые маскхалаты поверх ватников и таких же штанов, и обозревали в сильные бинокли захваченный немцами аэродром. Довершали нашу экипировку валенки, ушанки и автоматы ППС, а также стоящий на бруствере «дегтярь».

— Забавно от тебя такое слышать, — усмехнулась Катька. — Только я все-таки насчет клятвы не поняла...

— А что тут понимать? Просто есть у меня нехорошее предчувствие, что я до конца этой войны не доживу. Так можешь ты поклясться потенциальному погибшему герою?

— Василий, я всегда знала, что ты идиот!! Я никогда не могу понять, когда ты шутишь, а когда говоришь всерьез! А с такими вещами вообще не шутят! Типун тебе на язык! Если тебе так хочется — хорошо, я клянусь. Но вот только про смерть больше не надо, ладно?!

— Ладно, как скажешь, — согласился я. Хотя я-то точно знал, что мне, нынешнему, этой войны пережить не суждено...

— Как там? — спросил я, резко сменив тему разговора. — Скорцени не видать?

— Да вроде нет...

На высотке мы сидели с самой ночи. Аэродромчик этот служба связи фронта

организовала здесь всего два дня назад на месте бывшего немецкого (по сторонам летного поля еще темнели останки нескольких «Бюккеров» и «Физлер-Шторьхов»), Красная Армия только что вышла к заветному Одеру (последней водной преграде перед «логовом зверя»), сплошной линии фронта еще не было, и по нашему берегу реки еще бродили в большом количестве недобитые немецкие подразделения. Этим и воспользовался башковитый Скорцени со своим «спецбатальоном». Используя кое-какую трофейную технику и переодевшись в советскую форму, они просочились через фронт и утром успешно захватили этот аэродром, на котором было всего два У-2 и один (приготовленный, видимо, специально для такого случая) учебный Як-7В. Весь наш немногочисленный персонал немцы, похоже, сняли без выстрелов. Два часа назад на аэродром сел УТ-2 с фельдъегерем, ради которого Скорцени и устроил весь этот цирк. Фельдъегерь вез маршалу Рокоссовскому (передовой КП которого находился неподалеку, напротив Кюстрина) некий секретный приказ, к которому у немцев был какой-то нездоровый, до рези в яйцах, интерес.

Увидев, что фельдъегерь захвачен и все идет по плану, Заруба ушел, как он сказал, «собирать сувениры». Рвякин, Жвакин и Мухин ушли с ним, а мы с Катькой остались на связи. Мы ждали момента, когда Скорцени наконец сядет в самолет и улетит. Вот тогда и начнется «второе отделение концерта по заявкам радиослушателей». В том, что Скорцени с трофейным документом будет уходить воздухом, а не как-то иначе, наше высокое начальство не сомневалось.

— Идут, — сказала Катька почему-то шепотом. Я прикинул к биноклю. Точно, по полосе мимо У-2 и УТ-2 напрямиком к Як-7В быстро шел высокий мужик в нашем полушубке с ремнем и портупеей и шапке. Это остроносое лицо с рубленным шрамом на левой щеке трудно было с кем-то спутать — сколько раз я его в хронике видел... За ним семенил шустрый типчик в летном шлеме и комбинезоне.

— Давай, докладывай, — сказал я Катьке, видя, как пилот садится в переднюю кабину «яка» и запускает двигатель. Наша Кэт нацепила наушники и нагнулась над рацией. Из выхлопных патрубков «яка» пошел сизый дым. Винт пару раз дернулся и начал вращаться, поднимая тучу снежной пыли. В бинокль я четко видел, как к Скорцени подбежали два мужика командирского вида. Один — в советского образца полушубке и ушанке, второй — в обычной немецкой зимней куртке и каске, оба с автоматами «Штурмгеве-44». Скорцени, нервно размахивая руками, отдал им какие-то распоряжения, после чего полез в заднюю кабину Як-7В. Вот где пришлось увидеть живьем эту легендарную личность... Да еще на расстоянии выстрела. Я совершенно спокойно мог изрешетить его из ДП, но по гениальному замыслу отцов-командиров сегодня ему надо было непременно дать уйти. Вот незадача...

Сухой резкий свист заставил меня поднять голову. Над аэродромом на малой высоте с невероятной скоростью проскочили два остроносых и, несомненно, реактивных двухмоторных самолета. Прилетели, эцилопы... Это явно были Ме-262, их, как и рожу Скорцени, было почти невозможно с чем-то спутать.

— Вот теперь он точно уходит, — крикнул я Кате. — Истребительное прикрытие пожаловало!

— Передала! — отозвалась моя напарница.

Между тем реактивные «мессера», заложив резкий вираж, сделали круг над аэродромом. Скорцени сдвинул вперед крышку фонаря кабины над своей головой, и зелено-голубой Як-7В с крупным белым номером 13 (нет, точно, ему этот аппарат подсунули с умыслом!), покачиваясь на неровностях, порулил на старт. Когда «Як» оторвался от земли и

пилот повел машину в сторону недалекой линии фронта, появился Заруба с ребятами. Они были все в снегу, тяжело нагруженные и очень довольные. Рвякин тащил два автомата «Штурмгеве-44», с массивными приборами инфракрасной подсветки и ночными прицелами, а также два ранца с питанием для этих приборов. Жвакин нес хитрую штуковину, похожую на увеличенный по длине и в диаметре блок стволов от еще пока не изобретенного пулемета «Миниган». Я не без труда узнал в штуковине «Флигерфауст» — изобретение сумрачного тевтонского гения, направленное специально против штурмовой авиации противника. Из этого многоствольного агрегата можно было стрелять по самолетам с плеча, выпуская залпом солидный «кулак» из небольших неуправляемых ракет. Насколько я помнил, «Флигерфаустов» немцы в конце войны выпустили всего несколько сотен, и на фронт попасть они практически не успели. И вот теперь я увидел это оружие «в натуре». Забавно. Кроме «Флигерфауста», Жвакин тащил два лотка с боеприпасами к этой адской машинке. Мухин пер на себе какую-то модификацию хорошо знакомого мне противотанкового трубообразного «Панцершрека» и ракеты к нему. Но самым довольным выглядел Заруба, тащивший две пухлые полевые сумки и нетяжелый рюкзак из немецкой камуфляжной ткани. Видимо, и там, и там были какие-то документы.

— Ну, как? — спросил я Зарубу.

— Мирowo! — ответил он, подняв вверх большой палец, и спросил: — Клиент улетел?

— Так точно!

На всякий случай я осмотрел небо в бинокль. «Як» с «клиентом» на борту уже скрылся на горизонте.

— Тогда передавай, что мы готовы! — скомандовал Заруба Катьке и приказал нагруженным ребятам: — Всем залечь и не высовываться!

Повисла зловещая тишина. Только возле аэродрома тарахтели моторы машин и танков... Тишина была удивительной — такой оглушительной в последние минуты перед тем, как в воздухе над нашими головами возник сверлящий душу рев. У меня под шапкой зашевелились волосы...

А через секунду последовал тяжкий, потрясший землю удар. Аэродром и его окрестности разом скрылись в кипении огня и дыма. Н-да... Скрипач не нужен... Поскольку Скорцени отбыл, по его людям, используя заранее пристрелянные ориентиры, отработали два дивизиона установок М-31. Тех, что нашими солдатами именовались «Андрюша» и «Лука Мудищев». Такими фигурками чуть позже разносили в щебенку укрепления Кенигсберга и Поморского вала. В общем, ходить и достреливать уцелевших не было смысла...

Сразу после того, как «андрюши» допели свою «арию», в небе и на земле возник шум иного рода. Первыми мы увидели самолеты. По безоблачному морозному (по европейским меркам) небу проскочили на большой скорости три или четыре девятки «лавочкиных». Похоже, в этой операции основная часть драки должна была состояться в воздухе. И, словно подтверждая это, на немецком берегу Одера замолотили зенитки...

Потом до наших ушей долетел отчетливый лязг гусениц и шум моторов. Через несколько минут в поле нашего зрения возникла торжественная процессия. Впереди, покачиваясь на неровностях, катился маленький граненый броневилок БА-64Б, окрашенный в белый цвет. Из открытой сверху башни броневика торчал тонкий ствол ДТ и радостная физиономия Фельдмана в шапке с опущенными ушами. За броневилок тяжело ползла «пантера» в типовом немецком камуфляже. На броне немецкой «кошки» сидели несколько

автоматчиков в белых маскахалатах, старательно размахивающих красным и белым флагами. А из открытого люка механика-водителя торчала голова Клепко, увенчанная ребристым танкошлемом. Личико у него тоже было, мягко говоря, довольное. Я обратил внимание на нестандартность захваченной «Пантеры». У танка была маленькая башня и пушка без дульного тормоза со стволом толще обычного. По-моему, это была «Пантера-F» или «Пантера-II» — один из последних вариантов этого легендарного немецкого танка, существовавший в лучшем случае в виде прототипов или предсерийных машин. Еще одна диковинка, которую мне довелось в этот день увидеть во всей красе. За «пантерой» ехал зеленый «студер» с тентованным кузовом.

— Как прошло? — спросил Заруба у Фельдмана, когда БА-64Б поравнялся с нами.

— Как в аптеке, — ответил Фельдман.

— Пленных взяли?

— Как приказали. Двоих — командира машины и механика.

— Архизамечательно! — сказал Заруба и, повернувшись к нам, приказал: — Сворачивайте связь и грузитесь в «студер». На сегодня кина больше не будет.

Уже вечером, на базе, Заруба посвятил меня в некоторые детали. У Скорцени была от силы неделя на подготовку операции, которую по личному указанию фюрера приказано было именовать «Winter Uberraschung» (Зимний сюрприз). Тем не менее, он успел сформировать для этой операции «специальный танковый батальон № 151». В батальоне было триста пятьдесят человек. В их число входило около сотни натуральных русских предателей, экипированных в советскую форму (их одолжили для операции в 1-й дивизии генерала Власова), остальные были уцелевшими ветеранами, воевавшими под командованием Скорцени в Арденнах и Венгрии, или танкистами из частей СС, откомандированными в спецбатальон вместе с техникой. Из техники «батальон № 151» имел три трофейных танка Т-34-76, два, трофейных же, броневика БА-10, пять «пантер» (в том числе один новейший прототип), десять штурмовых орудий Stug-III, а также три десятка легковых вездеходов и грузовиков. Дополняло экипировку батальона разнообразное ручное оружие, среди которого, как я имел возможность убедиться лично, имелись весьма интересные экземпляры.

В итоге батальон погиб в полном составе, не считая Скорцени, его пилота и двух пленных танкистов. Красной Армии все это стоило более сотни убитых и четырех небоевых самолетов, один из которых был угнан, а еще три сгорели под ударом М-31.

Воздушная часть операции оказалась куда более зрелищной. Хотя лично мы в ней не участвовали и судить могли только по докладам летчиков. Для прикрытия отхода товарища Скорцени люфтваффе задействовало крупные силы. В их числе было двенадцать новейших реактивных истребителей Me-262, в том числе и предсерийных модификаций. А кроме этого, в операции для фронтовых испытаний решили обкатать первый летный экземпляр новейшего реактивного истребителя Horten Go-229А-0 (американцы позже захватили два прототипа этого аппарата, да и те недостроенные), выполненного по схеме «летающее крыло». С нашей стороны действовало десять истребительных авиаполков, оснащенных Ла-5/7, Як-3/9 и «Аэрокобрами».

В общем, Скорцени успешно долетел к своим, но цена за этот успех была заплачена немалая. При его прикрытии немцы потеряли двадцать три поршневых Вf-109 и Fw-190, а также пять реактивных машин. При этом один из Me-262 (прототип с крылом увеличенной стреловидности) и Go-229А-0 упали на советской стороне фронта в малоповрежденном

виде... Советской авиации это обошлось в четыре десятка сбитых и поврежденных истребителей.

Но самое интересное случилось чуть позже.

Голоса за кадром — 5. ПОВЕЛИТЕЛЬ ОБЛОМКОВ. ОБРЕТЕНИЕ ЖЕЛАЕМОГО.

48 часов спустя. Берлин. Бункер Гитлера.

— Мой фюрер! — доложил гитлеровский адъютант Бургдорф. — Документ расшифрован!

— Так давайте его сюда!!! — голос фюрера дрожал. Присутствующие при этом Скорцени, Гиммлер, Геббельс и Борман подобострастно затаили дыхание. Бургдорф извлек из шикарной кожаной папки два листка с очень крупным шрифтом и положил их перед фюрером. Дрожащие пальцы фюрера вцепились в листки. Перед близоруким и глазами Гитлера предстал следующий текст:

ПРИКАЗ № 195053-А.

Совершенно секретно.

Шифровой код «Рассвет-2Г». Копия № 24.

Командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу К. К. Рокоссовскому.

Лично.

«О порядке действий при возможном обнаружении Воздушных Целей Особого Типа (ВЦОТ)».

Имеющиеся разведданные указывают на то, что в период с 1.01 по 1.07.1945 года войска КА на Европейском ТВД могут столкнуться с доселе неизвестным воздушным противником — ВЦОТ.

В полосе действий вверенных вам войск в указанный период не исключается возможность появления ВЦОТ с чрезвычайно высокими летными характеристиками.

Подобные ВЦОТ могут иметь следующие признаки:

- 1) Дискообразная или овальная форма корпуса.
- 2) Отсутствие видимых признаков каких-либо опознавательных знаков.
- 3) Цвет ВЦОТ — серебристый или светлый, неконтрастный на фоне неба в ясную погоду.
- 4) ВЦОТ может быть ярко освещена или оставлять за собой слабый светящийся след, особенно в темное время суток.
- 5) Обычно ВЦОТ передвигаются совершенно бесшумно.
- 6) ВЦОТ обычно имеют очень высокую (свыше 1000 км/ч) крейсерскую скорость полета.
- 7) ВЦОТ имеют феноменальные маневренные характеристики. Они способны к зависанию на одном месте и мгновенному изменению направления полета.

8) Вероятно, ВЦОТ имеют совершенную систему маскировки и обладают способностью к мгновенному исчезновению из поля зрения наблюдателя.

9) ВЦОТ обычно появляются из верхних слоев атмосферы и удаляются туда же, после выполнения каких-либо маневров.

10) Зафиксировано время наблюдения ВЦОТ от 3 секунд до 3 часов 45 минут.

Подобные ВЦОТ представляют особый интерес для Главного Командования КА (связь по каналу «Волга-1А»). Однако, поскольку ВЦОТ показали свою практически полную неуязвимость от огня любых огневых средств, имеющихся на вооружении ВВС и ПВО КА, а также наших союзников и противника, ни одного достоверно зафиксированного случая уничтожения или серьезного повреждения ВЦОТ до сего момента не известно.

В связи с этим приказываю:

1) При обнаружении ВЦОТ немедленно докладывать об этом по инстанции (связь по каналу «Днепр-5-С») и продолжать наблюдение за ней с использованием всех имеющихся в вашем распоряжении средств (от оптических приборов до РЛС). По возможности предписывается фотографировать и снимать ВЦОТ на киноплёнку.

2) Все обстоятельства, связанные с обнаружением ВЦОТ, тщательно документировать (по форме 91) и передавать по инстанции.

3) Зенитной артиллерии всех калибров и пулеметам огня по ВЦОТ не открывать вследствие полной неэффективности последнего. Зенитным расчетам вести наблюдение за обнаруженной ВЦОТ максимально возможное время.

4) Истребительной авиации при обнаружении ВЦОТ запрещается предпринимать против нее активные действия (атаковать и открывать огонь). Разрешается сопровождение ВЦОТ, насколько возможно длительное время.

5) Все места возможных посадок ВЦОТ оцеплять, тщательно охранять, не подпуская к ним посторонних лиц. Для обследования подобных мест вызывать специалистов (связь по каналу «Волна-18»).

6) Всех военных и гражданских лиц, оказавшихся на месте посадки или на борту ВЦОТ, изолировать до особого распоряжения.

7) В случае обнаружения совершившей вынужденную посадку ВЦОТ место посадки оцепить и охранять, не предпринимая активных действий до прибытия специалистов (код связи «Пламя-6»). При этом не рекомендуется приближаться к ВЦОТ ближе чем на расстояние 150–200 метров, а личному составу использовать индивидуальные средства защиты от ОВ (противогазы и противохимическую одежду).

8) О содержании данного приказа информировать только лиц, имеющих соответствующий допуск (список № 147-Б).

9) Приказ расшифровать только после получения санкции на это (шифрованный сигнал по коду 9991).

Зам. Начальника Генерального штаба КА Генерал Антонов А. И.

...Охрану и обслуживающий персонал бункера потряс визгливый звериный рев, раздавшийся из кабинета фюрера. Прибежавшие на рев медики обнаружили фюрера

лежащим на ковре. В руках фюрера были зажаты какие-то листки, ноги конвульсивно дергались, глаза закатились, а из уголков рта шла пена...

— Откуда они знают?!?!?! — кричал фюрер, в припадке катаясь по полу. — Как, черт возьми?!?!?! Отто, что вы мне притащили?!?!?! Кретин!!!! Межеумок!!!! Негодяй!!!!

Вывести фюрера из состояния истерики врачам удалось только через двенадцать часов, но последствия от чтения этого приказа сказывались на психике вождя всех немцев вплоть до его самоубийства...

Гиммлер приказал Скорцени исчезнуть подальше и не попадаться на глаза ни ему, ни фюреру. Скорцени это распоряжение выполнил. Правда, попав в плен к союзникам, он поделился содержанием «Приказа № 195053-А» с сотрудниками служб Донована и Даллеса. Те удивились. Но еще больше (вплоть до легкого сердечного приступа) удивился президент США Гарри Трумэн, когда на Потсдамской конференции Сталин, усмехаясь в усы, предложил ему разделить Луну на сектора, как оккупированную Германию... Продолжение эта история имела в 1960-е, когда янки ломанулись на Луну, а наши начали придумывать «асимметричный ответ». Но я при сем уже не присутствовал. В официальной биографии О. Скорцени операция «Зимний сюрприз» никогда и никем не упоминалась. Сам он о ней молчал, а единственный свидетель — пилотировавший тот Як-7В с несчастливым бортовым номером обер-фельдфебель Ганс Лефлер — был 19 февраля 1945 года арестован службой СД и бесследно исчез... Что скажешь, бывает...

*Все, что можно пожелать, все давным-давно сбылось.
Я ушел бы в темный лес, да нельзя свернуть с тропы...*

Борис Гребеничиков. «Самый быстрый самолет»

***Ночь перед победой — я ухожу. Ночь с 8-го на 9 мая 1945 года. Севернее г. Дессау.
Восточный берег Эльбы. Темно и сыро.***

Дегтяревский ручьяк стреляет очень громко. При этом у него довольно сильная отдача, и по плечу он бьет изрядно. Я расстрелял в темноту целый диск, и вроде бы кто-то там упал в кусты.

— Хватит, — сказал Заруба шепотом.

— Что, попали?

— Ага, — подтвердил Заруба. Ему можно было верить, поскольку он прекрасно видел в темноте без всякого прибора ночного видения.

То, чем мы там занимались, покойный автор «Моменты Истины» Богомолов именовал «Зеленая тропа». Больших боевых действий в этом районе уже не было, хотя какие-то недобитые «Кампфгруппы» еще бродили по советской «зоне ответственности». Но война еще отнюдь не закончилась, и поэтому масса немцев, и военных, и гражданских, днем и ночью бежала на западный берег Эльбы, в американский сектор. Боялись, что наши их всех съедят заживо...

Той ночью перед нами «в гости к союзничкам» должна была пройти группа из нескольких человек, один из которых был нашим «засланным казачком». Для достоверности их надо было обстрелять. Допускалась гибель или ранение одного или двоих из этих «бегунов». А поскольку корректировал мою стрельбу Заруба, в ее меткости сомневаться не приходилось.

— Так, — сказал Заруба. — Один убит, остальные, судя по плеску воды, уже во все лопатки ломают на тот берег.

— Наш-то цел?

— А то...

— Слушай, а кто они вообще такие? И почему к этой операции привлекли нас?

— Это довольно долгая история. Вообще-то эти ребята из конторы товарища Вернера фон Брауна. Знаешь такого?

— Как не знать.

— Вместе с Брауном успели сбежать не все сразу. Ну и мы под это дело отправили к ним своего человечка...

— Зачем?

— А вот это еще более интересный вопрос. Вспомни один из самых загадочных и непонятных моментов в истории атомных проектов периода Второй Мировой войны — производство тяжелой воды, которым занимались нацисты в Норвегии. Уже в 1960-е специалисты разбирались — а на фиг, собственно, нацистам была нужна эта самая тяжелая

вода? Ведь ее можно применять в качестве замедлителя в ядерных реакторах, но у Третьего Рейха реакторов подобного типа не было. Строго говоря, тогда вообще не было никаких реакторов, а в Германии с грехом пополам только начинали строить первый реактор, да и тот без D_2O . Конечно, из тяжелой воды производят дейтерий, который, как известно, служит начинкой для водородной бомбы. Но для изготовления классической водородной бомбы нужен «запал» из обычной атомной бомбы. А к ее реальной разработке немцы даже не приступали. Еще один вариант — дейтерий начиная с 1960-х годов предполагалось использовать как топливо в термоядерных реакторах. Но даже в начале XXI века таких реакторов в мире нет. Их не построили ни одного, и не планируют, ограничившись теорией. Напрашивается вывод о том, что у Гитлера был такой реактор... Конечно, союзная разведка этих тонкостей тогда не знала, и потому на всякий случай завод по производству тяжелой воды уничтожили. И тем не менее, если у нацистов был работоспособный термоядерный реактор-это технологический прорыв на сто лет вперед! Вообще это было характерно для немецкой военной промышленности. Куда ни плюнь — сплошные технологические прорывы. Ракеты различных классов, ракетная и реактивная авиация, подводные лодки, инфракрасная и радиолокационная техника и многое другое. И непонятно, откуда что бралось, ведь до войны немецкая военно-техническая мысль оригинальностью не отличалась...

— Это все понятно. Ты только скажи, какая связь между тяжелой водой, фон Брауном и нашей сегодняшней операцией?

— Связь прямая. Как помнишь, Гитлер пугал всех пресловутым «Вундерваффе», еще более мощным, чем все эти самолеты и ракеты. Атомная бомба? Но все данные свидетельствуют, что сведения о ней тянут самое большее на дезинформацию...

— И что?

— А то, что немцам реально удалось найти обломки «чужой» технологии. Можно говорить об инопланетянах, но сие из области предположений. Возможно, эти обломки остались от каких-то сверхдревних цивилизаций. Точно этого даже у нас не знают. В общем, в середине 1930-х почтенная организация «Аненербе» во время одной из экспедиций в Тибет нашла сверхдревние карты Антарктиды, где было обозначено нечто вроде взлетно-посадочных площадок. В 1938-м в Антарктиду поперлись немецкие экспедиции и нашли, что искали. Нечто вроде крытого эллинга или ангара на шесть «боксов», а в нем два пресловутых «летающих диска». Один в ремонтпригодном состоянии, другой — в совсем плохом. Но и тот и другой «диск» были мертвым железом. В качестве движков и источника энергии для оружия (а вооружены они были предположительно чем-то гравитационным) на них стояло как раз нечто вроде термоядерных реакторов. И, что самое обидное, топлива (по составу, как было определено позже, почти соответствующего дейтерию) не было совсем. Если там и был его запас, то он исчез. В общем, один из «дисков» (тот, который был в лучшем состоянии) перевезли в рейх. И с 1940 года работали с ним в специально созданном подземном комплексе на территории Восточной Пруссии. С этого периода и начались все эти разговоры о сверхмощном «Вундерваффе». Только времени у нацистов было маловато. «Диск» все-таки был в нерабочем состоянии. С его сложным компьютерным управлением не разобрались ввиду его полной непонятности. Стали разрабатывать ручное управление, для испытания которого понастроили летающих «дисков-аналогов», правда, по вполне соответствующим текущему моменту технологиям. Из-за этого эти «аналоги» еле-еле отрывались от земли... Параллельно гнали тяжелую воду. Тут союзники уничтожили завод

по ее производству, причем основываясь на совершенно неверных предположениях. Тогда и стало ясно, что «диск» так никогда и не взлетит. А тут еще наш друг Скорцени украл для Гитлера приказ, из которого следует, что Сталин имеет представление о «диске» и его хозяевах. Знаешь, какой это был удар для него? Ты думаешь, почему немцы так долго оборонялись в Восточной Пруссии и Курляндии? Ждали личных указаний фюрера, ведь у них там находилась «последняя надежда» на победу. А Гитлер как раз впал в прострацию по этому поводу... В общем, они дотянули... Уничтожить «диск» имеющимися средствами было невозможно, с эвакуацией они опоздали. Поэтому «диск» оставили в подземном комплексе. Нижние его ярусы, где «диск» и находился, подорвали, а сам комплекс затопили, причем по-хитрому...

— Погодь, — перебил его я. — Он что, и сейчас, в смысле в мое время, там?

— Да там, куда же ему деться... Комплекс находится на побережье, у городка, который у вас называется Полесск. Только он никого не интересует. По всем немецким документам там был недостроенный авиазавод, ориентированный на производство Me-163. В 1950-е туда пытались проникнуть, но оказалось, что в затопленные помещения откуда-то продолжает поступать вода. Как ее откачать, никто не знал, поскольку схемы и все свидетели были уничтожены. В итоге на комплекс плюнули. Тем более что все надземные сооружения тоже были взорваны подчистую. Когда вернешься — можешь поискать. Вдруг чего-то найдешь?

— А при чем тут фон Браун?

— А при том, что его, в общих чертах, конечно, информировали о том, что его ракетам есть «возможная альтернатива». Но о восточнопрусском «диске» у него была информация, что тот уничтожен. Окончательно и непоправимо. А вот о втором, антарктическом «диске» он знал. Ну и слил эту информацию американцам в обмен на всевозможные гарантии. Думаешь, зачем адмирал Берд в Антарктиду ходил в 1947-м? Для охраны «диска» у нацистов там была небольшая военная база, поэтому янки ожидали сопротивления. Но все закончилось пшиком. Оказалось, что база эвакуирована. Кем, куда, зачем? До этого так и не докопались вплоть до XXI века. Второй «диск» исчез. Вместе с ним исчезло почти шестьсот человек (научники, охрана, обслуживающий персонал), несколько подводных лодок, ракеты, самолеты. Остатки базы американцы взорвали. Берд в итоге написал туфтовые отчеты о том, что ему «оказали сопротивление», а реальные итоги этой экспедиции засекретили навечно. То ли у Гитлера были какие-то заранее заготовленные «запасные варианты», то ли в игру вступили какие-то «третьи силы». Немаловажный момент — русские в Антарктиде поначалу очень активно что-то искали. Посмотри, если будет время и желание, карту первых советских санно-гусеничных походов по Антарктиде. Маршруты там предельно странные... Кстати, не забывай, что у американцев исследованием Антарктиды занимались военные. Вплоть до конца 1950-х, когда был заключен международный договор о ее демилитаризованном статусе. И еще — вспомни неожиданную активность разведки НАТО в Прибалтике в 1940—50-е годы. В советское воздушное пространство упорно залетали их самолеты-разведчики. Несколько американских и шведских машин было сбито. Плюс активизация агентуры. Уж не к затопленному ли комплексу был такой интерес?

— А наш «засланный казачок» при чем?

— Дело в том, что с Бердом в Антарктиду ходила группа сотрудников фон Брауна. Они там, на этой покинутой базе, нашли много интересных железок. Например, детали от двухступенчатой ракеты А-9/10. Причем у них создалось впечатление, что в Антарктиде собрали серию таких ракет. Про это даже фон Браун не знал... В общем, есть очень большая

вероятность того, что наш человек, ушедший сегодня за Эльбу, попадет в эту группу. Нам очень нужно, чтобы он побывал на этой базе и увидел все своими глазами...

— Зачем?

— А вдруг найдет какие-нибудь следы, указывающие на то, куда эвакуировали «диск», или на то, кто такой приказ отдал. Ведь потом Берд базу подорвал...

— И что это даст?

— Видишь ли, начиная с 1980-х годов было несколько утечек информации о производстве тяжелой воды и дейтерия «налево». Но во всех случаях все это было столь умело законспирировано, что даже ЦРУ и КГБ не смогли докопаться до какого-либо результата. Отсюда возникли подозрения, что это либо проделки каких-то «экспериментаторов» вроде твоего «666-го» друга, подпадающие под юрисдикцию КТБ, либо...

— Что «либо»?

— Либо объявились хозяева «диска». В этом случае дело вообще приобретает интересный оборот. Но тут я не хочу что-либо даже заранее предполагать, поскольку начинаю впадать в ересь...

— Это дьявольски интересно, — заметил я. — Только зачем вы мне все это рассказали, командир?

— Затем, что ты можешь помочь нам. В своем времени. Но мы к этому разговору еще вернемся...

— В каком смысле?

— Пора тебе, понял? Забыл, какой сегодня день?

— Черт, а ведь верно... Я и не заметил, что уже время...

— Просьбы, пожелания будут? — спросил Заруба.

— Передай Катьке, — сказал я, одергивая ватник (мы для сохранения секретности были в солдатской форме), — что я ее почти любил, но понимал, что всерьез у нас ни черта не выйдет! Желая ей найти своего единственного. И чтобы между ними возникло нечто этакое — большое, советское и железное!

— И это все?

— А остальное в письмах, которые я кое-кому оставил...

— Ну-ну, — усмехнулся Заруба. — Оракул засратый...

В этот момент откуда-то из темноты, может, даже с того берега Эльбы, выстрелили из винтовки. Мне прямо в грудь.

— Приходя не радуйся, уходя не грусти, — сказал Заруба и добавил: — Будь здоров, солдат. Встретимся в 18.00, после войны...

Я хотел ответить, но уже не смог. На меня обрушилась темнота...

Под городом Магдебургом, недалеко от бывшего военного городка одной из советских частей на территории почившей в бозе ГДР, есть довольно большое военное кладбище. По сей день там лежит плита с надписью: «Теркин В. И. гв. лейтенант. 22.04.1922 — 9.05.1945. Погиб в боях за Родину». Там похоронена та часть меня, которая навечно осталась на той, давней и большой войне. Если бы на то была моя воля, я бы остался там целиком и навечно. Тогда хоть было за что умирать... И пусть катились бы к черту следующие шестьдесят лет. Но моего хотения никто не спрашивал... Кстати, Екатерина Васина два раза, в 1970-м и 1982-м, приезжала на это кладбище во время своих поездок в ГДР...

А майор (точнее, в то время уже полковник) Климов, узнав о моей гибели, с большим

облегчением приказал сдать все материалы по теме «Теркин» в архив. Собственно, это была чистой воды формальность. С момента моего перевода в коминтерновскую спецслужбу Сталин все равно не проявлял никакого интереса к моей персоне...

Но, увы, я должен был вернуться к себе. В то время, о котором можно сказать словами поэта Алексея Суркова (правда, написал он это по другому поводу, еще в 1935-м, в стихотворении «Над картой Союза»): «Голоса наших пушек смолкли давно. Кости смелых тлеют в гробу...»

И я вернулся. Сначала сквозь тьму отчетливо проступило близкое тиканье будильника. Я открыл глаза, и предметы вокруг меня обрели четкие очертания. Сквозь шторы пробивался солнечный свет. В общем, самое нормальное утро. С пробуждением в любимой койке... На кухне чем-то гремела мама. До меня доходили вкусные запахи. Хорошо, когда есть мама, живая и настоящая...

Продрав глаза, я сдвинул шторы в стороны. На улице был солнечный весенний день с едва проклюнувшейся на деревьях молодой листвой. На другой стороне улицы слева маячила сине-бело-зеленая вывеска офиса «ВолгоУралНефтеГазБанка», а справа краснела на розовом фоне входная дверь гастронома «Копейка» с рекламой «Пепси-колы» в витрине. Сев на постели, я включил телевизор, надеясь выловить какие-нибудь новости.

Но на экране возникла странная картина, состоящая из черно-белой хроники. На корабль пикировал японский самолет. По нему лупила чуть ли не сотня корабельных зениток — весь горизонт был исхлестан светлыми пунктирами снарядных трассеров. Самолет вспыхнул, потерял крыло и, завертевшись волчком, ударился о воду, подняв столб брызг. Потом в черно-белом небе вспух гриб атомного взрыва... И на фоне этого видеоряда совершенно не в тему заливался соловьем какой-то французский певун... Что за фигня?! Но тут атомный взрыв на экране сменился цветными кадрами какого-то западноевропейского города конца XX века, и я наконец понял, что к чему... Тьфу ты, идиот! Классику забыл... Это же «Тегеран-43» с песнопениями Шарля Азнавура. «Вечная любовь», кажется... Блин, сегодня же 10 мая, воскресенье. Вчера народ справлял очередные поминки по нашей победе, а сегодня выходной. А какие, спрашивается, могут быть по ящику новости утром в воскресный день? Нет, точно, я идиот...

С этой мыслью я потащился умываться. Прodelав утренний туалет и попив кофе, я решил заняться восстановлением провалов в памяти. Хотя никаких провалов не было. Я помнил, что было вчера, неделю и год назад. А 12 лет в окопах «Демилитаризованной зоны» и почти 4 года Великой Отечественной воспринимались мной не иначе как чрезмерно длинные и детальные цветные сны...

Я включил комп и проверил электронную почту. Свежих сообщений было два. Одно от знакомого журналиста Андрюхи Беленького из Северобайкальска: «Привет, старик! Похоже, насчет колчаковского золота ты оказался прав. Все выходит именно так, как ты предполагал. Если интересуют подробности — позвони». Второе сообщение было с незнакомого адреса: «Здорово, Теркин! Как я и обещал, встречаемся сегодня, 10 мая, в 18.00 в вашем Парке Победы, за памятником. Еще советую заглянуть в шкаф и правый верхний ящик твоего рабочего стола. Будешь приятно удивлен. Крепко целую. Твой Заруба на Прикладе». Блин, не успели расстаться, а он уже тут как тут... Оперативно работает...

Я сунулся в шкаф. Н-да, режиссер Леонид Гайдай в своей великолепной комедии «Иван Васильевич меняет профессию» только одну вещь недодумал. На мой взгляд. Когда в конце фильма лежащая в углу шапка Мономаха обращается черным котом, становится сразу

понятно, что вся описанная в картине история — фикция. Дескать, инженеру Тимофееву все это привиделось. От переутомления и последствий удара током...

В моем случае шапка Мономаха осталась лежать в углу... В шкафу обнаружилась моя лейтенантская форма. Свернутая мной перед уходом на крайнюю операцию. Бриджи, гимнастерка, пилотка. Ремень с португеей и пустой пистолетной кобурой. В кармане гимнастерки — документы на имя В. Теркина. Над карманом два ордена Красной Звезды и Отечественная война 1-й степени (у моего деда было наоборот — две Отечественных войны и одна «Звездочка» плюс медали)... Вот только сапоги были не те — новенькие, чистые, ни разу не надеванные «хромачи». Ну, как тут память потерять, если не дают?!

Конечно, сомневаюсь, что я эту форму когда-нибудь на себя надену. Не люблю я всяких «ряженных», которые в последнее время расплодились во множестве. Нет, я еще могу понять пацанов студенческого возраста, плящих на себя униформу солдат Великой Отечественной. У них еще свербит в попе недоигранная в детстве «войнушка», где каждый час можно умирать и оживать... Но когда здоровые мужики предпенсионного возраста нацепляют отвратительно пошитые мундиры войны 1812 года или Гражданской войны в США (идиотизма последних я понять вообще не в силах. Может быть, они тешат себя надеждой, что если будут играть в импортные, американские цацки, то их позовут в эти самые Штаты, на какой-нибудь всемирный форум подобных уродов имени Ретта Батлера?) с киверами из папье-маше — это уже клинический случай. Хотя, к примеру, военно-историческую миниатюру я очень ценю и уважаю. Она как-то ближе к нормальному искусству вроде живописи. Не то что все эти «любительские спектакли с переодеваниями»...

А в правом верхнем ящике стола неожиданно обнаружилась папка с небольшой подборкой документов — от газетных вырезок до выписок из архивных дел. И я не помнил, чтобы я когда-то клал в тот ящик похожую папку. И было в этой папке много интересного. Подполковник Николин Э. Л., бывший военком Пролетарского РВК, оказывается, уже второй год тянул срок. Его приловили на получении взяток за откос от армии. То ли брал больше положенного, то ли не хотел делиться... Дали четыре года... Юрик Гречкин стал бандюком, и его застрелили из восьми стволов во время очередной разборки еще в 1994-м... Мишаня Коркин в этой жизни стал владельцем автосалона и усиленно продвигал на Краснобельский рынок какие-то офигенные южнокорейские внедорожники. Подтверждением чему служила статья из местного полуглянцевого альманаха «Бизнесмен»... Старлей Чепцов в этой жизни стал капитаном и погиб, в числе прочих в Чечне в январе 1995-го. Его обгоревший, объеденный собаками труп идентифицировали с помощью анализа ДНК только через год с лишним...

Было в той папке кое-что и про героев другой войны. Хотя не скажу, что меня эта информация сильно обрадовала. Почти все мои сослуживцы по спецподразделению «7-40» к этому времени уже умерли. Что удивляться — лет-то сколько прошло... В частности, Е. Васина умерла в 1998-м, ее потомки, по данным из папки, живут в Москве и Питере. Жив-здоров оказался только наш летчик-универсал Славка Кинев. Он, оказывается, неслабо полетал после войны. За Корею стал Героем Советского Союза, а с конца 1950-х трудился в своей любимой Полярной авиации. За освоение Антарктиды он позднее получил еще одну Золотую Звезду. На сей раз — трудовую. Судя по газетной статье о нем из той же папки, разменяв девятый десяток, он все еще был вполне бодр, в твердом уме и здоровой памяти...

В общем, мне было о чем поразмыслить. В моем активе было старое расследование по колчаковскому золоту, до сих пор покоящийся в затопленном бункере таинственный «диск»,

судьба оставленных мной конвертов с предсказаниями будущего (учитывая, что один конверт я отправил товарищу Сталину, да и Киневу нечто подобное я тоже в свое время оставил) и еще много чего... Предстоял непочатый край работы...

А к 18.00 я пошел-таки на встречу с Зарубой. Благо пресловутый парк находится от меня в трех кварталах... Едва выйдя из двора, я увидел на углу Рустика. Он о чем-то оживленно трепался с двумя девками, полуодетыми по последней моде. Их гогот был слышен за квартал. В своей канареечной ветровке с капюшоном и широченных штанах он ничем не напоминал того малолетнего снайпера из другой жизни. Да и морда лица у него была весьма справная и туповатая, видно, от сытой жизни... И правильно — на хрена нам война? Пошла она на... Вон какие рядом телки, чего еще желать? И пусть у них совсем нет мозгов, а словарный запас состоит из десяти междометий (и те матерные), зато у них офигенные дойки и голые невымытые пупки. Все при них... Тут не то что воевать — учиться-то неохота... При этом почему-то принято думать, что это поколение размножится и «поднимет Россию». Вопрос: а оно им надо? Поднимать-то? Эх...

Подходы к парку были изрядно загажены во время вчерашних торжеств. Возле битком набитых урн лежали груды мусора, в которых преобладали разнокалиберные пивные флаконы и рваные пакеты из-под чипсов и сухарей. На некоторых пузырях и упаковках присутствовали военно-праздничные атрибуты вроде этикеток «Сухарики Гвардейские»... Кое-где на фонарных столбах еще болтались георгиевские ленточки. Такие же ленточки валялись в некоторых урнах. День Победы у нас... С победной же символикой, мать ее... Убрать это безобразие теперь должны не скоро... И тем не менее хорошая погода и относительное малолюдие все-таки настраивали меня на лирический лад...

На полпути к парку у меня произошла еще одна «историческая встреча». Я лицом к лицу нарвался на Светлану Дитлову. А точнее, на ее здешнего «клона». Без всякого сомнения, это была она. Хотя узнать ее было сложно. Совершенно другая прическа и цвет волос. Другое выражение лица. Короче, все другое... И ничего в ней не осталось от того самооборонного медика. Эта Дитлова не смогла бы спасти под огнем чьи-то жизни и умереть от смертельной раны. Передо мной была обычная, задерганная жизнью хабалка, возрастом под полтинник. На ней были укороченные брюки капри по последней моде, матерчатые туфли-шлепанцы без задников, плюс какие-то блузка с ветровкой навыпуск. Брюки были явно тесноваты, отчего ее задница казалась непропорционально большой, чего за той, другой, Дитловой никогда и никем не замечалось. И лицо у нее было не припухшее, как я его запомнил, а какое-то загорелое, злобно-высохшее. В одной руке — туго набитый пакет. В другой — мобильник, по которому она не переставала трепаться. Действительно, что за баба в наше время без мобильного? Рядом с ней шла прикинутая с покушениями на моду девочка лет десяти-двенадцати, наверное, дочь... Меня Дитлова не узнала, да и не могла узнать. Ну и бог с ней. Жива, и ладно. В той-то реальности она года три как мертвая...

Здесь я с грустью подумал, что судьбы у людей «там» и «здесь» не всегда изменились в лучшую сторону. Например, мой одноклассник Дима Шангин. В той реальности он героически погиб на Львовщине и стал посмертно Героем. А здесь для него все закончилось значительно раньше. И пошлее. Еще в 1991-м, отмечая зачисление в институт, он вышел покурить на лестничную площадку. И вздумалось ему спяну достать ногой висящую под потолком лампочку. Тогда все тащились от «колотушек» с Брюсом Ли, а Дима наш был крутой спортсмен и первый парень на деревне. В общем, подпрыгнул он, поскользнулся и хлопнулся башкой о ступеньки. Перелом шейных позвонков... Так что он уже давно на

кладбище... Хотя я помню фортели и поинтереснее. Например, человек, ставший в той трагической реальности успешным пилотом штурмовика Су-25, в нашей мирной, в общем-то, жизни стал всего-навсего ментом... Эх, да что вспоминать...

Справа на подступах к парку моем взору открылось кафе «Искорка», где уже второй день на всю катушку гуляло нечто вроде свадьбы. Окрестности оглашались голосом Жанны Фриске. Песня состояла из одних перечислений — малинки, тропинки, вечеринки, буратинки... Иностранное творчество... Я вспомнил, что в той реальности, во время первого натовского удара по Минску, там оказалась на гастролях Алла Борисовна, попавшая в число «безвозвратных потерь», и улыбнулся. Нынешнюю попсу, увы, не сметишь даже ковровым бомбометанием и боевой химией...

С этими мыслями я перешел дорогу и вступил в парк. В странноватый и сюрреалистический наш Парк Победы. Собственно, Победы он последние лет двадцать, а до того был Парк Нефтехимиков, что тогда больше соответствовало истине. Находится парк на горе, над рекой. До самой реки тянется лес, посадкой которого в 1960-е руководил не кто иной, как мой дед. В общем, лес-то издали как раз выглядит пристойно. Заходить в него я, конечно, никому не советую — навалено под каждым деревом плюс битое стекло кругом. А летом, после разлива реки, еще и оголодавших комаров тучи... А вот что касается победы...

Слева, как заходишь в парк, стоит наш убогонький музей этой самой победы. Построили его к ее 55-летию, и ничего умного или оригинального в своей экспозиции он не имел и не имеет. Любой сдвинутый на военной тематике начинающий клептоман школьного возраста, имеющий небедного папу и Интернет, сейчас может собрать у себя в квартире куда более богатую и интересную коллекцию причиндалов тех времен. Ну, стоит себе музей и стоит. Есть не просит. Раньше на месте музея была карусель, потом — небольшое помойное болотце. Наши аборигены в музей ходят только 9 мая, когда вход бесплатный. В иное время стоимость входного билета равна цене полбутылки водки, что среди народных масс давно уже считается совершенно неприемлемым. Перед музеем натыкано несколько пушек, самая старая из которых выпущена лет через десять после окончания войны. Справа на обшарпанном постаменте стоит танк Т-34-85 с явными признаками двух послевоенных модернизаций. И то и другое каждую весну красят свежей заборной краской ядовито-зеленого цвета. В общем-то, как везде на обломках давно сгинувшего «Союза нерушимого».

Куда большее, чем музей и все это ржавое железо, внимание народонаселения привлекает кабак «Заимка», совмещенный в зимнее время с лыжной трассой и прокатом лыж, прилепившийся на склоне за музеем. Вот уж где всегда царит радость и всенародное веселье! Кабак приветствовал меня песней, очень подходящей к текущему моменту.

— Айн, цвай, драй! Шикен, шикен швайне! — частили динамики шалым голоском Глюкозы (или как там ее на самом деле?). Ладно хоть это. А то обычно в этом заведении предпочитают с утра до ночи гонять лагерную лирику. С какого-то перепугу именуемую в нашей стране «русский шансон»... Смешнее другое. За музеем и кабаком находится образцово-показательная мечеть. И, когда вопли муллы (или кто у них там молитвы кричит?) сливаются с музоном, доносящимся из «Заимки», впечатление создается неопишное. Хоть смейся, хоть плачь...

Между тем по вытертым, как вся ратная слава Красной Армии, плитам главной аллеи я поднялся к главной достопримечательности парка. Таковой у нас считается открытый к 40-летию Победы монумент, формально посвященный двум индивидам, в разное время улегшимся на амбразуры вражеских дзотов. Первый из них широко и всемирно известен.

Собственно, про всех ему подобных с тех самых пор говорили, что они «повторили подвиг» этого рядового. Он еще прославился тем, что в момент гибели имел при себе два одинаковых комсомольских билета, ныне выставленных в двух различных музеях... Со вторым индивидом — лейтенантом с татарской фамилией — сложнее. Никто и никогда не мог понять, с чего это вдруг командира пулеметного взвода понесло на амбразуру? Ну да ладно. Гигантские, псевдобронзовые головы двух этих героев закреплены на штыкообразной стеле, облицованной обшарпанным гранитом. А вот сам памятник стоит в аккурат под этой самой стелой. Сия скульптура заслуживает отдельного разговора. Именно глядя на подобных истуканов, иностранцы подозревают во всех россиянах язычников. Действительно, понатыкали когда-то, еще в той, другой державе, памятников. Тех, кого они изображают, уже и по фамилиям не помнят (в нашей чудесной стране большинство уже не знает, кто такой Пушкин, Ленина еще помнят в лицо, но сказать, чем он знаменит, явно затрудняются; что тогда говорить о таких личностях, как Горький, Калинин, Орджоникидзе или Кржижановский?), но цветы к их постаментам отчего-то продолжают возлагать... По крайней мере, во время свадеб. Загадочна и темна душа россиянина. Особенно когда он сочетается законным браком...

Так вот, под стелой на коленях стоит гигантский манекеновидный солдат, в каске, шинели и развевающейся плащ-палатке. Лицо у него олигофреноподобное, а в руке нечто, отдаленно напоминающее вылепленный ребенком из пластилина автомат ППШ. Ясно, что скульптор, как это было принято в те годы, «гнал вал» и потому явно схалтурил. Поскольку непонятно, какой подвиг сей солдат собой символизирует. Вроде бы на амбразуру по-нормальному было принято ложиться грудью, но солдат на памятнике явственно наклонен назад. Да еще умник-скульптор для прочности вогнал солдатской фигуре почти точно в зад нечто, похожее на классический противотанковый еж. А на лице памятника при этом такое выражение, словно он от этого противотанкового ежа в своей пятой точке прямо-таки тащится... Ну, в общем, в народе эту фигуру иначе чем «Сел на Ежа» не называли. И не называют. Как приклеилось... Собственно, народ у нас вообще с юмором. У городского кинотеатра «Пламя» стоит фонтан с фигурой голого юноши, держащего в руках народный инструмент. Так сей скульптурный шедевр, сколько себя помню, называют «Все продай — купи Курай». И всем нравится...

Обойдя Вечный огонь (открыт, как легко догадаться, к 45-летию Победы), я миновал памятник и почти сразу же увидел того, кого ожидал. Внешность свою Заруба не изменил. Только пострижен он был «под кирпич», по последней нынешней десантно-штурмовой моде. Вырядился он на сей раз в полевое армейское камуфля и ботинки с высокими берцами. Довершали картину зеленые майорские звездочки на клиновидных полевых погонах и черно-сине-белый «бэтмен» спецназа ГРУ на правом рукаве куртки. Заруба стоял и курил, чего на прошлой войне я за ним не замечал. Тогда он вообще не курил.

— Здорово, что ли, Теркин! — приветствовал он меня, гася окурок. — Я смотрю, ты пунктуален!

— Здорово, команданте! А ты и здесь майор? Большого не заслуживаешь?

— Хы! На фига мне чужие лавры и высокие звания? Я ведь и там майор.

— Где это «там»?

— Ну, у себя. Так что я везде майор армии-победительницы...

— Это кого же эта армия-победительница победила в последнее время? Советского генерала Дудаева и полковника Масхадова вкупе с недоучившимся студентом Басаевым и

комсомольским вожаком Радужевым? Не смейся, я тебя умоляю...

— Ты не ехидничай, журналюга. Не победила сейчас, так потом победит. Лет этак через пятнадцать. Я же тебе рассказывал.

— Ну-ну. Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет... Я бы поверил, если бы ты в Народно-Освободительной армии Китая служил, а так — извини... Так зачем звал?

— Дальше работать с нами будешь? На постоянной основе?

— Опять в «ночную смену»?

— Ну не в дневную же... Ты у нас вроде парень понятливый. Но самое главное даже не в графике работы, а в том, что кое-кто у нас получил-таки санкцию на разработку одной милой твоему сердцу темы...

— Это какой?

— Исследования по изучению различных вариантов Второй Мировой войны привели кое-кого из специалистов к парадоксальным выводам. В большинстве известных вариантов Вторая Мировая отчего-то приводила к тому, что после ее окончания так или иначе случалась атомная война...

— Что, и в нашем варианте это неизбежно?!

— В будущем. И очень локальная. Добавлю, что минимум в десяти случаях ядерная война была всеобщей, с вымиранием 80–95 % населения планеты, ядерной зимой и прочими «прелестями». В разных вариантах реальности это случалось 3 июня 1951-го, 16 марта 1959-го, 21 мая 1962-го, 28 ноября 1980-го, 19 апреля 1984-го, 10 февраля 1987-го, 1 октября 1990-го, 17 июня 1995-го, 9 августа 1997-го, 11 сентября 2003-го. При желании список можно продолжить... Даже в вариантах с возможной победой нацистов большинство вариантов заканчивалось распадом Третьего Рейха и войной между его провинциями. Сходные последствия дает и окончательная победа коммунистов в «холодной войне»...

— И что из этого?

— По всему выходит, что Вторая Мировая — ключевое событие во всей мировой истории. И почти всегда сам факт того, что она случилась, означает гибель цивилизации на планете в течение последующих 5-150 лет. И какой, по-твоему, из этого следует вывод?

— А предотвратить или переиграть Вторую Мировую никто не пробовал? Так, чтобы, к примеру, республиканцы победили в Испанской войне. Или в Мюнхене повернуть все как-то иначе, чтобы чехи все-таки смогли разобраться с Гитлером еще в 1938-м?

— Вот над этим нам и предстоит работать. Так ты согласен?

— А то...

И мы начали работать. Но это уже другая история...

Больше книг на сайте - Knigolub.net